

**Экономические
и гуманитарные
исследования
регионов**

5/2011

www.cegr.ru

Регистрационный номер

Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ ФСС 77-39740
номер в каталоге Агентства Роспечать 37137

ISSN 2079-1968

Журнал «Экономические и гуманитарные исследования регионов» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК и публикует результаты оригинальных теоретических и прикладных исследований по актуальным проблемам экономики, права, филологии, истории, философии, социологии, политологии, педагогики, психологии, культурологии, материалы научных конференций, информационные материалы, представляющие интерес для профессорско-преподавательского состава и научных работников.

Научно-теоретический журнал

№ 5 2011 г.

Редакционная коллегия:

Несмеянов Е.Е. – доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (главный редактор); Говердовская Е.В. – доктор педагогических наук, доцент (заместитель главного редактора); Акаев В.Х. – доктор философских наук, профессор; Везиров Т.Г. – доктор педагогических наук, профессор; Гончаров В.Н. - доктор философских наук, профессор; Горелов А.А. - доктор педагогических наук, профессор; Губарь О.В. – доктор экономических наук, профессор; Каргиева З.К. - доктор педагогических наук, профессор; Кокоева Л.Т. - доктор юридических наук, профессор; Матяш Т.П.– доктор философских наук, профессор, Мокрецова Л.А. - доктор педагогических наук, профессор; Муругова Е.В. – доктор филологических наук, профессор; Пугачева Н.Б. - доктор педагогических наук, профессор; Розин М.Д. - доктор философских наук, профессор; Суций С.Я. - доктор социологических наук, доцент; Тен Ю.П. – доктор философских наук, доцент; Финько М.В. - доктор философских наук, профессор; Цечоев В.К. – доктор юридических наук, профессор; Шенгаров Г.Х. - доктор философских наук, профессор.

© «Экономические и гуманитарные исследования регионов», 2011

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

- Дмитриева Н.В.** Либеральная модель национально-государственного устройства России в начале XX века. 3

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Минситова М.В.** Основные теоретические подходы к исследованию символической атрибутики детства. 12

ПЕДАГОГИКА

- Абрахова В.В.** Творческий процесс управления развитием учреждения дополнительного образования. 18

- Говердовская Е.В., Гриневич И.М.** Поликультурная компетентность преподавателя как условие становления поликультурной компетентности студента. 23

- Липилина Е.Ю.** Модель процесса развития творческого потенциала будущего инженера-конструктора швейных изделий. 30

- Мангасарян М.К.** Феномен развития сельских воспитательных домов Германии (100-летию юбилею экспериментальных школ Германии посвящается). 36

- Румба О.Г., Ковалева М.В.** Исследование эффективности применения подвижных и элементов спортивных игр в занятиях со студентами СМГ с ограниченными возможностями кардиореспираторной системы. 42

- Садовников Е.С.** Здоровый образ жизни как часть онтологической структуры заботы о себе. 50

ПОЛИТОЛОГИЯ

- Андреева А.А.** Региональная политика безопасности Европейского Союза в рамках Барселонского процесса. 55

ПРАВО

- Махова А.В.** Российская электоральная политика в конце XX в. - начале XXI в.: основные этапы развития. 60

- Мигулина Д.А.** Правовое положение главы крестьянского (фермерского) хозяйства. 67

Мифтахов А.М. Назначение наказания за преступления в сфере правил дорожного движения	76
---	----

ПСИХОЛОГИЯ

Фельде Ю.В. Безопасность дорожного движения как объект психологических исследований.	83
--	----

СОЦИОЛОГИЯ

Быкова Е.С. Оценка применения социальных технологий развития кадрового потенциала в органах местного самоуправления (на примере г. Саратова).	89
---	----

Тарасенко В.В. Социокультурный анализ Российской модели территориальных кластеров.	94
--	----

Черепанов Е.В. Типологическое пространство и его использование при классификации социально-экономических объектов.	100
--	-----

ФИЛОЛОГИЯ

Сеидова Ш.И. Человек и природа в азербайджанской литературе (на материале романа И. Шихлы «Буйная Кура»).	112
---	-----

ФИЛОСОФИЯ

Габеев В.В. Европейская модель государственно-конфессиональных отношений.	115
---	-----

Яблонская Л.М. Современная полиция: служение сообществу на основе деонтологического подхода.	125
--	-----

ЭКОНОМИКА

Гассий В.В. Процесс формирования системы государственно-частного партнерства в области природоохранных мероприятий производственной сферы региона.	130
--	-----

Гусейнова Х.М. Проблемы социально-экономического развития региона (на примере республики Азербайджан).	140
--	-----

Магомаева Л.Р. Особенности содержания предпринимательской деятельности в современных российских условиях.	144
---	-----

ИСТОРИЯ

УДК 94(47).083

ЛИБЕРАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Дмитриева Н.В.

RUSSIAN LIBERAL GOVERNMENTAL SET-UP IN THE EARLY 20TH CENTURY

Dmitrieva N.V.

В статье анализируется процесс формирования модели национально-государственного устройства России в отечественной либеральной мысли начала XX века. Автором обозначены основные направления в либеральной среде по данному вопросу, показан процесс эволюции концептуальных положений либералов по национально-государственному устройству страны, определены причины происходивших изменений.

The article analyses the process of developing Russian Liberal national governmental set-up in the beginning of 20th century. It defines the main directions on the problem. The article illustrates the development of main Liberal ideas concerning national governmental set-up and distinguishes the reasons of the changes of that time.

Ключевые слова: «новый либерализм», национально-государственное устройство, империя, историография, национальные окраины.

Keywords: “new liberalism”, national governmental set-up, Empire, historiography, national outskirts

Российское государство на протяжении значительной части своей истории представляло собой многонациональное политическое образование и продолжает им оставаться в настоящий момент. В ходе исторического развития полиэтничный состав населения (зачастую) актуализировал проблемы, связанные с выбором формы государственного устройства и поиском эффективной системы организации взаимоотношения центральных и местных властей. Объясняется это тесной взаимосвязью политических и национальных интересов в ходе выработки подобной системы. Наибольшую актуальность проблемы национально-государственного устройства приобретают в кризисные периоды развития государства. На протяжении XX века в России дважды происходили кардинальные изменения в политической системе, и вместе с ними подвергались пересмотру принципы, заложенные в основу административно-территориального деления страны. Следует отметить, что и на современном этапе развития Российской Федерации продолжается поиск критерия для оптимального варианта организации взаимодействия властей разного уровня, что

привлекает к исследованию данного вопроса не только политиков и юристов, но и профессиональных историков (в начале XX века в России в рамках различных политических течений уже были предприняты попытки решения вопроса о национально-государственном устройстве страны).

Одним из наиболее крупных и влиятельных политических направлений в России начала XX века являлся либерализм. Значительный научный интерес современных историков к разработкам именно этого политического течения может быть объяснен многогранной деятельностью его представителей, существенными теоретическими и программными работами по вопросам государственного строительства.

Национальная программа русского либерализма начала изучаться еще в дореволюционной историографии (в основном усилиями самих либералов). Программные документы «Союза Освобождения», а также многие резолюции и постановления земских съездов были приведены в работе И.П. Белоконского, правда, без какого-либо их анализа [1]. В этот же период были опубликованы воспоминания князя Д.И. Шаховского, в которых программа «освобожденцев» данного времени излагалась по пунктам, но без выделения из нее национально-государственной проблематики и, тем более, без анализа данного компонента программы [2].

Определенное значение для понимания национального идеала русских либералов имела развернувшаяся в 1914 г. полемика между кадетом Ф.Ф. Кокошкиным, один из главных разработчиков либеральной программы в этой сфере, и П.Б. Струве. Ф.Ф. Кокошкин заявил, что либерализм не может сочетаться с национализмом, а национальный либерализм невозможен. В ответ П.Б. Струве, некогда отстаивавший идеал гражданской российской нации, но к этому времени объявившим себя «империалистом», писал: «Россия не просто национальное государство в роде Франции или Германии, а именно национальная империя...», поэтому «...в России либерализм для того, чтобы быть сильным, не может не быть национальным», т.е. великорусским».[3, С. 235-236].

В советское время национальная программа либералов не нашла систематического изучения и упоминалась лишь эпизодически (в работах по истории непролетарских партий России). Из работ советского периода решения либеральных съездов (в частности, упомянутого Парижского совещания) нашли сколько-нибудь подробное описание лишь в работах К.Ф. Шацилло, в противовес всей предшествовавшей историографии утверждавшего, что «Парижская конференция — событие, не имеющее аналогов в истории общественного движения и общественной мысли России» [4, С.238-252]. Более детально анализировалась программа либералов уже на этапе партийной организации, т.е. кадетов и октябристов.

Серьезное научное изучение национальной программы либералов началось в постсоветский период. В 1993 г. вышла статья В.В. Шелохаева, впоследствии этот сюжет стал частью его же монографии (глава 2 «Постановка и варианты решения национального вопроса»), и был затронут в обобщающей статье 2001 г. [5]. В этих работах проанализированы основные пункты либеральной программы, показаны расхождения между кадетами, с одной стороны, и октябристами, а также прогрессистами, с другой.

Данной проблематике посвящен также доклад А.В. Щербины на конференции «Либеральный консерватизм: история и современность», в котором отмечается, что национальная программа русских либералов рассматривалась как решение комплекса задач по двум направлениям: права национальностей, национальное равноправие и национально-государственное устройство Российской империи [6, С. 227-228]. Автор отмечает приоритет первого направления и указывает на принципиальное расхождение между кадетами и октябристами именно в видении национально-государственного устройства империи, которое восходило к решениям сентябрьского съезда.

Особняком от других современных работ стоит исследование О.Ю. Машиной, которая сформулировала концепцию «либерального национализма» [7]. Такой национализм, по ее мнению, представлял собой «концепции, сочетающие либеральные и националистические ценности». С данных методологических позиций и рассматриваются программные установки русских либералов начала XX столетия.

Итак, в отечественной историографии русского либерализма (главным образом, современной) национальный компонент программных установок либералов подвергся серьезному анализу. Однако (несмотря на существенный объем литературы по данному вопросу) до настоящего времени нет отдельных исследований, касающихся начального (допартийного или протопартийного) этапа формирования его национальной программы.

Следует отметить, что в конце XIX – начале XX вв. в рамках русского либерального движения сформировалось новое течение, получившее в историографии наименование «новый либерализм». Одной из отличительных его черт было стремление синтезировать (прежде всего, на теоретическом уровне) новейшие западноевропейские идеи общественного переустройства. К характерным идеологическим признакам и параметрам европейского либерализма относились парламентская демократия в сфере политики, рыночная экономика и принцип невмешательства государства в экономической сфере, в культуре – свобода мысли и слова. В национальных отношениях классический либерализм стоит на позициях приоритета национальной государственности. Имея в качестве основы вышеперечисленные достижения европейского либе-

рализма, представители отечественного либерального движения выработали адаптированный для российских условий вариант модернизации.

Составной частью данной концепции являлся вопрос об изменении национально-государственного устройства страны. Среди причин, обусловивших пристальное внимание либералов к обозначенной проблеме можно назвать следующие: во-первых, имперский тип государственности, основанный на унитарном принципе организации взаимосвязи центра и периферии, существовавший в России в начале XX века ; правительственный вариант решения вопроса о национально-государственном устройстве России принципиально не отличался от направления, определенного в годы правления Александра III; в конце XIX века имперская экспансия России была переориентирована с внешнего направления на внутреннее; централизация системы управления и русификация стали приоритетными задачами имперского центра; во-вторых, полиэтнический состав населения страны, согласно результатам Первой все-русской переписи населения 1897 г., в России в начала XX века проживало 129,9 млн. чел, говоривших более чем на 130 языках [1, 209]; подобная многонациональность в условиях модернизации требовала пересмотра прежних принципов организации взаимодействия государства и его составных частей; в-третьих, рост в обозначенный период национализма и сепаратизма, их массовый характер как следствие русификаторской политики центрального правительства; это активизировало работу либералов по разработке национально-государственного вопроса.

Вопрос о правах наций, входящих в состав Российской империи, представителями либерального движения был решен практически сразу. Основным принципом либерализма является права и свободы личности, в связи с чем отечественные либералы выступали за введение в России гражданских прав, одинаковых для всех национальностей империи. Уже в первом номере журнала «Освобождение» (печатном органе либерального движения) была опубликована программная статья «От русских конституционалистов». Ее авторы обозначили «те требования, которые во всех культурных государствах давно уже легли в основу свободной общественной жизни», а именно: личная свобода и равенство всех перед законом. При этом под вторым подразумевалось «отмена всех исключений и изъятий национальных, сословных и религиозных. Применительно к русской действительности это ... сводится ... к признанию полной свободы веры и совести, к отмене ограничений в сфере личного и имущественного права относительно евреев и поляков» [9, С. 9].

Подобный подход не соответствовал официальной имперской идеологии, согласно которой русская (имперская) нация почиталась главенствующей в империи, а православная вера признавалась основой духовного единения в

обществе [6, С. 227]. На теоретическом уровне доказательства необходимости введения равноправия всех наций в рамках империи с целью сохранения ее геополитической целостности можно найти в исследованиях П.Н. Милюкова и П.Б. Струве по вопросам национализма. В них получила разработку идея создания единой нации в рамках Российской империи. Образцом подобного нацистроительства выступали Соединенные Штаты Америки. Однако авторы разошлись в вопросе практического осуществления данной концепции.

П.Б. Струве настаивал на возможности создания единой имперской нации только при доминирующей роли русской культуры [10, С. 170]. При этом он считал недопустимым насильственное навязывание превосходства русской культуры за счет сохранения неравноправия представителей других наций и культур. По мнению П.Б. Струве, лидирующая роль русской культуры в процессе создания единой имперской нации будет обеспечена свободной конкуренцией. П.Н. Милюков настаивал на необходимости взаимодействия и взаимообмена разных культур в процессе формирования единой имперской нации, отличительной чертой которой должно стать общее имперское сознание. В отличие от П.Б. Струве, П.Н. Милюков не закреплял за русской культурой главенствующей роли в данном процессе. Он неоднократно подчеркивал, что «общегосударственным» может быть язык, но не национальность [11, С. 111].

Таким образом, признавая необходимость введения национального равноправия в стране, распространение гражданских прав и свобод на все население, представители отечественного либерализма не ставили вопрос о возможном отделении от Российской империи определенных частей и распаде государства. И П.Б. Струве, и П.Н. Милюков выступали за сохранение единого имперского пространства.

Вопрос о праве наций непосредственно связан с проблемами административно-территориальной организации имперского пространства. Программная статья первого номера журнала «От русских конституционалистов» исходила из предположения, что «в более или менее близком будущем правительственная власть будет поставлена в необходимость приступить к серьезной политической реформе» и требовалось «выработать такую программу совершенно определенных политических требований, на почве которой земство могло бы действовать совместно с другими общественными группами...» [12, С. 7].

Авторы данного программного заявления сформулировали предварительные условия, без которых не могли проводиться серьезные политические преобразования в стране. Первый пункт этих условий предусматривал гарантии личной свободы. Второй пункт, более развернутый, гласил: «Равенство всех перед законом и как его последствие отмена всяких исключений и изъяс-

тий национальных, сословных и религиозных». Установление такового равенства, кроме прочего, в России сводилось к «признанию полной свободы веры и совести, к отмене ограничений в сфере личности и имущественного права относительно евреев и поляков» [12, С. 9].

Данное программное заявление позволяет нам увидеть ряд характерных черт, присущих изначально либеральной парадигме решения национально-государственного вопроса в России. Во-первых, данный вопрос тесно увязывался с общим процессом политической модернизации страны и переходом к конституционному строю. Во-вторых, собственно национальный вопрос неразрывно был связан с вопросом вероисповедным. В-третьих, основное направления разрешения национального вопроса виделось в предоставлении инородцам равного статуса с русскими. В-четвертых, вопрос об изменении механизма организации взаимодействия имперских властей и национальных окраин на начальном этапе разработки национальной программы либералами еще не ставился.

Значительное внимание национальному и «областному» вопросам (т.е. статусу имперских провинций и их взаимоотношению с центром) было уделено на учредительном съезде «Союза Освобождения», проходившем 3 – 5 января 1904 г. в Петербурге. Среди обсуждаемых тем были «отношения между национальными и областными правами», а также «польский вопрос», который, впрочем, в окончательной резолюции отражения не получил. Важность съезда состояла в том, что именно на нем была принята формулировка, признающая за народностями России «права на самоопределение». В резолюции съезда, приводимой князем Шаховским, содержался следующий пункт: «В сфере национальных вопросов Союз признает право на самоопределение за различными народностями, входящими в состав Российского государства. По отношению к Финляндии «Союз присоединяется к требованию о восстановлении государственно-правового положения, существовавшего в этой стране до противозаконных нарушений этого положения» [13, С. 552]. Таким образом, впервые русская либеральная программа включила пункт о самоопределении наций в качестве системообразующего принципа своей национально-государственной политики.

Дальнейшее развитие проблема национального самоопределения получила на «Конференции оппозиционных и революционных организаций России», проходившей в Париже с 30 сентября по 9 октября 1904 г. На конференцию собрались представители следующих 8 организаций: «Союз Освобождения»; Партия социалистов-революционеров; Польская социалистическая партия; Латышская социал-демократическая партия; Грузинская партия социалистов-федералистов-революционеров; Армянская революционная федерация; Поль-

ская национальная лига; Финляндская партия активного сопротивления [14, С. 152]. Из трех обсуждаемых на конференции вопросов два имели отношение к общей политической программе и тактике (политический строй и средства борьбы). Поскольку на этой конференции преобладали национальные партии империи, «вопрос о национальностях», точнее, вопрос о статусе окраин (в первую очередь, Финляндии и Польши) также явился предметом обсуждения.

В итоговом протоколе по «вопросу о национальностях было зафиксировано «общее желание применять демократическую идею к установлению общего взгляда на решение этого вопроса», т.е. прямая связь данного вопроса с желаемой трансформацией политического строя в сторону установления народного представительства со всеобщим избирательным правом. Был зафиксирован крайне важный принцип решения данного вопроса — признание за каждым народом империи права на самоопределение с одновременным осуждением русификаторской политики имперской власти. От «Союза Освобождения» было опубликовано отдельное разъяснение, которое в части национального вопроса солидаризовалось с «Декларацией», но критиковало действия русской власти в национальных окраинах (очевидно, осторожность, вызванная стремлением не отпугнуть от «освобожденцев» потенциальных союзников из числа русских политических сил). «В сфере национальных вопросов Союз признает право на самоопределение за различными народностями, входящими в состав Российского государства. По отношению к Финляндии Союз присоединяется к требованию о восстановлении государственно-правового положения, существовавшего в этой стране до противозаконных нарушений этого положения в настоящее царствование» [14, С. 157].

Следующий этап в процессе эволюции концепции национально-государственного устройства России приходится на 1905 г. Под влиянием событий Первой русской революции «новые либералы» произвели корректировку своих программных положений в отношении национальной и языковой политики. В ходе сентябрьского земско-городского съезда 1905 г., на котором либералы специально решили рассмотреть национальный вопрос, с докладом «О правах национальностей и децентрализации» выступил Ф.Ф. Кокошкин. Исходная идея доклада – сохранение во что бы то ни стало унитарного устройства Российского государства. Докладчик самым решительным образом выступал против принципа политического самоопределения наций. В его представлении это был прямой путь к расчленению «единой и неделимой России» [15, С. 7]. Для инородцев, населявших империю, было предложено реализовать исключительно право на культурное самоопределение. Оно должно было выражаться в образовании национально-культурных автономных единиц в составе единого и неделимого Российского государства. Под национально-культурной автономии-

ей понималось возможность обособленных этнических групп самостоятельно решать вопросы организации образования и других форм культурной жизни. В соответствии с разработанной Ф.Ф. Кокошкиным программой «местному законодательству должны быть предоставлены ... правила употребления различных языков в местных учреждениях» [15, С. 22]. Ограничение политических прав инородцев вызвало недовольство среди представителей национальных окраин. С другой стороны, правые либералы настаивали на сохранении единой и неделимой России. При этом русский язык должен был стать средством проведения подобной политики.

Окончательно расхождения по национальному вопросу, обозначенные на сентябрьском земско-городском съезде 1905 г., были зафиксированы в политических программах Конституционно-демократической партии и партии «Союз 17 Октября». Кадеты включили в свою программу два основных пункта, принятых на сентябрьском съезде: право всех граждан Империи на свободное культурное самоопределение; создание в рамках общероссийского законодательства правомерного пути для установления местной автономии и областных представительных собраний [16, С. 36]. Октябристы категорическим образом выступали против автономии вообще, считая, что для укрепления внешней мощи России и для ее внутреннего процветания необходимо сохранение за ее государственным строем исторически сложившегося унитарного характера [16, С. 37]. Дальнейшее развитие программные положения получили в ходе политической практики либеральных партий в Государственной Думе.

Анализ процесса формирования либеральной концепции национально-государственного устройства России в начале XX века позволяет сделать следующие выводы: процесс разработки концепции национально-государственного устройства России в отечественной либеральной мысли занял достаточно длительный период и в своем развитии прошел несколько этапов; данная проблема являлась неотъемлемой частью общего процесса политической модернизации страны и была второстепенной по сравнению с вопросом об изменении формы правления; в силу особенностей России, где традиционно идентификация происходила не по национальному, а по вероисповедному принципу, национальный вопрос зачастую воспринимался как вопрос национально-религиозный (именно поэтому пункты либеральной программы о свободе вероисповеданий имели важное значение для большинства неправославных народов России); национальный вопрос рассматривался лишь как часть общего процесса политического «освобождения» России, т.е. утверждения конституционного представительного строя, такой строй должен был быть обеспечен провозглашением базовых принципов личной свободы и гражданского равноправия, в том числе равноправия религиозного и национального; к моменту оформления полити-

ческих партий российскими либералами не была создана цельная программа, направленная на разрешение национального вопроса в России и определяющая будущее национально-государственное устройство Российской империи; программы партий кадетов и октябристов, разработанные в процессе подготовки к выборам в I Государственную Думу, обнаружили принципиальные расхождения в решении национального вопроса, представителям либерального движения не удалось выработать единой концепции, направленной на разрешение данной проблемы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Белоконский И.П. Земское движение. 2-е изд. М., 1914
2. «Союз Освобождения». Воспоминания Д.И. Шаховского // Зарницы: Литературно-политический сборник. СПб., 1906. № 2. Ч. II
3. Струве П.Б. Национальное начало в либерализме // Нация и империя в русской мысли начала XX века. М., 2004.
4. Шацилло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905—1907 гг. М., 1985.
5. Шелохаев В.В. Национальный вопрос в России: либеральный вариант решения // Кентавр. 1993. № 2; он же. Либеральная модель переустройства России. М., 1996
6. Щербина А.В. Имперское сознание и либеральное движение в России в начале XX века // Либеральный консерватизм: история и современность. Материалы всероссийской научно-практической конференции. М., 2001.
7. Малинова О.Ю. Либеральный национализм (середина XIX — начало XX века). М., 2000
8. Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. – Люберцы, 1993.
9. Освобождение. № 1. 1902.
10. Струве П.Б. *Patriotica*. М.: Изд-во «Республика», 1997. С. 170
11. Малинова О.Ю. Либеральный национализм (середина XIX – начало XX века). – М.: РИК Русанова, 2000. С. 111
12. Освобождение. 1902. № 1.
13. «Союз освобождения». Воспоминания Д.И. Шаховского // Либеральное движение в России 1902–1905 гг. М., 2001.
14. Протокол Конференции оппозиционных и революционных организаций Российского государства // Программные документы национальных политических партий и организаций России (конец XIX в. — 1917 г.). Сб. документов. Вып. 2. М., 1996.
15. Кокошкин Ф. Областная автономия и единство России. М., 1906.
16. Национальный вопрос в программных документах политических партий, организаций и движений России. Начало XX века. Документы и материалы. Томск: Изд-во НТЛ, 1998.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 008:37.01

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ СИМВОЛИЧЕСКОЙ АТРИБУТИКИ ДЕТСТВА

Минситова М.В.

MAIN THEORETIC APPROACHES TO A RESEARCH OF SYMBOLIC PARAPHERNALIA ASSOCIATED WITH CHILDHOOD

Minsitiva M.V.

В статье описаны подходы различных школ и течений, применяемые к изучению культуры детства (в целом), символов и атрибутов детства (в частности). Автор считает, что понять детство как культурно-исторический феномен можно лишь с учетом возрастного символизма. Теоретико-методологическими основаниями исследования символической атрибутики детства выступают философия детства, философия символов, философия игры и философия культуры.

In the article philosophical views on childhood as a cultural phenomenon are described. To interpret childhood as a cultural phenomenon is possible only taking into account age-related symbolism. Main theoretic approaches to a research of symbolic paraphernalia associated with childhood are Philosophy of Childhood, Philosophy of Symbols, Philosophy of Game and Philosophy of Culture.

Ключевые слова: детство, культура детства, символы детства, атрибутика детства, возрастные границы, возрастные переходы, детская субкультура.

Keywords: childhood, children's culture, symbols of childhood, paraphernalia associated with childhood, age borders, age-related crossings, child subculture.

В современном социо-гуманитарном знании детство рассматривается как сложный феномен, на который влияют многие социально-культурные факторы. Детский период развития человека по традиции изучается педагогикой, возрастной психологией, социологией, культурной антропологией и другими гуманитарными науками, однако, в современных исследованиях явно недостаточно представлен культурологический аспект. Детство не просто определяется типом культуры, но и является её основанием.

Осмысление феномена детства приобретает особую значимость в контексте трансформационного состояния современной действительности, которая характеризуется значительными изменениями как общества, так и человека. Понимание детства лежит в основе решения многих антропологических, культурных, социальных проблем. Вовлеченность ребенка и взрослого в символический обмен приводит к становлению общего коммуникативного поля культуры, в призме которого и осмысливается феномен детства, подверженный

тем же изменениям, кризисам или расцветам, что и культура. Понять детство как культурно-исторический феномен можно лишь с учетом возрастного символизма, то есть системы представлений и образов, в которых культура воспринимает, осмысливает и легитимирует жизненный путь человека и возрастную стратификацию общества.

Теоретико-методологическими основаниями исследования сущностных метаморфоз символической атрибутики детства выступают философия детства, философия символов, философия игры и философия культуры. Подходы к исследованию детства можно условно разделить на две большие группы. Представители первой группы исходят из того, что детство – переходный период, готовящий к будущей жизни в обществе, он не имеет самостоятельной ценности и воспринимается незначимым по сравнению со зрелостью. Данной точки зрения придерживается К. Дэвис, который утверждает, что отношение общества к ребенку является (главным образом) подготовительным, а его оценка – в основном, потенциальной. К. Дэвис делает акцент на нуждах общества. Дж. Гарбарино отдает приоритет потребностям ребенка. Однако они разделяют мнение о том, что дети на самом деле не входят в состав общества и являются объектом общественного воздействия: они должны быть подготовлены к полноценной деятельности в рамках общественной системы, и задача общества – готовить их к этому [8].

Данный подход характерен и для психоанализа, начиная с З. Фрейда, так как для представителей данного направления внутренний мир ребенка значим лишь постольку, поскольку в нем преформируется будущая драма личности взрослого человека. К этому же направлению можно отнести психосоциальную концепцию развития личности, разработанную Э. Эриксонем. Детство от рождения до юности рассматривается ученым как длительный период формирования зрелой психосоциальной идентичности, в результате которого человек приобретает объективное чувство принадлежности к своей социальной группе, понимание неповторимости своего индивидуального бытия. Э. Эриксон показывает тесную связь психики человека и характера общества, в котором он живет. На каждой стадии своего развития ребенок либо интегрируется с обществом, либо отторгается от него. Каждой из них соответствуют свои, присущие данному обществу, ожидания, которые человек может оправдать или не оправдать [14].

В.Т. Кудрявцев утверждает, что хотя идея самооценности детства имеет длительную историю, она до сих пор не стала основанием, на котором можно было бы построить принципиально новую парадигму детского развития. До сих пор в философской мысли детство как культурный феномен не получило конструктивного рабочего определения. В современных словарях зачастую отсутствует сам термин «детство» [6].

Приверженцы другой группы концепций отмечают растущую автономию пространства детства от взрослого сообщества на уровне филогенеза, указывают на увеличение степени его независимости, признание за ним позиции субъекта общественных отношений, на которого в не меньшей степени, что и на взрослое сообщество, оказывают влияния все изменения, происходящие в мире. Бесспорным лидером в этой области исследования культур было направление «Культура-и-личность». Представители данного направления рассматривали детство в качестве феномена, изучая который можно было увидеть мир «взрослой» культуры в упрощенном виде, но со специфическими культурными особенностями. Наиболее полное развитие данная концепция получает в исследованиях М. Мид. Она предложила концепцию о взаимосвязи межпоколенных отношений, роли и функций детства в культуре с темпами развития общества. М. Мид различала в человеческой истории три типа культур (с точки зрения характера трансляции опыта между поколениями): постфигуративные культуры – дети учатся у своих предков; кофигуративные культуры – дети и взрослые учатся у равных, т.е. у своих сверстников; префигуративные культуры – взрослые учатся у своих детей [7].

В.Т. Кудрявцев говорит о самоценной природы детства как целостного образования. Он утверждает, что детство постепенно выделяется на правах производительного начала, все более определяющего бытие культурного целого и только потому – судьбу отдельного индивида. Опираясь на каузальную схему анализа предыстории и истории детства, В.Т. Кудрявцев выделяет три исторических типа (формации) детства: квазидетство, неразвитое детство, развитое детство [6]. Д. И. Фельдштейн отмечает, что детство представляет собой не просто «невзрослое» состояние людей, не только определенную совокупность множества детей как объект воздействия мира взрослых. Детство – это особое целостно представленное социальное явление, имеющее определенное временное протяжение [11].

Работы С.Н. Иконниковой, И.С. Кона, М.В. Осориной указывают на исключительную роль детских практик, посредством которых и конструируется само пространство детства. Данная позиция может быть представлена пониманием феномена детства как особой замкнутой системы – «субкультуры». Свидетельством того, что в последнее время возрастает интерес к изучению детской субкультуры, является то, что емкое понятие «детская субкультура» имеет место в психологическом словаре. И.С. Кон в своей работе «Ребенок и общество» понимает под культурой детства автономную социокультурную реальность, своеобразную субкультуру, обладающую своим собственным языком, структурой, функциями, традициями. И.С. Кон выделяет три главные подсистемы этой культуры: детская игра; детский фольклор и вообще художественное творчество; общение, коммуникативное поведение детей [5].

В работах В.В. Абраменковой представлен анализ феномена детства в истории культуры и современности в контексте социальной психологии детства, раскрыта уникальность детской субкультуры и ее значение в построении ребенком картины мира. Обобщив огромный эмпирический материал, полученный ею в многочисленных полевых исследованиях, В.В. Абраменкова построила весьма интересную пространственно-временную модель детской субкультуры [1].

К. Юнг дает свое понимание личности ребенка: то, что понимается под личностью вообще, а именно – определенная способность к сопротивлению и наделенная силой душевная целостность – это и есть идеал взрослых. Личность – это зародыш в ребенке, который развивается лишь постепенно. Без определенности, целостности и созревания личность не проявится. Эти три свойства не могут и не должны быть присущи ребенку, потому что с ними он был бы лишен детства [15].

Методологически значимыми для изучения символов детства и возрастных переходов выступают теории Э. Кассирера о человеке как о творце символов, М. Элиаде о соотношении сакрального и профанного в контексте реальности и ритуала, А. ван Геннепа о символических этапах человеческой жизни, В. Тэрнера о ритуальном символе, Й. Хейзинга об игре как структурной основе человеческих действий.

Автором представлены взгляды на культуру Э. Кассирера, которую он описывает как многообразие символических форм, связанных и упорядоченных в соответствии со своими функциональными ролями в систему. Культура, согласно философской концепции Э. Кассирера, понимается как продукт символической деятельности человека, в свою очередь, опосредованный символической речью. Исходя из взаимообусловленности существа человека и культуры, он анализирует основные из существовавших в истории концепций человека и приходит к выводу, что символ – это ключ к природе человека. Философ говорит о человеке как о существе создающем символы. Символ всегда нагружен смыслами, которые маркируют его в социуме. Это не пустой знак, он ценностно нагружен и отражает архетипы. Символы маркируют детство для каждого человека и его окружения, и в то же время маркируют и саму действительность.

Согласно концепции Э. Кассирера, человеческая деятельность протекает в рамках семиотической реальности, непосредственного контакта с бытием никогда нет, он всегда опосредован культурными формами. Человек (вместо того, чтобы обратиться к самим вещам) постоянно обращен на самого себя. Он настолько погружен в символические формы, что не может ничего видеть и знать без вмешательства этого искусственного посредника [4].

М. Элиаде, принимая положение Э. Кассирера о человеке как творце

символов, замечал, что вся деятельность человека предполагает символизм, каждый религиозный факт обязательно имеет символический характер. В своем изучении символов М. Элиаде не просто их описывает и систематизирует, он также пытается восстановить символическое значение религиозных фактов, на первый взгляд, разнородных, но структурно родственных. В концепции М. Элиаде символ наделен уникальными возможностями выражения сакрального в профанном, привнесения сакрального в различные структуры жизни. М. Элиаде рассматривает символы и символические системы в качестве своего рода «проводников», способствующих постоянному единению человека с сакральным. Благодаря символам реальное существование человека архаической культуры оказывается цельным [15].

Важными для исследования символической атрибутики детства являются работы А. Ван Геннепа, В. Тэрнера и А.К. Байбурина. А. Ван Геннеп объединил в одну категорию обряды, проводимые при пересечении границ племени, обряды жизненного цикла и календарные обряды. И хотя понятие «обрядов перехода» впоследствии переосмыслилось, и в наше время так называют только обряды жизненного цикла, к тем сопоставлениям, которые лежали в основе первоначального варианта теории, последователи А. ван Геннепа возвращались неоднократно. Суть теории обрядов перехода заключается в существовании неких переходов, радикальных перемен существующего положения. Свою теорию А. Ван Геннеп выводит из наличия в обществе множества групп и подгрупп. Он считает, что чем ниже уровень цивилизации основного общества, тем более четко очерчены в нем и автономны малые сообществ. Человек в своей жизни последовательно проходит некоторые этапы, каковыми являются следующие: рождение, достижение социальной зрелости, брак, отцовство/материнство, повышение общественного положения, профессиональная специализация, смерть. Каждое из этих явлений сопровождается действиями, у которых одна и та же цель: обеспечить человеку переход из одного определенного состояния в другое, столь же определенное [3].

Методологически важным является также понятие ритуального символа, разработанное В. Тэрнером. Английский ученый обозначил таким образом предметы или материалы, используемые при проведении обрядов [10]. На материале восточнославянских обрядов перехода А.К. Байбурина показал, что обрядовый символ (точнее, манипуляции с ним) чаще всего служит для передачи или даже дублирования его основной идеи, каковой является пересечение границы. А.К. Байбурина отмечает, что в обрядовой обстановке изменяется уровень семиотичности. В ритуале, как правило, резко увеличивается количество используемых знаковых систем: словесный язык, музыка, жесты, пение, танцы. Человек и все, что его окружает, приобретают статус знаковых объектов. Происходит семиотическое удвоение мира, переключение с одного вида реаль-

ности на другой, основным признаком которого является знаковость [2].

В качестве теоретического основания исследования автором рассматриваются также работы В.Я. Проппа и Дж. Кэмпбелла, в которых обряды перехода (например, инициации) сопоставляются с мифами и сказками различных народов. В.Я. Пропп возводит сказку к древним социальным институтам, особо выделяя среди них обряд посвящения, и к архаическим представлениям о смерти. Сложение этих двух циклов дает почти все мотивы волшебной сказки, соответствующие обрядовым действиям или же их интерпретациям во многих архаических культурах. Дж. Кэмпбелл не ограничивается каким-либо жанром и фольклорной традицией и во всех без исключения мифах и сказках находит одну и ту же психологическую матрицу для преодоления кризисов индивидуального развития [9].

Философия игры, представленная Й. Хейзинга, является одним из методологических оснований исследования сущностных метаморфоз символической атрибутики детства. Игра (в концепции Й. Хейзинги) – это культурно-историческая универсалия. Как общественный импульс, более старый, чем сама культура, игра издревле заполняла жизнь и заставляла расти формы архаической культуры. Игра представляет собой манипуляцию символами. А в детстве игра – основная сфера деятельности.

Обзор истории культуры, ее различных эпох приводит исследователя к выводу, что игровой элемента вытесняется в культуре, и начавшееся в восемнадцатом веке вытеснение игры фактически заканчивается к веку девятнадцатому. Й. Хейзинга предупреждает о порче, разрушении культуры, уходящей от своих истоков. Жизнь не воспринимается современным человеком серьезно, и, наоборот, игровая деятельность приобретает серьезный характер. В современной жизни царит суррогат игровой деятельности, например, легко удовлетворяемая и никогда не насыщаемая потребность в банальных развлечениях, жажда грубых сенсаций, тяга к массовым зрелищам. Путь преобразования культуры ученый видит в распространении нового общественного духа – необходимо возродить в широком культурном сознании первозданную игровую природу [12].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Абраменкова В.В. Социальная психология детства: развитие отношений ребенка в детской субкультуре. – М.; Воронеж, 2000. – 267с.
2. Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. – СПб.: Наука, 1993. – 253с.
3. Геннеп А., ван Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / Пер. с франц. – М.: Восточная литература РАН, 1999. – 198 с.
4. Кассирер Э. Философия символических форм. Т.2.: Мифологическое мышление. – М.; СПб.: Университетская книга, 2001. –280 с.
5. Кон И.С. Ребенок и общество: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. за-

ведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 336 с.

6. Кудрявцев В.Т. Культурно-исторический статус детства: эскиз нового понимания // Психологический журнал. – 1998. – №3 – С.17-23.

7. Мид М. Культура и мир детства. – М.: Наука, 1983. – С. 361.

8. Митрофанова С.Ю. Концептуализация основных подходов к изучению детства в социологии [Электронный ресурс] <http://www.regioncentre.ru/generation/publications/publication28/> Дата обращения 28.05.11.

9. Пропп В.Я. Русская сказка / Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова; Отв. ред. К. В. Чистов, В. И. Еремина. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. – 335 с.

10. Тэрнер В. Символ и ритуал. / Сост. В. А. Бейлис и автор предисл. – М.: Наука, 1983. – 277 с.

11. Фельдтштейн Д.И. Социальное развитие в пространстве - времени Детства. – М.: Просвещение, 1997. – 378 с.

12. Хейзинга Й. Человек играющий: ст. по истории культуры / Й.Хейзинга ; сост. и пер. с нидерланд. Д.В.Сильверстова ; научн. консульт. Д.Э.Харитонович. – М.: Айрис Пресс, 2003. – 486 с.

13. Элиаде М. Тайные общества. Обряды инициации и посвящения / Пер. с фр. Г. А. Гельфанд; Науч. ред. А. Б. Никитин. – М. – СПб.: «Университетская книга», 1999. – 356.

14. Эриксон Э. Детство и общество. – М.: ЗАО ИТД Летний сад, 2000. – 416 с.

15. Юнг К.Г. Архетип и символ. – М.: Ренессанс, 1991. – 120с.

ПЕДАГОГИКА

УДК 37.013

ТВОРЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ УЧРЕЖДЕНИЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Абраухова В.В.

CREATIVE PROCESS OF ADDITIONAL EDUCATION INSTITUTION DEVELOPMENT MANAGEMENT

Abraukhova V.V.

Автор исследует уровни управления учреждением дополнительного образования, последовательность управленческих этапов, выявляет условия, обеспечивающие инновационное развитие учреждения, и делает вывод о том, что большое значение в процессе управления играет творческая составляющая. В работе доказано, что творчество формирует особые общности людей, тесно связанных взаимными интересами, социально значимой деятельностью и гуманистическими отношениями, а творческие группы создают матричные структуры в управлении.

The author examines levels of government the institution of additional education, the sequence of administrative steps, reveals the conditions for innovation development agencies. Of great importance in the management process is a creative component. Creativity creates special community of people that are closely linked by common interests, socially relevant activities and humanistic attitudes. Creative groups create the matrix structure to manage.

Ключевые слова: социальное, научное и педагогическое управление, уровни управления, принципы управления, учреждения дополнительного образования, творческий процесс.

Keywords: social, scientific and pedagogical management, levels of management, management principles, institutions of further education.

В практике деятельности учреждений существует противоречие между темпами инновационного развития образования и темпами обновления управления воспитательными и образовательными процессами, которые формируют заказ педагогической науке. Наиболее адекватная для учреждений дополнительного образования педагогическая технология – организация творческих объединений детей и взрослых. В педагогике творчества они рассматриваются и как цель, и как процесс, и как результат: интегрируя детей и взрослых за счет действия механизмов мотивации, заражения познанием и творчеством, они быстро сплачивают, развивают и социализируют.

Дополнительное образование не замыкается в специализированной сети учреждений, хотя они и имеют для его развития особое значение. Краеугольным его принципом является добровольное включение детей и взрослых в коллективную творческую деятельность. Управление системой образования трактуется как систематическое сознательное и целенаправленное воздействие субъектов управления различного уровня на все его звенья в целях обеспечения воспитания подрастающих поколений, гармоничного развития на основе познания и использования общих закономерностей развития общества. Управление можно рассмотреть в трех аспектах: социальное, научное и педагогическое. Социальное управление включает управление экономическое (хозяйственное) и управление духовной жизнью общества. Именно к этому виду и относится управление образовательными учреждениями, задача которых обеспечить воспитание и образование подрастающих поколений, реализовать запросы заказчиков.

Научное управление системой образования строится на основе реализации программных документов: концепции и программы развития, бизнес-планов, разработанных проектов. Педагогическое управление осуществляется в социальных целях с учетом требований и задач общества. Однако оно отличается от социального управления своими объектами (дети, образовательные учреждения, отделы образования и т.д.), а также характером процессов и закономерностей, определяемых педагогическими науками (в т.ч. дидактикой и теорией воспитания). Разработка теоретических основ управления учреждениями дополнительного образования детей предполагает применение комплексного подхода с использованием структурно-компонентного и системно-функционального анализа идей науки управления и опыта педагогических новаторов. Теоретические управленческие аспекты инновационных процессов мы находим в работах В.И. Загвязинского, М.Г. Захарова, В.С. Лазарева, М.М.Поташника, Т.И. Шамовой и др. Управление в их работах понимается как

целенаправленная деятельность всех субъектов, обеспечивающая становление, стабилизацию, оптимальное функционирование и обязательное развитие школы. Назначение управленческой деятельности в любой сфере - оптимальное обеспечение функционирования и развития системы. Ведущим показателем эффективности управленческой деятельности выступает возможность перевода системы с одного уровня на другой, более высокий. Исследовательский подход в инновационной деятельности выступает фактором перевода системы на новый уровень функционирования - творческий, и на новый уровень развития – саморазвитие.

В творческом процессе управления образовательным учреждением выделяют 5 уровней: стратегический - определение целей, принципов, приоритетов в управлении; технологический - поиски способов реализации идей, теорий, управленческих функций; уровень личностных контактов - уровень приемов взаимодействия руководителя с учащимися, родителями; тактический, т.е. организация управления, коррекционная работа в функционировании учебного заведения; инновационный, выступающий механизмом перевода системы на новый качественный уровень развития.

Последовательность управленческих этапов: выявление потребности в инновациях, определение их типа; поиск сторонников идей; расширение круга единомышленников; коллективный поиск и окончательный выбор нововведения; пробное, а затем полное внедрение нового; получение инновационного эффекта; анализ результатов (управленческая рефлексия). Главная цель управления в учреждениях дополнительного образования - сформировать на научной, демократической и гуманистической основе механизм управления инновационным учреждением, соблюдая следующие условия: сформировать коллектив единомышленников, осуществить теоретическую и научно-методическую подготовку педагогического коллектива, создать атмосферу творческой деятельности и успеха, хороший социально-психологический климат как предпосылку эффективной деятельности коллектива. интенсифицировать функции управления. Управление в современных условиях должно ориентировать образовательные учреждения на развитие и обновление. Современное управление - стратегическое, имеет программно-целевой характер.

Теоретической основой системного управления инновационными процессами во Дворце творчества детей и молодежи города Ростова-на-Дону явилась разработка концепции, программы развития учреждения. Практика выработала принципы современного управления. К ним можно отнести децентрализацию управления образованием; ориентацию управления не на процессы деятельности, а на конечные результаты; постоянное повышение профессионального уровня педагогов; организацию систематического кон-

троля, анализа и прогноза за состоянием всех элементов рассматриваемой системы; быстрое реагирование на отклонения в системе, как положительные, так и отрицательные, оценивая при этом как факторы, способствующие инновационной деятельности, так и факторы, препятствующие инновационной деятельности; обеспечение добровольности, саморазвития и взаиморазвития, творческой активности, непрерывности развития, новаторства и творческого поиска. Управление качеством образования является принципиально важной функцией внедрения. Оно осуществляется с учетом закона двуединства цели образования, приведения субъективных факторов педагогического процесса в соответствие с объективными, закона ритмичности педагогического процесса, закона перехода образования (внешнего) в самообразование и саморазвитие личности педагога и ребенка (внутреннее).

Во Дворце творчества детей и молодежи управление ведется на основе разделения функций по компетентности. Для оперативного руководства создан административный совет, для научного обеспечения - методический совет, для решения внутренних вопросов клубов и объединений - советы клубов, кружков, для подготовки и проведения праздников - художественный совет. В практике Дворца творчества ребята избираются в состав Совета Дворца. В каждом объединении есть свой совет, который решает вопросы планирования деятельности, организационные вопросы. Это и определение содержания работы своего объединения, корректировка, выработка общих правил и требований. Важным звеном в управлении детским коллективом является использование получаемой педагогами информации о детях и коллективе, которая может быть использована в целях, с одной стороны, - стратегического управления, связанного с изменением структуры коллектива, организации деятельности и общения его членов, регулированием его внешних связей; с другой, - повседневного, оперативного управления, с учетом ситуаций, непрерывно возникающих в детском коллективе. Для этого педагоги используют экспресс опросы, методы анкетирования, метод незаконченного предложения.

Педагогические инновации побуждают к максимальной самостоятельности, активности, взаимному разумному соперничеству и сотрудничеству, выбору наиболее оригинальных и целесообразных решений. Исходя из того, что управление - это процесс воздействия на систему с целью перевода ее в качественно новое состояние. Управление развитием инновационной образовательной среды - это вид интеллектуальной деятельности, реализующийся через умение руководителя воздействовать на управляемые субъекты путем научно-обоснованного планирования, организации и контроля их эффективности.

Специфика управления инновационными процессами состоит в том, что

директор делегирует права контроля разработчику и внедрителю инновации. В этих условия задача директора состоит в том, что действия отдельных индивидов, прежде не зависимых друг от друга (находящихся в разных структурных подразделениях), необходимо объединить в единую новую деятельность, направленную на комплексное преобразование организма всего учреждения. Это временные научно-исследовательские коллективы, творческие группы, методические объединения. В итоге создается комплексный механизм, составляющий главную особенность совместной творческой деятельности людей, которая называется управлением. В этой связи повышаются требования к профессионализму педагога, который обеспечивает образовательный процесс на уровне, отвечающем социальным потребностям. Во Дворце творчества внедрен конструкт повышения квалификации педагогов под руководством ФГУ «Федеральный институт развития образования» в рамках Федеральной экспериментальной площадки. Из года в год совершенствуется система координационных связей в управлении развитием Дворца творчества детей и молодежи.

Итак, нами сделаны следующие выводы: управление представляет собой сложную динамичную систему, имеющую различные аспекты: структурно-компонентный, функциональный, творческий и интегративный; в качестве составных элементов управления социально-педагогической деятельностью учреждений дополнительного образования детей выступают: полифункциональная социальная деятельность, включающая функции социальной защиты, социализации и адаптации детей к жизни в условиях перехода к рыночным отношениям, ориентированные на решение их личных и социальных проблем; деятельность коллектива всех категорий работников, направленная на решение социально-педагогических задач и создание условий для реализации сфер образовательной, творческой и социальной деятельности: нормативно-правовые основы управления, обеспечивающие эффективность социально-педагогической деятельности; каждый из многогранных элементов управления замыкается на конкретной личности обучающихся. В каждом из этих элементов учитывается многообразие свойств и качеств конкретной личности, неповторимость потребностей и мотивации поведения, а также всемерного развития способностей каждого ребенка; содержание управленческой деятельности рассматривается как технология, включающая в себя анализ состояния дела; определение видов деятельности; подбор исполнителей; распределение обязанностей; материальное обеспечение, контроль, учет и анализ результатов; накопленный опыт совершенствования организационно-содержательного и методико-технологического аспектов управления социально-педагогической деятельностью ориентирует руководителей на эффективные варианты принимаемых управленческих решений.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Загвязинский В.И., Гильманов С.А. Творчество в управлении школой. -М., 1992, с.47.
2. Захаров Н.Н., Чистякова С.Н. Профессиональная ориентация школьников: организация и управление. -М.: Педагогика, 1987.-160с.
3. Инновационное обучение: стратегия и практика./Под ред. В.Я. Ляудис.-М., 1994.-203с.
4. Инновационные процессы в образовании./ Под ред. З.И. Загвязинского. - Тюмень, 1990.-124с.
5. Поташник М.М. Демократизация управления школой. М.: Знание, 1990. - 76 с.
6. Поташник М.М. Как развивать педагогическое творчество. М.: Знание, 1987. - 78 с.
7. Поташник М.М. Оптимизация управления школой. М.: Знание, 1991.- 61 с.
8. Шамова Т.И. и др. Внутришкольное управление: вопросы теории и практики. М.: Педагогика, 1991. - 191 с.
9. Шамова Т.И., Малинин А.Н., Тюлю Г.М. Инновационные процессы в школе как содержательно-организационная основа механизма ее развития. М., 1993. - 103 с.

УДК 37

ПОЛИКУЛЬТУРНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ КАК УСЛОВИЕ СТАНОВЛЕНИЯ ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТА

Говердовская Е.В., Гриневич И.М.

TEACHER'S MULTICULTURAL COMPETENCE AS A CONDITION OF STUDENT'S MULTICULTURAL COMPETENCY STANDING

Goverdovskaya E.V., Grinevich I.M.

В статье охарактеризованы способы подготовки преподавателей вузов к реализации профессиональной деятельности, направленной на создание условий для становления поликультурной компетентности студентов. Исследование показало эффективность трех использованных моделей корпоративного обучения – традиционные занятия, организованная командная работа преподавателей, самостоятельная исследовательская деятельность, обозначив как наиболее успешную организацию командной работы.

The article describes the ways of university teachers' training for realization of professional activity directed to making conditions for students' multicultural competency standing. The research revealed the effectiveness of three corporative education models: traditional classes, teachers' organized team work, independent research activity. The second model is marked as the most successful.

Ключевые слова: высшее профессиональное образование, инновационная деятельность педагога, компетенции, корпоративное обучение, поликультурная компетентность.

Keywords: higher professional education, teacher's innovative activity, competency, corporative education, multicultural competency.

В условиях реформирования северо-кавказского высшего профессионального образования (ВПО) устойчивой тенденцией стала полифункциональная и многопрофильная деятельность преобладающего числа преподавателей. Она оказывается одновременно включённой в разные сферы деятельности: образование-наука; образование-бизнес; образование-производство; образование как обучение, воспитание, развитие молодого человека и т.д. В основе принятия преподавателями ценностей образования, отражающих необходимость формирования поликультурной компетентности, лежит профессиональная педагогическая рефлексия и связанное с ней самообразование преподавателя. С понятием профессиональной педагогической рефлексии соединено понятие профессионального самосознания. В.А.Сластёнин выделяет три основные функции профессионального самосознания преподавателя: отражающе-регулирующую, конституирующую, конструирующую [4]. Содержание и структура профессионального самосознания (во многом) определяются содержанием и структурой деятельности человека, и в силу этого приобретают такие свойства и характеристики этой деятельности, как статичность, динамичность, однообразность, разнообразие, структурированность аморфность. Самосознание человека заполняется тем, чем наполнена его жизнь. Поэтому для проявления гибкости, многомерности, динамичности самосознания преподавателю северокавказского вуза необходимо включение в сферу своей жизни искусства, творчества, профессиональной деятельности, изучение национальных культур и литературы, активное общение, поиск и нахождение в жизни и профессиональной деятельности места и способа реализации личностных идей, стремлений и т.д.

Для осознания своих мыслей и чувств преподаватель должен быть аналитиком. В этом плане рефлексия – «взгляд на себя со стороны» – один из механизмов развития самосознания и освобождения от нежелательных стереотипов. Развитие профессионального самосознания преподавателя начинается на внутриличностном плане, с исследования и развития самого себя. В качестве критериев оценки профессионального саморазвития преподавателя можно выделить самоорганизацию качественных изменений в личности и деятельности; самообновление – изменение способов работы; постановку и решение по отношению к себе и своей деятельности педагогических, психологических, организационных, предметных задач, восприятие внешних социальных проявлений как предпосылок своего развития.

Экспериментальная часть исследования строилась в следующей логике:

от профессиональной рефлексии педагогической деятельности, в результате которой преподаватели приходили к выводу о необходимости достижения иных результатов образования, и, в связи с этим, о целесообразности проведения изменений в профессиональной деятельности, далее к проектированию изменений в деятельности, их осуществлению, анализу результатов и принятию новых ценностей образования и профессионально-педагогической деятельности. Основная идея освоения новых ценностей преподавателями базируется на положениях концепции оценки отношения человека к труду [3]. Таким образом, создается совершенно иная среда жизнедеятельности человека: материализуется новый способ производства, коммуникации, управления жизнью, вырастает культура свободы, индивидуальной инновации и предпринимательства. Установка на самореализацию приводит к необходимости решения основной задачи – создание условий для раскрытия творческого потенциала человека.

Опираясь на данную концепцию, в ходе экспериментальной части исследования были разработаны принципы организации деятельности образовательного учреждения, ориентиром жизнедеятельности которого является профессиональное развитие кадров: понимание учреждения как обучающейся организации, объединяющей людей общими ценностями; ориентация на создание условий для самореализации человека, постоянного обновления профессиональной деятельности, обусловленное внутренним стремлением человека и учреждения к совершенству, к которым отнесены: создание системы корпоративного образования; делегирование полномочий; разработка системы поощрений педагогических инициатив.

Основанием разработки форм работы с преподавателями стал и анализ сложившегося (как положительного, так и отрицательного) опыта освоения нового в рамках повышения квалификации. Для этого мы воспользовались данными эмпирического исследования: выяснилось, что преподаватели более всего считают себя готовыми к лекционной деятельности и проведению семинаров в традиционных формах, и менее - к организации самостоятельной работы студентов, использованию современных образовательных технологий, современной работе с информационными ресурсами. При этом, более всего потребность в повышении квалификации преподавателями связывается с потребностью в новых знаниях (примерно 70% преподавателей). Очевидно, можно сделать вывод о том, что «знаниевая» ориентация деятельности преподавателя переносится ими и на собственное обучение. При этом степень максимальной удовлетворенности всеми курсами примерно одинаковая (максимально удовлетворены незначительное число педагогов, в основном, преподаватели показывают среднюю удовлетворенность). Можно предположить, что ориентация курсов повышения квалификации на «знаниевый» компонент не

является удовлетворительной в современных условиях в силу востребованности использования на рабочем месте новых образовательных технологий, способов учета и оценки достижений учащихся, предполагающих самооценочную деятельность, умений, связанных с созданием образовательной среды. Ясно, что в знаниевой парадигме освоить подобные умения весьма проблематично.

Следующим основанием разработки форм освоения учителями новых функций педагогической деятельности стал анализ внутренних преград взрослого человека, затрудняющих его включение в образовательные процессы: психофизиологические, социально-психологические, психолого-педагогические [3].

Итак, данные основания лежат в основе нашей разработки способов развития поликультурной компетентности преподавателей вузов. Была организована работа по развитию поликультурной компетентности преподавателей, основой которой являются система этнокультурологических, этноисторических, этнопсихологических знаний, позволяющих понять многообразие культур современного мира, специфику в проявлениях культуры на уровне личности, группы, социума, важность культурного плюрализма для личности и общества; философское понимание идей свободы, справедливости, равноправия, человеческого достоинства; адекватное понимание образов «Я» и «Другие»; понимание человеческих различий и терпимое отношение к ним, толерантное поведение, утверждение в своей профессиональной деятельности культурного плюрализма; умение строить образовательный процесс на основе идей культурного многообразия мира, России, региона; способность к посредничеству между разными культурами, организации межкультурной коммуникации на основе билингвальной образованности; умение обобщать и распространять положительный опыт в реализации идей поликультурного образования.

Общая стратегия эксперимента выстроена в исследовании в соответствии с закономерностями изменения ценностных ориентаций педагога: ценностно-целевые установки деятельности учителя меняются, если деятельность организуется в соответствии с изменившимися ценностями образования [1]. Цель эксперимента по проверке выводов исследования заключалась в том, чтобы организовать условия для обсуждения педагогами целей современного образования, на основе которого возможно принятие новых ценностей образования и профессионально-педагогической деятельности и проектирование деятельности по достижению целей образования. Экспериментальная деятельность осуществлялась в рамках двух выделенных в исследовании стратегий, которые реализуются одновременно: повышение квалификации на рабочем месте, в частности, в творческих педагогических мастерских; инновационная деятельность по актуальным направлениям развития отечественного образования.

Возможность одновременной реализации обеих стратегий объясняется следующим: экспериментальная работа осуществлялась в рамках корпоративного обучения, организованного в различных формах, и слушатели работали самостоятельно над выполнением инновационного проекта. Идея так называемого корпоративного обучения, которое рассматривается как способ повышения квалификации педагогического коллектива, в целом, так и отдельного педагога, в частности, получает в современном образовании значительное распространение. Рассмотрим, каковы возможности корпоративного обучения для образовательных учреждений. Корпоративное обучение позволяет повышать квалификацию преподавателей непосредственно на рабочем месте. Обучение непосредственно в образовательном учреждении ориентировано на его задачи, интересы и затруднения конкретных педагогов, способствует созданию профессиональных контактов, особой рефлексивной среды, содействующей саморазвитию и самообразованию преподавателей. Достоинством корпоративного обучения является наличие единого научно-методического пространства, обеспечивающего решение приоритетных направлений развития системы образования на уровне конкретного учреждения.

В основе корпоративного обучения лежат такие идеи, как «выбор», «инициатива», «сотрудничество» и «успех». Преподавателю предоставляется возможность выбора программы повышения квалификации, формы предъявления результатов, способов работы над проблемой. Программа повышения квалификации строится исходя из профессиональных проблем конкретного преподавателя, с опорой на его инициативу. Обязательным условием повышения квалификации преподавателя на рабочем месте является взаимодействие с коллегами, сотрудничество при выполнении совместных проектов. При этом изменяется не столько вид деятельности преподавателя, сколько способ ее организации.

В экспериментальной части исследования использовались следующие модели корпоративного обучения педагогов: традиционная модель, включающая теоретико-практические занятия: практическую деятельность по применению освоенных способов решения проблем, консультации, организацию рефлексивной деятельности преподавателей; организация «командной» работы преподавателей для решения конкретной общей для всех проблемы (преподаватели включаются в процесс разработки конкретного продукта, например, пакета разнообразных методических материалов, составления учебно-методического комплекса, разработки системы оценки образовательных результатов студентов и т.д., разработанный продукт апробируется разными преподавателями в практической деятельности, затем полученные результаты обсуждаются и вносятся необходимые коррективы, экспертиза разработанных продуктов прово-

дится сообществом преподавателей в рамках занятий); организация самостоятельной исследовательской деятельности преподавателя. В рамках обучающих семинаров педагоги знакомятся с организацией педагогических исследований, выбирают темы для самостоятельных микроисследований, которые осуществляют либо в микрогруппе, либо индивидуально. Темы микроисследований различных микрогрупп согласуются с программой развития кафедры, факультета, учреждения. Обязательно планируется проведение презентации промежуточных результатов работы микрогрупп.

К основным рискам организации корпоративного обучения могут быть отнесены следующие: формализация содержания деятельности педагогов, преобладание теоретических форм обучения над практическими; изолированность содержательной деятельности в рамках отдельного образовательного учреждения от существующей практики в региональном образовательном пространстве; невостребованность педагогами региона содержательных и организационных форм деятельности отдельного вуза; отсутствие действенной системы информирования о внутрифирменном обучении в отдельном образовательном учреждении; нестабильный состав участников семинаров, педагогических мастерских. Преодолением указанных противоречий является установление горизонтальных связей между вузами, создание профессиональных сообществ педагогов, сетевого взаимодействия по различным проблемам. Результаты корпоративного обучения преподавателей представлялись на научно-практических конференциях, педагогических чтениях, семинарах по проблематике проектов.

Корпоративное обучение строилось в логике понимания рефлексивного процесса как последовательности определенных стадий (шагов): [4] действие; мысленное возвращение к действию (подробное описание ситуации); выделение существенных черт ситуации, противоречий; определение нескольких альтернативных способов действия; оценка их с точки зрения возможностей детей, индивидуальных возможностей педагога, а также возможностей организации педагогического процесса; новое действие. Для этого занятия проводились не в жанре информирования слушателей, а в формате обсуждения проблем современного образования, которое строилось в следующей логике: характеристика того или иного аспекта современной ситуации в высшем профессиональном образовании; выделение существенных черт ситуации, противоречий; определение нескольких альтернативных способов действия или характеристика альтернативного способа действия в опыте конкретного образовательного учреждения или преподавателя; оценка способов действия с точки зрения возможностей студентов, возможностей образовательного учреждения или преподавателя, а также возможностей организации образовательного процесса.

Инновационная деятельность связана с осознанием преподавателем себя как субъекта образовательной политики, что позволило включиться в определение стратегических направлений изменения образовательного процесса (компетентностный подход, обновление содержания образования, создание образовательной среды и т.п.) и осуществление изменений в профессионально-педагогической деятельности. Для развития поликультурной компетентности преподавателей были разработаны учебные модули в программах повышения квалификации. Предлагаемые учебные модули имеют своей целью становление и развитие поликультурной компетентности преподавателей вуза в поликультурном регионе: «Культурное разнообразие современного мира», «Гуманитарные технологии становления поликультурной компетентности студентов», «Гуманитарные технологии межкультурного взаимодействия в профессиональной деятельности», «Международная коммуникации в сфере образования», «Культура современной профессиональной коммуникации».

В целом, в экспериментальной работе были получены результаты, отражающие изменения в профессионально-педагогической деятельности преподавателя, направленные на становление поликультурной компетентности студентов. Были зафиксированы следующие изменения: самым существенным стала ориентация преподавателя на обращение к поликультурному содержанию в преподавании учебных курсов и дисциплин (рост на 30 %), что является свидетельством действительного принятия поликультурных ценностей преподавателями вуза; рост субъектной позиции педагогов и рефлексивных умений. Субъектная позиция преподавателя обеспечивала системные изменения образовательного процесса, в целом, поскольку педагог в процессе профессиональной рефлексии приходил к необходимости выхода за рамки собственного предмета и существенно изменять основное дидактическое отношение для достижения целей современного профессионального образования. В ходе экспериментальной работы были зафиксированы существенные изменения в профессионально-педагогической деятельности преподавателя, построении образовательного процесса и определении его результатов, что обусловило достижение нового качества образования. Процессуальный аспект качества может быть охарактеризован следующим образом: в отборе содержания образования преподаватели ориентируются на поликультурное содержание (увеличение числа преподавателей на 30 %); преподаватели используют разнообразные образовательные технологии, которые стимулируют обсуждение проблем студентами (доля данных технологий в образовательном процессе увеличилась на 36 %); педагоги активно используют разнообразные информационные ресурсы, увеличивающие открытость образовательной среды (в частности, рост числа педагогов, активно обращающихся к ресурсам поликультурного содер-

жания – 18 %); преподаватели корректируют способы оценки достижений (в частности, включая в критерии оценки – проявление приверженности к поликультурным ценностям; рост - на 33 %).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вершловский С.Г. Проблемы гуманизации школьного образования [Текст] / С.Г. Вершловский // Гуманизация образования: Теория. Практика; Под ред. В.Г. Воронцовой. - СПб., 1994.

2. Колесникова И.А. Педагогическое проектирование: Учеб. пособие для высш. учеб. заведений / И.А. Колесникова, М.П. Горчакова-Сибирская; Под ред. И.А. Колесниковой. — М: Издательский центр «Академия», 2005. — 288 с.

3. Маслоу А. Мотивация и личность. Перевод А.М. Татлыбаевой Abraham H. Maslow. Motivation and Personality (2nd ed.) N.Y.: Harper & Row, 1970; СПб.: Евразия, 1999 Терминологическая правка В. Данченко К.: PSYLIB, 2004

4. Пискунова Е.В. Социокультурная обусловленность изменений профессионально-педагогической деятельности учителя [Текст]: монография / Е.В. Пискунова. - СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2004. 20 п.л.

3. Слостёнин В.А. Личностно ориентированные технологии профессионально-педагогического образования / В.А. Слостёнин. - М.: Магистр-Пресс, 2000. - С. 109.

УДК 378.036.5

МОДЕЛЬ ПРОЦЕССА РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА БУДУЩЕГО ИНЖЕНЕРА–КОНСТРУКТОРА ШВЕЙНЫХ ИЗДЕЛИЙ

Липилина Е.Ю.

THE MODEL OF SEWING WARE FUTURE CONSTRUCTOR'S CREATIVE POTENTIAL DEVELOPMENT PROCESS

Lipilina E. Yu.

В статье рассматривается сущность категории «творческий потенциал инженера–конструктора швейных изделий». Автором модель его развития представлена тремя взаимосвязанными блоками: структурно- содержательный включает компоненты, критерии и уровни; организационный – психолого-педагогические условия и механизмы; процессуальный блок – этапы, совокупность средств и методов, диагностику и коррекцию процесса развития творческого потенциала.

In the article the essence of a category «creative potential of the design engineer of garments» is considered; the model of its development is presented by three interconnected blocks: structurally - substantial block includes components, criteria and levels; organizational block – psihologo-pedagogical conditions and mechanisms; the remedial block – stages, set of means and methods, diagnostics and correction of creative potential development.

Ключевые слова: потенциал личности; творческий потенциал инженера, проектно-конструкторские умения; профессиональное творческое воображение, профессиональное восприятие, вариация аналогов конструкторских решений, антиципа-

ция, профессионально–творческая атмосфера.

Keywords: potential of the person; creative potential of the engineer, design abilities; professional creative imagination, professional perception, functionality of a design, a variation of analogs of design decisions, anticipation, professional-creative atmosphere.

Кардинальные изменения, происходящие сегодня в российском обществе «развернули» отечественную сферу услуг «лицом к человеку». Требования к результатам труда работников легкой промышленности определяются сегодня тенденциями моды, законами эстетики, индивидуальными пожеланиями реальных и потенциальных потребителей. Важнейшими задачами современной высшей технической школы стали не только обеспечение студентов системой фундаментальных и специальных знаний и умений, но и развитие их профессиональной самостоятельности, креативности и других качеств, которые впоследствии обеспечат работников способностями усваивать новые идеи, принимать нестандартные решения, разрабатывать новые модели одежды, соответствующие возросшим запросам населения.

Как отмечал Президент Д.А. Медведев, «...в основе создания новой экономики и нового общества лежит развитие потенциала личности. Этот потенциал, в свою очередь, является производным от уровня доступности и качества образования, здравоохранения, информации и коммуникаций, достижений науки и культуры. От успеха отдельного человека, от его возможности реализовать свой талант зависит и успех страны» [1]. Потенциал личности наиболее полно и системно изучается в рамках психологии одаренности. Это обусловлено тем, что в число функций этой отрасли психологии входит прогнозирование развития личности. С акмеологических позиций сущность потенциала личности заключается в понимании его как системы возобновляемых ресурсов, которые способствуют не только повышению эффективности деятельности, направленной на получение положительных социально значимых результатов, но и прогрессивному развитию самой личности [2]. Потенциал рассматривается не только как природно-обусловленные, а прежде всего как восполняемые ресурсы, причем, восполняемые или возобновляемые не «автоматически», а произвольно: данный процесс направляется самой личностью в соответствии с поставленными целями (в том числе ориентированными на прогрессивное профессиональное развитие).

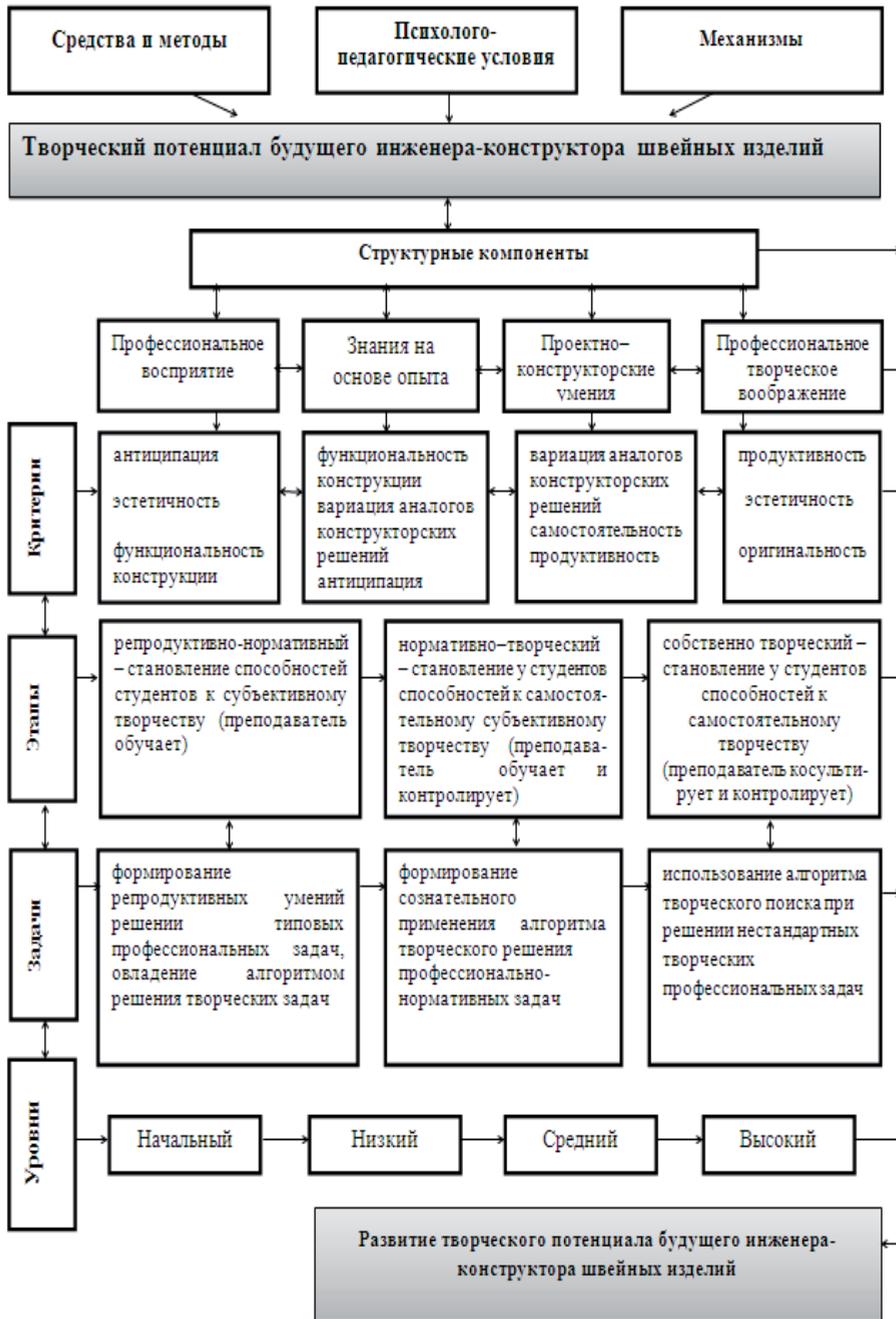
Очевидно, формирование у личности потребности в раскрытии и совершенствовании потенциальных возможностей возможно при переориентации процесса обучения и воспитания на развитие творческого потенциала будущего специалиста. Сопоставление ключевых работ в области творческих способностей позволяет сделать вывод о том, что творческие способности есть

не просто максимальное выражение способностей, а системное проявление личностных качеств. Рассмотрение целостного потенциала личности с системных позиций как состоящего из отдельных взаимосвязанных подструктур позволяет решать научно-прикладные задачи, в частности, изучать творческий потенциал, условия и факторы его раскрытия и реализации в деятельности. О.В. Маркевич рассматривает творческий потенциал студентов как «их латентные творческие возможности, которые следует раскрыть и развивать в процессе обучения в вузе» [3]. С.Н. Мартыновская определяет творческий потенциал личности будущего инженера как «совокупность внутренних возможностей, потребностей, ценностей и средств достижения им таких состояний сознания, которые гармонизируют его отношение с окружающей действительностью, определяют интегральное проявление креативной составляющей инженерной деятельности (проектно-конструкторской, производственно-технологической, научно-исследовательской, организационно-управленческой) и задают соответствующую направленность профессионального становления личности в целом» [4].

Содержание понятия «творческий потенциал» в современных трудах американских, британских и немецких психологов и педагогов в применении к подготовке инженеров к инновационной деятельности трактуется как «многомерная структура, имеющая практико-предпринимательскую направленность, обеспечивающая эффективное решение профессиональных задач и создание востребованных рынком инновационных продуктов» [5]. Признавая множественность составляющих творческого потенциала будущего инженера-конструктора швейных изделий, нам необходимо свести это множество к малопараметрической модели. По-видимому, определение творческого потенциала личности содержится в самом названии: 1) потенциал личности и 2) «творческость». При этом потенциал мы понимаем как ресурсы личности (интеллектуальные, психические), способности, проявляющиеся в конкретной ситуации, а «творческость» — как отношение, установка личности, выражающиеся в видении проблемы в новом свете, свобода от стереотипов, открытость и устремленность к нетривиальным решениям. Все вышесказанное позволяет определить творческий потенциал будущего инженера-конструктора швейных изделий как совокупность взаимосвязанных профессионально-творческих характеристик личности будущего специалиста, детерминирующих его способность и готовность быть субъектом профессиональной творческой деятельности. Структура творческого потенциала представлена комплексом интегративных взаимосвязанных компонентов: профессионального восприятия, профессионального творческого воображения, знаний на основе опыта,

проектно–конструкторских умений. Развивать творческий потенциал будущих специалистов в процессе профессионального образования – значит посредством психолого–педагогических воздействий способствовать совершенствованию качеств и способностей, включенных в систему творческого потенциала (его структурные компоненты). Для определения данных условий необходимо критериальное описание развиваемого качества. Основными критериями развития, которые определяются сущностью самих компонентов и содержанием профессиональной инженерно–конструкторской деятельности и, в свою очередь, определяют эффективность процесса развития структурных компонентов творческого потенциала, являются: антиципация; вариация аналогов конструкторских решений; функциональность конструкции; эстетичность; оригинальность; продуктивность. Развитие творческого потенциала обеспечивается совокупностью психолого–педагогических условий, среди которых приоритетное значение имеют акмеологическая направленность учебно–воспитательного процесса, опора на андрагогические принципы обучения, профессионально–творческая атмосфера, профессионализм педагога, проблемная организация образовательного процесса, необходимый и достаточный уровень общей и специальной подготовки студентов. Механизмами развития творческого потенциала студентов являются трансформация когнитивного содержания в эмоциональное, мотивация профессиональной деятельности, установка на профессиональное творчество, рефлексия. В наибольшей степени способствуют развитию творческого потенциала будущего инженера–конструктора швейных изделий (в соответствии с содержанием профессиональной деятельности данных специалистов) следующие дидактические средства и методы: контрольных эвристических вопросов, развития воображения, приемы развития эвристических способов умственных действий, проблемные лекции и семинары, диалог с деструктивной отнесенной оценкой, эмпатии, ассоциаций; фокальных объектов, проектов, инверсии, индивидуальной работы, проб и ошибок, решение расчетно–графических заданий различного уровня творчества. Уровни развития творческого потенциала (начальный, высокий, средний, низкий) выступают как различная степень полноты реализации его критериев и показателей и эффективности реализации творческого потенциала в любом виде деятельности, в том числе и учебной. Любой уровень творческого потенциала студента – будущего инженера при определенных условиях обладает перспективным свойством, т.е. способен выступать в качестве основы для последующих уровней, благодаря чему не отвергается, а включается в дальнейший процесс, совершенствуется и развивается.

Рисунок 1. Модель процесса развития творческого потенциала будущего инженера-конструктора швейных изделий.

Теоретическая модель развития творческого потенциала будущих инженеров-конструкторов швейных изделий (Рис.1) является методологическим ориентиром исследования, детерминирующим его стратегию, и ото-

бражает формализованные и аналитические конструкции ее важнейших характеристик. Модель представлена тремя взаимосвязанными блоками: структурно-содержательный включает компоненты, критерии и уровни: организационный – психолого-педагогические условия и механизмы; процессуальный блок – этапы (репродуктивно–нормативный, нормативно–творческий; собственно творческий), совокупность средств и методов, диагностику и коррекцию процесса развития творческого потенциала.

Модель иллюстрирует взаимосвязь между разными компонентами образовательной системы. Так, сущность творческого потенциала обуславливает выбор психолого–педагогических условий его развития, которые реализуются при поэтапном решении образовательных задач. Иерархия этапов развития творческого потенциала определяется содержательными компонентами данного качества, а последовательность задач – его структурными компонентами. Структурным компонентам соответствуют критерии оценки, на основе которых на каждом этапе определяются уровни развития творческого потенциала. Высокий уровень развития данного качества на последнем этапе характеризует личность студента, будущего инженера-конструктора швейных изделий, обладающую развитым творческим потенциалом. Результаты опытно–экспериментальной работы, проведенной в течение пяти лет на базе Ставропольского технологического института сервиса (филиала) Южно-Российского государственного университета экономики и сервиса, показали значительную качественную динамику творческого потенциала будущих инженеров-конструкторов в экспериментальной группе. Полученные данные промежуточной и итоговой диагностики свидетельствовали о том, что студенты экспериментальной группы отличались достоверно более высокими уровнями творческого потенциала по всем используемым критериям. Большинство из них характеризовались стабильной эффективностью решения разнообразных, в том числе нестандартных, профессиональных задач, стабильным проявлением значимых для конкретной ситуации профессиональной деятельности качеств и способностей, способностью к критическому анализу собственного решения и деятельности, исправлению ошибок, а также добровольным, инициативным участием в работе, эмоциональной позитивностью и удовольствием от процесса (и результатов) деятельности.

Таким образом, результаты эксперимента свидетельствуют о том, что последовательная и целенаправленная реализация в образовательном процессе вуза разработанной модели обеспечивает эффективность развития творческого потенциала будущих инженеров-конструкторов швейных изделий, что существенно повышает качество профессионального образования.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Медведев Д.А. Национальные проекты: от стабилизации - к развитию. Отклики и комментарии [Электронный ресурс] <http://viperson.ru/wind.php?ID=273473&soch=1>
2. Марков В.Н. Личностно-профессиональный потенциал кадров управления: психолого-акмеологическая оценка и оптимизация [Электронный ресурс] Дис. ... д. псих. наук : 19.00.13 – М., 2004 РГБ ОД.
3. Маркевич О.В. Системное развитие творческого потенциала студентов технического вуза средствами высшей математики: На примере экономических специальностей [Электронный ресурс] Дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 - Хабаровск, 2006 РГБ ОД
4. Мартыновская С.Н. Актуализация творческого потенциала будущего инженера в процессе эвристического обучения [Электронный ресурс] Дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08. - Красноярск, 2006 РГБ ОД
5. Глотова Г.В. Развитие творческого потенциала будущих инженеров в вузах США и Западной Европы [Электронный ресурс] Дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 - Казань, 2005 РГБ ОД

УДК 37.013

**ФЕНОМЕН РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ
ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ ДОМОВ ГЕРМАНИИ
(100-летнему юбилею экспериментальных школ
Германии посвящается)**

Мангасарян М.К.

**GERMANY RURAL FOUNDLING HOSPITALS
DEVELOPMENT PHENOMENON
(Dedicated to germany experimental
schools century jubilee)**

Mangasaryan M.K.

В статье рассматриваются и анализируются содержание и формы учебно-воспитательной работы в Сельских воспитательных домах Германна Литца и Пауля Гехеба - педагогов-реформаторов Германии конца XIX в. – начала XX в. Политическое, экономическое и социально-культурное развитие государства в рассматриваемый период потребовали от прогрессивно настроенных педагогов страны модернизации современной им системы обучения и воспитания. Сельские воспитательные дома Германии не потеряли своего значения до настоящего времени и служат источником педагогических идей для педагогов всего мира.

The content and different forms of educational work in the rural foundling hospitals by Germann Lits and Paul Gekheb are presented and analysed in this article as the practice-oriented activity of the German pedagogical reformers late XIX – early XX century. Political, economic, social and cultural development of the state during that particular period demanded by progressive-minded educators of the country to modernize the system of contemporary education and training. German rural foundling hospitals have not lost their value and still are the source of teaching ideas for educators all around the world.

Ключевые слова: реформаторская педагогика, сельские воспитательные дома, экспериментальные школы, учебно-воспитательные учреждения, система народного образования Германии,

Keywords: reformatory pedagogics, rural foundling hospitals, experimental schools, educational institutions.

Современный этап развития педагогической мысли, совершенствование путей и средств воспитания и обучения неразрывно связаны с осмыслением прогрессивных идей прошлых поколений, выявлением в них того ценного, что необходимо сегодня для модернизации и дальнейшего развития педагогической науки. Академик Н.Д. Никандров указывает, что проблемы воспитания и обучения молодого поколения приобрели в настоящее время особое значение. «Многое зависит от общего умонастроения молодежи, которое формируется нашей системой социализации. Результатом является риск обострения проблемы «отцов и детей», неуважения к уходящим и ушедшим поколениям, равнодушия к созданию семьи, социального сиротства» [1, С.22].

Главным на рубеже XX – XXI веков стал вопрос о необходимости реформирования народного образования. Ученые и педагоги современной России, стран Западной Европы и Америки обращаются к прогрессивному наследию основных течений реформаторской педагогики конца XIX – начала XX века, не потерявшему своего актуального значения в XXI веке. Гуманистическая направленность и сущностно-содержательный потенциал этих течений нашли свое воплощение в создании ряда экспериментальных учебно-воспитательных учреждений, существующих в настоящее время в Европе, которые признаны ЮНЕСКО ассоциированными опытно-экспериментальными площадками современной Европы.

Реформаторская педагогика Германии, возникшая в период интенсивного материально-экономического развития страны конца XIX – начала XX века, носила интернациональный характер. В ряде европейских стран она обусловила возникновение демократических педагогических течений и опытно-экспериментальных школ нового типа. Основным требованием гуманистической педагогики реформы являлось воспитание духовно-нравственной личности, признание личности ребенка главной ценностью и центром учебно-воспитательного процесса, и потому возникшие на их основе школы представляют собой не только фундаментальное наследие прошлого, но и источник новых педагогических идей. Большое значение для передовой педагогической общественности современности имеет не только объективная оценка данных педагогических теорий и концепций, но и опыт созданных на их основе учебно-воспитательных учреждений. Научный и практический интерес к гуманистической педагогике Германии конца XIX – начала XX века обуславливает интерес российских ученых к педагогике сотрудничества, гуманно-личностной педагогике, духовно-нравственному развитию, поиску новых путей и средств

обучения и воспитания.

Экономические, социокультурные и политические преобразования в Германии рассматриваемого периода обусловили конструктивный подход к теории и практике обучения и воспитания. Темпы развития научно-технического прогресса, быстрый экономический рост стали предпосылками интенсивного развития педагогической мысли, отказа от школы зубрежки и унижения человеческого достоинства учащихся. Педагоги-реформаторы выдвигали такие новаторские для того времени требования, не имевшие аналогов в мировой педагогической практике, как свободное развитие личности, подготовка молодежи к труду, творчеству, воспитание ее гражданской позиции и высоких норм общечеловеческой морали. Основную задачу модернизации образования взяли на себя экспериментальные учебно-воспитательные учреждения педагогики реформы. Ее представители выступили против авторитарной гербартианской педагогики, противопоставляя ей креативное развитие личности ребенка с ее индивидуальными особенностями и интересами. Педагоги-реформаторы Г.Литц и П. Гехеб разработали новую систему ценностей в педагогике, настаивали на неукоснительном следовании гуманистическим идеям о воспитании и обучении подрастающего поколения.

Проанализировав источники литературы и архивные материалы, становится ясным, что именно прогрессивный немецкий педагог Германн Литц (1868-1919) более, чем другие организаторы «новых школ», творчески переработал и использовал на практике концепции классиков педагогической мысли Я.А. Коменского, Ж.-Ж. Руссо и И.Г. Песталоцци, которые призывали к естественному воспитанию человека, направленному на естественное развитие, свободу мыслей и действий, ведение природосообразного и здорового образа жизни вдали от города. Особое значение в нравственном воспитании Г. Литц придавал фольклору, религии, исторической литературе о жизни и деятельности великих людей. Г. Литц отвергал наказания как средство воспитания, считал их ненужными. Он полагал необходимым создать для воспитанников благоприятную среду вовлечения их в интересную для них творческую интересную деятельность, в процессе которой учитывались их психофизиологические особенности и склонности. Все это позволяет сделать вывод о том, что школы Г. Литца, формировавшие здоровых, сильных духом и телом личностей, стали значимым явлением среди учебно-воспитательных учреждений страны.

Исторический сравнительно-сопоставительный анализ учебно-воспитательной работы в первых «новых школах» Германии позволяет нам сделать вывод о том, что Пауль Гехеб (1870-1961), основатель Оденвальдской школы (1910), проанализировав их положительные и негативные стороны, выработал собственную концепцию воспитания детей и молодежи в своей «новой школе». Он умело сочетал опыт и достижения первых «новых школ»

Германии («Объединения сельских воспитательных домов» Литца и «Свободной школьной общины Виккерсдорф»). В отличие от Г. Литца, он выступал против искусственной изоляции учащихся от нездорового влияния урбанизации, его школа находилась в сельской местности, но вблизи от города с его богатыми культурными и научно-техническими достижениями и возможностями. Основу Оденвальдской школы составляли «семьи» из воспитанников и воспитателей, а ученическое самоуправление имело здесь ряд ограничений, что не давало воспитанникам злоупотреблять предоставленными им правами и свободами [2, С.123].

Среди других новых школ Германии Оденвальдская школа выделялась, в первую очередь, поисками индивидуализации, дифференциации и обновления учебного процесса. Основным учебным материалом являлись конспекты лекций и беседы с учителем на уроке. В отличие от основных школ Г. Литца здесь большое значение придавалось профориентационной деятельности учащихся, свободе выбора учащимися определенного краткосрочного или долгосрочного курса, индивидуальному подходу к учащимся в процессе обучения и воспитания. Отличительной чертой Оденвальдской школы являлось использование на практике принципа коедикации и экспериментальная работа с разновозрастным составом групп учащихся. Коедикация, по мнению П. Гехеба, способствовала сохранению «семейных отношений в вопросе воспитания» [3, С.70-84]. Принятие в 60-е годы XX века школьной конституции, гарантировавшей активную позицию воспитанников в делах школы, в деятельности «школьного парламента», «совета доверия», трудового сообщества, явилось результатом развития у воспитанников чувства собственного достоинства и значимости в борьбе за мир и сотрудничество молодежи разных стран. Именно в это время Оденвальдская школа становится ассоциированным членом ЮНЕСКО, экспериментальной площадкой Европы, которая занимается разработкой программ и проектов школ будущего.

Современный этап развития рассматриваемых школ характеризуется, как и сто лет назад, широким распространением в Германии частных или частично финансируемых государством частных учебно-воспитательных учреждений, большинство из которых являются экспериментальными площадками ЮНЕСКО. Данным экспериментальным учебно-воспитательным учреждениям гарантируются большие права и свободы в выборе средств и методов педагогической и воспитательной деятельности и в апробации новых пилотных проектов в области образования и воспитания.

Система народного образования Германии XXI века – это не только учреждения базового образования, но и основа, гарантирующая непрерывное обучение и воспитание, которая действительно предоставляет всем ее гражданам возможность для обучения, переквалификации, обновления полученных

ранее знаний и умений в течение всей жизни, что необходимо для развития инициативы и самостоятельности личности при принятии ответственных и значимых решений, которые приоритетным и важны для современного, постоянно, стабильно и успешно развивающегося государства.

В свете вышесказанного становится ясно, почему в Сельских воспитательных домах Г. Литца, в Оденвальдской школе и в школе Гуманности П. Гехеба такое большое распространение получили экспериментальные методы обучения и воспитания, утвердился интернациональный характер данных школ, постоянно совершенствуются различные виды трудовой деятельности учащихся, по-разному формируются духовные качества и умственные способности личности (рука, сердце, голова), основы которых были заложены еще основателями этих школ [4, С. 18].

Итак, нам представляется возможным сделать следующие выводы: социокультурное, политическое и экономическое развитие Германии, рост научно-технического прогресса и лидирующее развитие страны в качестве мировой державы в начале XX века послужили факторами развития прогрессивной педагогической науки и практики, становлению реформаторского движения и распространению его идей и концепций, основанных на принципах гуманно-демократической направленности обучения и воспитания, автономии школьного дела от государства и церкви, выдвижения ребенка в центр учебно-воспитательной системы, формирование креативной, деловой, интеллигентной, социально развитой и независимой личности в Западной Европе, США и других странах мира; теоретико-методологической основой учебно-воспитательной деятельности школ Германии конца XIX – начала XX века является концепция «свободного воспитания», основанная на принципах естественного, свободного развития учащихся организаторов сельских воспитательных домов Германии Германна Литца и Пауля Гехеба, которые нашли свое воплощение и развитие в созданных ими «новых школах» - альтернативных учебно-воспитательных учреждениях, идущих в авангарде с современными требованиями прогрессивно развивающегося общества; основными задачами модернизации школы Германии для организаторов «новых школ» являлись отказ от традиционной гербартианской школы, школы «муштры и зубрежки», обновление учебно-воспитательной деятельности посредством использования новационных путей и средств обучения и воспитания; приведение содержания образования в соответствие с требованиями уровня развития науки, техники и культуры общества; деятельность педагогов-реформаторов была направлена на использование в «новых школах», в частности, в сельских воспитательных домах, индивидуального подхода к воспитанникам в процессе обучения и воспитания; гармоничное сочетание умственного, физического и духовно-нравственного развития личности ребенка (модель: ум, рука, сердце);

соблюдение принципа коедикации в обучении (предложенного впервые Паулем Гехебом) как основного фактора его полноценного гендерного формирования, создание благоприятных условий для свободного творческого развития учащихся: расположение «новых школ» в сельской местности вдали от «разрушающего» психику ребенка воздействия мегаполиса; максимальное использование культурно-цивилизационных достижений для человека, способного к самореализации, самоактуализации, повышению квалификации, переобучению в течение всей жизни («капеллы», «вечера отдыха»); инновационным в учебно-воспитательной практике «новых школ» явилось использование антиавторитарных методов в учебно-воспитательном процессе, эмоциональное воспитание учащихся, учет личного опыта (педагогика переживаний), введение в практику учебно-воспитательной деятельности школьного самоуправления, воспитание будущего гражданина общества, обладающего общественным самосознанием, четко выработанной активной гражданской позицией.

К инновационным тенденциям развития современного состояния сельских воспитательных домов Германии, основанных Г. Литцем и П. Гехебом более 100 лет назад, являющихся в настоящее время экспериментальными площадками ЮНЕСКО, относятся следующие: интернациональный характер обучения и воспитания (билингвальное обучение, изучение нескольких иностранных языков со стажировкой в других странах, активное участие воспитанников школ в международных конференциях и проектах, практика международного обмена учащимися школ); активное использование в практике обучения и воспитания метода проектов (учебные, сетевые, досуговые, международные, социальные проекты, проекты развития и саморазвития); социально ориентированная деятельность: работа учащихся в домах престарелых, инвалидов детства, психоневрологических клиниках, воспитание и обучение в рассматриваемых школах трудновоспитуемых детей, детей из социально необеспеченных семей, миротворческая деятельность преподавателей и учащихся в странах третьего мира, участие в акциях волонтерского движения, милосердия и благотворительности.

Прогностическое значение передового педагогического опыта Германии в теории и практике рассматриваемых учебно-воспитательных учреждений в рамках модернизации современной системы образования определяется необходимостью формирования новых концептуальных моделей обучения и воспитания, учитывающих опыт лучших экспериментальных учреждений, таких как школы Г. Литца и П. Гехеба, на практике осуществляющих гуманно-демократические идеи, трудовое, физическое и духовно-нравственное воспитание молодежи, отказ от догматизма и авторитаризма в школах, предоставляющих педагогам право на творческое экспериментирование и апробацию авторских методик; основополагающими факторами успешной учебно-

воспитательной деятельности которых являются социальная направленность деятельности педагогов и учащихся школ, интернациональный характер обучения и воспитания в рамках глобализации образования.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Никандров В.Д. Общество, школа, семья: православные традиции и современная Россия // Высшее образование в России. - 2007. - № 2. - С. 22.
2. Образцова Л.В. Гуманистическая педагогика и школа Германии конца XIX – начала XX века (1870 – 1933). Монография [Текст] / Л.В. Образцова – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2004. – 342 с.
3. Schäfer, Walter (Hrsg.): Die Vereinigung der deutschen Landerziehungsheime. In: Berichte aus der Odenwaldschule, 6Jg. Heft 2, Juli 1960, S. 70-84.
4. Wendt, Magdalena. Die deutsche Landerziehungsheimbewegung am Beispiel von Hermann Lietz / Magdalena Wendt [Text] - Hausarbeit, GRIN Verlag für akademische Texte, 1999. 18 S.

УДК 37.013

ИССЛЕДОВАНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ПОДВИЖНЫХ И ЭЛЕМЕНТОВ СПОРТИВНЫХ ИГР В ЗАНЯТИЯХ СО СТУДЕНТАМИ СМГ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ КАРДИОРЕСПИРАТОРНОЙ СИСТЕМЫ

Румба О.Г., Ковалева М.В.

THE RESEARCH OF THE EFFICIENCY OF USING OF OUTDOOR GAMES AND ELEMENTS OF SPORT GAMES AT THE LESSONS OF STUDENTS PHYSICALLY CHALLENGED IN CARDIO RESPIRATORY SYSTEM

Rumba O.G., Kovaleva M.V.

Статья подготовлена в рамках реализации Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы, направление «Гуманитарные науки», мероприятие 1.1 «Проведение научных исследований коллективами научно-образовательных центров в области психологических и педагогических наук» по теме: «Разработка новых физкультурно-оздоровительных технологий, способствующих повышению функциональных возможностей организма и обеспечению высокой эффективности образовательной деятельности студентов»

В статье теоретически обосновывается и экспериментально доказывается целесообразность систематического применения подвижных и элементов спортивных игр на учебно-тренировочных занятиях по физической культуре со студентами специальных медицинских групп с ограниченными возможностями кардиореспираторной системы.

In the article the suitability of regular using outdoor games and elements of sport games at the lessons of physical culture with students physically challenged in cardio respiratory system is theoretically based and experimentally proved.

Ключевые слова: студенты с ограниченными возможностями кардиореспираторной системы, специальные медицинские группы, учебно-тренировочные занятия по физической культуре, подвижные игры, элементы спортивных игр.

Keywords: students physically challenged in cardio respiratory system, special medical groups, training lessons of physical culture, outdoor games, the elements of sport games

Согласно Инструкции по организации и содержанию работы кафедр физического воспитания вузов [11] и Примерной программе для вузов по дисциплине «Физическая культура» [20], подвижные и спортивные игры относятся к обязательным видам физических упражнений, используемым в процессе физического воспитания студентов. При этом методика их применения на специальном учебном отделении (СУО) со студентами с ослабленным здоровьем разрабатывается кафедрами физического воспитания самостоятельно с учётом показаний и противопоказаний для студентов. Однако по причине сложности дозирования нагрузки в игровой деятельности, связанной с её эмоциональным компонентом, в настоящее время наблюдается осторожное отношение к использованию подвижных и элементов спортивных игр на занятиях физической культурой со студентами специальных медицинских групп (СМГ), особенно имеющими нарушения со стороны кардиореспираторной системы (КРС). Зачастую, в занятиях с данным контингентом игровые упражнения не используются вовсе, что, очевидно, является упущением, поскольку, согласно данным известных специалистов по лечебной физической культуре (ЛФК) И.Б. Тёмкина, А.Г. Дембо, В.А. Епифанова, В.И. Дубровского и др., при ряде состояний, когда физкультурные занятия преследуют цель повышения функциональных возможностей органов кровообращения и дыхания без дифференцированного влияния на отдельные их звенья, игры выступают в качестве основного тренирующего средства, поскольку, увлечшись игрой, занимающиеся выполняют значительно большее число движений и со значительно большей нагрузкой, чем в процессе выполнения других упражнений. Иными словами, игровая деятельность позволяет включить и использовать достаточно большие резервные возможности сердечно-сосудистой системы занимающихся с ограниченными возможностями КРС, что обычно затрудняется при других формах мышечной деятельности из-за присущего страха, который, по словам А.М. Вишневого, не вполне оправдан, когда речь идёт о студентах СМГ. По словам автора, «... неправильно относить студентов «ослабленной», а теперь специальной группы, к числу «больных». В подавляющем большинстве это практически здоровые юноши и девушки, живущие и работающие в общих со всеми студентами условиях и нуждающиеся лишь в особом подходе при занятиях по физическому воспитанию» [4, стр. 8].

Кроме того, говоря о возможности и целесообразности применения под-

вижных и элементов спортивных игр в занятиях со студентами СМГ с ограниченными возможностями КРС, следует учитывать, что игровые упражнения наряду с аэробикой являются наиболее желанными для студентов видами двигательной активности, применение которых в рамках плановых УТЗ может повысить их мотивацию к активной физкультурной деятельности. В частности, согласно нашим данным, подвижными и спортивными играми желают заниматься 53% респондентов данной нозологической группы, а 14% из них такие занятия рекомендовали врачи.

В научной литературе существуют работы, в которых представлены результаты исследований, подтверждающие положительное влияние подвижных и элементов спортивных игр на состояние здоровья студентов с ограниченными возможностями КРС [4, 21, 13, 8, 5, 15, 16, 14, 2, 10, 3]. Более того, данные специальной литературы по ЛФК свидетельствуют, что даже на стадии заболеваний КРС в оздоровительных занятиях с больными людьми наряду с дозированной ходьбой, бегом и дыхательными упражнениями достаточно широко применяются подвижные и элементы спортивных игр, в том числе на санаторно-курортном этапе восстановления после обострений заболеваний [18, 19, 12, 9, 6, 7, 1; и др.]. Однако ни в одном из изученных нами источников не представлена конкретная методика применения подвижных и элементов спортивных игр в занятиях со студентами СМГ с ограниченными возможностями КРС. Вместе с тем, очевидно, что существует большое число игр, которые можно использовать в занятиях со студентами с ограниченными возможностями КРС с целью внесения разнообразия в такие занятия и увеличения к ним интереса занимающихся.

Нами была предпринята попытка разработать методику применения подвижных и элементов спортивных игр на учебно-тренировочных занятиях (УТЗ) по физической культуре со студентами с ограниченными возможностями КРС. При разработке экспериментальной методики мы опирались на теорию дозирования физической нагрузки, представленную в учебнике «Теория и методика физического воспитания» под общей редакцией Т.Ю. Круцевич [17] со ссылками на работы М.И. Фонарёва, Л.П. Матвеева, Ф.З. Меерсона, Н.М.Амосова, И.В. Муравова, Я.Н. Вайнбаума, В.Н. Платонова. Согласно данной теории, в занятиях с лицами с ослабленным здоровьем целесообразно использовать физические упражнения, которые вызывают допустимые, соответствующие функциональным возможностям организма реакции жизнеобеспечивающих систем. В начальном периоде занятий следует применять упражнения малой интенсивности, увеличивающие ЧСС на 55-60% от max. Повышение нагрузки должно происходить постепенно до средней зоны интенсивности, соответствующей повышению ЧСС на 60-65% от max. Использовать нагрузку в субмаксимальной и максимальной зоне интенсивности с данной категорией занима-

ющихся не рекомендуется. Ориентируясь на данные положения теории, для студентов с ограниченными возможностями КРС были отобраны две группы подвижных и элементов спортивных игр: низкой интенсивности (ЧСС 110-120 уд/мин): подвижные игры – «Слалом», «Удержи палку», «Ловкий перемах», «Поединок с ракетками», «Успей подобрать», «Шайбу в круг» и др.; элементы спортивных игр – настольный теннис; умеренной интенсивности (ЧСС 120-130 уд/мин): подвижные игры – «Быстрее перенеси», «Поединок с ракетками», «Успей подобрать», «Шайбу в круг» и др.; эстафеты малой и средней интенсивности; элементы спортивных игр – настольный теннис, волейбол (исключая прыжки).

Первая группа игр (низкой интенсивности) применялась в I семестре; вторая группа игр (умеренной интенсивности) – во II семестре. Продолжительность игрового блока составляла 40-45 мин. Он применялся в основной части стандартного трёхчастного УТЗ продолжительностью 90 мин. Учитывая высокую эмоциональную составляющую игровой деятельности, подсчёт ЧСС в игровом блоке осуществлялся занимающимися через каждые 5-10 мин. В случае необходимости осуществлялась корректировка нагрузки. Оценка эффективности экспериментальной методики проводилась с помощью сравнительного педагогического эксперимента, который проводился на кафедре физического воспитания №1 НИУ «БелГУ» с сентября 2007 г. по июнь 2008 г. В нём приняли участие 132 студентки I-II курсов в возрасте 17-19 лет, отнесённые к СМГ по причине нарушений КРС. С целью проведения дифференцированного анализа результативности систематических занятий подвижными и элементами спортивных игр со студентами с ограниченными возможностями сердечно-сосудистой (ССС) и дыхательной систем (ДС) было сформировано четыре группы: две группы студенток с ограниченными возможностями ССС (экспериментальная – ЭГ-С, n=32; и контрольная КГ-С, n=36) и две группы студенток с ограниченными возможностями ДС (экспериментальная – ЭГ-Д, n=30; и контрольная КГ-Д, n=34). У девушек ЭГ-С и КГ-С были выявлены следующие нарушения ССС: вегето-сосудистая дистония, аритмия, гипертония, гипотония, пролапс митрального клапана, сердечная недостаточность. У девушек ЭГ-Д и КГ-Д были выявлены следующие нарушения ДС: гайморит, тонзиллит, бронхит, бронхиальная астма в начальной стадии, часто повторяющиеся ОРЗ. В контрольных группах УТЗ по физической культуре проводились по утверждённой на кафедре физического воспитания №1 учебной программе, разработанной преподавателями кафедры для всех студентов СМГ без разделения их по нозологическому типу. В экспериментальных группах УТЗ по физической культуре проводились с применением разработанной методики применения подвижных и элементов спортивных игр.

Проведённый педагогический эксперимент не выявил заметного пре-

имущества разработанной методики по вопросу оздоровления студентов с ограниченными возможностями КРС. Вместе с тем, по результатам итогового тестирования у студенток обеих ЭГ были выявлены более позитивные итоговые показатели ЖЕЛ, аэробных возможностей организма, физической работоспособности, силы, координации; у студенток ЭГ-С выявлены также более позитивные, чем в КГ-С, показатели устойчивости организма к гипоксии. Кроме того, в обеих ЭГ отмечены более высокие средние итоговые баллы по показателям соматического здоровья, как и общий итоговый балл (по методике Г.Л.Апанасенко). Всё перечисленное, с одной стороны, доказало перспективность использования подвижных и элементов спортивных игр на УТЗ по физической культуре со студентами с ограниченными возможностями КРС; с другой стороны, очевидной стала необходимость коррекции разработанной методики с целью повышения её эффективности.

Анализ специальной литературы и собственные исследования позволили предположить, что невысокая результативность первого педагогического эксперимента может быть связана с тем, что физическая нагрузка в зоне интенсивности ЧСС 100-130 уд/мин является недостаточной для возникновения достоверных положительных изменений в функциональном состоянии КРС занимающихся. В связи с этим основой коррекции экспериментальной методики стало увеличение интенсивности игровых упражнений и изменение соотношения подвижных и элементов спортивных игр в занятии с целью доведения ЧСС студентов до рекомендованного специалистами значения 75% от максимальной ЧСС, т.е. до 130-150 уд/мин.

Увеличение интенсивности игровых упражнений достигалось за счёт общего повышения темпа игры (путём разрешения и увеличения продолжительности бега), а также за счёт увеличения сложности выполняемых упражнений. Увеличение сложности игровых упражнений достигалось путём: усложнения исходных положений, увеличения амплитуды, добавления предметов, усложнения правил в применяемых подвижных играх; исключения некоторых ранее применённых подвижных игр низкой интенсивности и включения новых вариантов подвижных игр более высокой интенсивности, в том числе: лапта, «Салки», «Невод», «Перестрелка», «Передал – садись», «Защищай товарища» и др.; включения новых спортивных игр по упрощённым правилам, в том числе бадминтона; включения новых вариантов эстафет с элементами спортивных игр, в том числе: «Вперёд-назад», «Эстафета пингвинов», «Крабы», «Лыжники», «Будь начеку» и др. Изменение соотношения подвижных и элементов спортивных игр в занятии было решено следующим образом: раз в неделю в игровом блоке (40-45 мин) применялись только подвижные игры; раз в неделю – только элементы спортивных игр. Такой подход позволил увеличить долю спортивных игр в экспериментальных занятиях; выделить больше времени

на овладение техникой изучаемых игр, а впоследствии – на саму игру; разнообразить занятия. Структура УТЗ осталась без изменений: подготовительная часть (20 мин) – строевые упражнения, ходьба / бег, различные варианты ОРУ; основная часть (60 мин) – игровой блок и вариативная часть, попеременно включающая комплексную тренировку и упражнения ЛФК, рекомендованные при нарушениях КРС; заключительная часть (10 мин) – упражнения на расслабление мышц и восстановление дыхания.

Второй педагогический эксперимент проводился на кафедре физического воспитания №1 НИУ «БелГУ» с сентября 2008 г. по июнь 2009 г. В нём приняли участие 140 студенток I-II курсов в возрасте 17-19 лет, отнесённых к СМГ по причине нарушений КРС. Было также сформировано четыре группы: две группы студенток с ограниченными возможностями ССС (экспериментальная – ЭГ-С, n=35; и контрольная КГ-С, n=39) и две группы студенток с ограниченными возможностями ДС (экспериментальная – ЭГ-Д, n=32; и контрольная КГ-Д, n=34). Характер нарушений КРС студенток был тот же, что и в первом эксперименте. Второй эксперимент доказал правильность внесённых корректировок. В частности, у студенток обеих ЭГ достоверно экономизировалась работа миокарда; увеличились кислородтранспортные, аэробные и резервные возможности организма, в том числе в условиях гипоксии; возросла физическая работоспособность; сократилось время восстановления ССС после умеренной физической нагрузки; улучшились функция внешнего дыхания и общее состояние КРС; возрос уровень развития силы, координации, гибкости. Кроме того, у студенток ЭГ-С в лучшую сторону изменилось соотношение симпатических и парасимпатических влияний на регуляцию деятельности ССС, возросла кистевая динамометрия; у студенток ЭГ-Д – увеличилась подвижность грудной клетки. В совокупности произошедшие в обеих ЭГ достоверные изменения обусловили повышение общего уровня соматического здоровья девушек. В обеих КГ также отмечены достоверные изменения, но их значительно меньше: в частности, у девушек достоверно повысились аэробные возможности организма и физическая работоспособность, а также улучшилась координация.

Межгрупповое сравнение результатов в целом свидетельствует о более благоприятном соматическом состоянии девушек обеих ЭГ по сравнению с девушками КГ после экспериментальных занятий. Так, у студенток обеих ЭГ выявлены достоверно более позитивные итоговые показатели сократительной способности миокарда, аэробных возможностей организма, физической работоспособности, времени восстановления ЧСС после умеренной физической нагрузки, общего состояния КРС, силы, гибкости, координации, а также более высокий общий уровень соматического здоровья. Кроме того, у студенток ЭГ-С отмечены более благоприятные показатели экономичности функционирования миокарда, устойчивости организма к гипоксии, уравновешенно-

сти вегето-сосудистых реакций. Проведённые дополнительные исследования (бланковая методика САН, шагометрия) позволили установить, что в результате экспериментальных занятий у девушек обеих ЭГ стабильно повышались показатели самочувствия, активности, настроения в среднем на 5-7 баллов; а также возрастала суммарная двигательная активность в среднем на 17-22% по сравнению с девушками КГ.

На основании полученных данных был сделан вывод о целесообразности систематического использования подвижных и элементов спортивных игр в рамках плановых УТЗ по физической культуре со студентами СМГ с ограниченными возможностями КРС с целью осуществления положительной коррекции их соматического состояния. При этом было установлено, что оздоровительный эффект таких занятий обеспечивается повышением физической нагрузки до первой тренировочной зоны интенсивности (ЧСС 130-150 уд/мин) за счёт увеличения интенсивности игровых упражнений и равноценного соотношения подвижных и элементов спортивных игр.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Артамонова Л.Л. Лечебная и адаптивно-оздоровительная физическая культура: учеб. пособие для студентов / Л.Л. Артамонова, О.П. Панфилов, В.В. Борисова ; общ. ред. О.П. Панфилова. – М.: Изд-во ВЛАДОС-ПРЕСС, 2010. – 389 с.
2. Балышева Н.В. Укрепление здоровья студенток, имеющих нарушения сердечно-сосудистой системы, средствами дозированной оздоровительной ходьбы и бега: Дис. ... канд. пед. наук: 13.00.04 / Наталья Владимировна Балышева. – Белгород, 2010. – 234 с.
3. Богоева М.Д. Построение процесса физического воспитания студентов специальной медицинской группы с ограниченными возможностями сердечно-сосудистой системы: Дис. ... канд. пед. наук: 13.00.04 / Мария Дмитриевна Богоева. – СПб, 2011. – 253 с.
4. Вишневский А.М. Физическое воспитание студентов специальной группы в высшей школе: Автореф. дис. ... канд. пед. наук / А.М. Вишневский. – Л., 1953. – 18 с.
5. Дробышева С.А. Повышение двигательных возможностей студентов с заболеванием вегето-сосудистой дистонией средствами физического воспитания: Дис. ... канд. пед. наук: 13.00.04 / Светлана Анатольевна Дробышева. – Волгоград, 2004. – 139 с.
6. Дубровский В.И. Лечебная физкультура и врачебный контроль: Учебник для студ. мед. вузов / В.И. Дубровский. – М.: ООО «Медицинское информационное агентство», 2006. – 598 с.
7. Дубровский В.И. Физическая реабилитация инвалидов и лиц с отклонениями в состоянии здоровья: Учебник для высш. и сред. учеб. завед. по ФК / В.И. Дубровский, А.В. Дубровская. – М.: Изд-во «БИНОМ», 2010. – 448 с.
8. Дуруда А.В. Развитие общей выносливости с использованием ациклических физических упражнений у студенток с дисфункцией системы кровоо-

бращения: Дис. ... канд. пед. наук: 13.00.04 / Алевтина Николаевна Дуруда. – Омск, 1997. – 198 с.

9. Епифанов В.А. Лечебная физическая культура: Учеб. пособие / В.А. Епифанов. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2006. – 586 с.

10. Жмыхова А.Ю. Коррекционная направленность физической подготовки студентов специальной медицинской группы на основе их морфофункциональных особенностей: Автореф. дис. ... канд. пед. наук / А.Ю. Жмыхова. – М., 2010. – 24 с.

11. Инструкция по организации и содержанию работы кафедр физического воспитания высших учебных заведений. Утверждена приказом Государственного комитета РФ по высшему образованию от 26.07.1994, №777. – 54 с.

12. Лечебная физическая культура: Справочник / В.А. Епифанов, В.Н. Мошков, Р.И. Антуфьева и др.; под ред. В.А. Епифанова. – М.: Медицина, 1987. – 528 с.

13. Мизеров М.М. Управление процессом физического воспитания студентов специальной медицинской группы на основе характеристик их функционального состояния: Автореф. дис. ... канд. пед. наук / М.М. Мизеров. – М., 1980. – 23 с.

14. Поздеева Л.В. Технология физического воспитания студенток с отклонениями в функциональном состоянии дыхательной системы: Автореф. дис. ... канд. пед. наук / Л.В. Поздеева. – Хабаровск, 2009. – 24 с.

15. Скляренко А.В. Физическое воспитание студенток специальных медицинских групп среднего профессионального образовательного учреждения на основе комплексного использования оздоровительных гимнастических систем: Автореф. дис. ... канд. пед. наук / А.В. Скляренко. – Хабаровск, 2006. – 25 с.

16. Скуратович М.Н. Методика занятий по физическому воспитанию в вузе со студентами специальной медицинской группы с различными вариантами вегетативной дисфункции: Дис. ... канд. пед. наук: 13.00.04 / Марина Николаевна Скуратович. – Омск, 2006. – 142 с.

17. Теория и методика физического воспитания: Учебник для вузов физ. восп. и спорта (в двух томах) / под ред. Т.Ю. Круцевич. – Киев: Олимпийская литература, 2003. – 424 с. (т.1), 392 с. (т.2).

18. Тёмкин И.Б. Физические упражнения и сердечно-сосудистая система / И.Б. Тёмкин. – М.: Высшая школа, 1974. – 192 с.

19. Тёмкин И.Б. Лечебная физическая культура при заболеваниях органов кровообращения / И.Б. Тёмкин, Л.Д. Змиевская. – Ставрополь, 1977. – 96 с.

20. Физическая культура. Примерная программа для высших учебных заведений / сост. В.И. Ильинич, Ю.И. Евсеев. – М., 2000. – 72 с.

21. Язловецкий В.С. Организация и методика занятий по физическому воспитанию с учащимися, имеющими заболевания сердечно-сосудистой системы: Автореф. дис. ... канд. пед. наук / В.С. Язловецкий. – М., 1970. – 22 с.

УДК 37

ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ КАК ЧАСТЬ ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ЗАБОТЫ О СЕБЕ

Садовников Е.С.

HEALTHY WAY OF LIFE AS PART OF THE ONTOLOGICAL STRUCTURE OF SELF-CARE

Sadovnikov E.S.

В настоящем исследовании делается попытка определить концептуальные основы здорового образа жизни через «культуру себя» и принцип «заботы о себе», в котором проявляется искусство существования, обосновывается его необходимость, направляется его развитие и определяются его практики. Автор считает, что механизм «заботы о себе» проявляется в актах самополагания, когда человек оценивает и пробует себя в необычных условиях, овладевает собой, его «Я» превращается в его собственность.

The present study attempts to define the conceptual foundations of a healthy lifestyle through a «culture of self» and the principle of «taking care of yourself». The mechanism of «self-care» is manifested in acts of samopolaganiya when a person first of all, evaluates and tries himself in unusual circumstances, vysvaivaet himself possessed him, becomes the master of himself, his «I» becomes his property.

Ключевые слова: здоровый образ жизни; забота о себе; надситуативная активность; неадаптивная активность; самополагание субъекта; культура себя.

Keywords: healthy way of life; taking care of themselves; nadsituativnaya activity, non-adaptive activity; samopolaganie subject's; culture itself.

Здоровый образ жизни является частью онтологической структуры заботы о себе, направленной на преодоление дефективной реальности недолжного (человеческое страдание, нездоровье) способом самодетерминации, восстановления целостности (исцеление Мудростью), проявляющейся в экзистенциальной практике искусства жизнепроживания, ориентированного на сохранение и преумножение здоровья.

Несмотря на многочисленные призывы, пропаганду, практическая работа по формированию здорового образа жизни у молодежи и взрослого поколения россиян находятся на крайне низком уровне. Данное положение объясняется множеством причин и, как нам кажется, одной из основных является отсутствие фундаментального, философско-онтологического подхода к этой проблеме, несущего в себе концептуальные основы здорового образа жизни (ЗОЖ) [2, 524 с.; 3, 27 с.] По нашему мнению, в этом качестве может служить «культура себя», особенностью которой является усиление и переоценка внутренних связей с самим собой и повышение значимости отношения к себе.

«Общее представление о «культуре себя» может дать принцип «заботы о себе», которому подчинено искусство существования (techne tou bioi) в различных своих формах; именно этот принцип обосновывает его

необходимость, направляет его развитие и определяет его практику» [6, С. 37-38]. Для М.Хайдеггера забота о себе - это исходная онтологическая особенность бытия или «подлинность существования вот-бытия, что означает понимание собственного бытия как препорученной ему задачи и ее принятие («решимость» быть самими собой), или как не подлинность, что есть как бы отказ от нее. М. Фуко продолжает тему реставрации принципа заботы о себе, начатую М. М.Хайдеггером, локализовавшись на способах принятия своего существования как собственной задачи [7, С. 314].

М. Фуко, вычлняя структурные аспекты концепции «заботы о себе», выделяет три существенных момента: высвечивается тема «некоего общего отношения, своеобразной манеры смотреть на мир, действовать, вступать в отношения с другими людьми» [6]. Другим важным моментом выступает форма взгляда, обращение от внешнего к внутреннему, то есть «забота о себе» характеризуется неким специфическим вниманием к себе, обращённостью «во внутрь себя» и некой сознательной нечувствительностью к происходящему «вовне». Третьим аспектом, на котором останавливается мыслитель, - наличие в структуре «заботы о себе» определённого образа действий, осуществляемых субъектом по отношению к самому себе системы требований, регламентирующих отношение человека к самому себе, определённых форм рефлексии, контроля сознания, определённого режима отношения к телу и вещам и др. Истина в концепции принципа предстаёт как активный фактор и способна не просто изменить бытие познающего субъекта, так как меняет любое ее познание и любой пережитый и осмысленный экзистенциальный опыт, но изменить самую суть его существования, полностью трансформировав его, сделав самого субъекта познания иным. Однако сама истина понимается совершенно по-разному. М. Фуко определяет это различие следующим образом: « В современную эпоху истина уже не в состоянии более служить спасением субъекту» [6, с.138]. Даже без разъяснения того, как понимается «спасение» самим Фуко или же каково различие в содержании этого понятия в античности и в средневековую эпоху, можно сказать определённо: именно способность истины спасать и изменять бытие познающего субъекта и его самого является ее главной чертой.

Философская мысль античности и средневековья полнится экзистенциальными и сотериологическими темами. Эпиктет призывает своего ученика: «Опомнись и спаси свою душу!». Это обращение к себе и поглощённость темой спасения себя формирует и задаёт направление философии как образу жизни, а не только как мыслительной деятельности. Этот мотив становится центральным для всей философской мысли в позднеантичную и средневековую эпохи.

Диссертационное исследование А.Соловьева, направленное на историко-философскую реконструкцию феномена «заботы о себе» в античную, средне-

вековую и современную эпохи, позволило осуществить сравнительный анализ различных концепций «заботы о себе» как определённого способа «философского существования», основанного на идее необходимости онтологической трансформации бытия познающего субъекта при его движении к истине. «В итоге был обнаружен всплеск интереса к теме «заботы о себе» в позднеантичную эпоху, его угасание в западно-христианском этосе (вплоть до полной девальвации в протестантизме) и возрождение определённого интереса к этой теме в творчестве М. Хайдеггера и основанной на его философии экзистенциальной терапии» [4, С. 97].

По мнению М. Фуко, «принцип, согласно которому необходимо проявлять заботу о самом себе, вообще является основой рационального поведения в любой форме активной жизни, стремящейся отвечать принципу духовной рациональности» [5, С.2], т.е он понимал принцип заботы о себе с рациональным, адаптивным вариантом поведения человека, что перекликается с «постулатом сообразности» В.А. Петровского [1, С. 31], в котором идет речь «об изначальной адаптивной направленности любых психических процессов и поведенческих актов». При этом имеются в виду как природная, так и социальная среды. Смысл данного постулата заключается в том, что, «анализируя те или иные частные стремления человека, можно как бы взойти к той Цели, которая, в конечном счете, движет поведением»... И, несмотря на то, что «необходимость адаптивных поведенческих актов бесспорна и очевидна», в то же время неадаптивность выступает неизбежностью в таких специфических проявлениях деятельности как: «жизнедеятельность», «предметная деятельность», «деятельность общения», «деятельность самосознания». «Своеобразие отклонений от действия постулата сообразности в поведении человека заключаются в том, что моменты неадаптивности выступают здесь моментом общественного развития [1, С. 357].

Анализ принципа «заботы о себе» лишь с позиции рациональности («сообразности») односторонен и ограничен, возникает необходимость в рассмотрении принципа с позиции неадаптивных проявлений активности человека, которые, в свою очередь, (согласно В.А. Петровскому) могут подразделяться на два типа: созидательная (продуктивная), надситуативная активность; ограничивающая (деструктивная), неадаптивная активность. «...принцип, противостоящий постулату сообразности и подчеркивающий активную, относительно независимую от задач адаптации, направленность деятельности человека – «принцип надситуативной активности». Согласно этому принципу, субъект, действуя в направлении реализации исходных отношений его деятельности выходит за рамки этих отношений, и, в конечном счете, преобразует их». Но то, что особенно важно для принципа заботы о себе и «культуры себя» эти «надситуативные действия самоценны...Они совершаются «для себя»...Со-

четание ситуативной избыточности и предпочтение целей с непредрежденным исходом достижения дает нам особый конструкт: «активная неадаптивность» [1, С. 65].

На фоне современной девальвации «культуры себя» и принципа «заботы о себе» необходимость внутреннего онтологического преобразования субъекта заботы неизмеримо увеличивается. В основе этого преобразования, по нашему мнению, лежит онтологическая потребность в самополагании. Согласно В.Петровскому, «В потребности самополагания представлены и переплетены моменты самопознания и самотворчества, самореализации и самоопределения. Познавая же себя, мы вместе с тем преобразуем и создаем себя...осуществляя самореализацию, мы неизбежно определяем себя заново, перестаем быть «себе-тождественными»...полагая себя, индивид утверждает свое бытие в мире, свою субъективность; источником происходящего является сам индивид. Поэтому, в частности, он стремится к автономии, нередуцируемости своих творческо-познавательных сил под действием чьей-либо воли или суждений» [1, С.148].

Осуществляя акты самополагания, человек оценивает себя и пытается открыть с непредсказуемой стороны. Однако испытания себя в измененных состояниях сознания может привести к привыканию к необычным переживаниям и, в итоге, вызывать постепенный сдвиг границы между «Я-обычным» и «Я-необычным»: ситуация, прежде порождавшая необычные переживания, утрачивая новизну, лишают индивида этих переживаний, что побуждает его к поиску новых. «Этот механизм может лежать в основе как регресса (наркотизация), так и развития личности (постановка все более высоких целей, ведущая к духовному росту и другим формам самосовершенствования)» [1, С.183]. Самоиспытания в собственной способности или неспособности действовать свободно и ответственно могут привести человека к непрогнозируемым результатами: или позитивный эффект «пробы себя» (прилив сил, ощущение жизни и наслаждения), или негативный эффект (боль, разочарование, беспомощность).

Одна из форм самополагания по мнению В. Петровского, - «тестирование» источников своих побуждений, таких, например, как страхи - влечению «от» здесь противопоставляется влечение «к» (чего я боюсь?), соблазны - «Приму вызов, пройду этот путь до конца, и узнаю, чем все это для меня обернется!», «Да! Дело это нехорошее..., А дай-ка попробуем!» (русская пословица).» [1, С.239]. В ходе самоисследования человек строит карту себя, формируя в ходе строительства («территорию Я»). По мнению В. Петровского, «качества, которые открываются в ходе самоисследования, неотделимы от акта самого открытия - не предшествуют ему... оценивая меру своих возможностей роста и говоря себе: «Я - могу!», человек производит себя-растущего. Признавая себя беспомощным, он превращает себя в беспомощное существо. Говоря себе: «Я

не достоин желать этого!» - человек отнимает у себя возможность обладания желанным. Тестирование непредрежденных последствий своих действий - высваивание индивидом себя как субъекта себя самого - своей «самости»... В актах самотрансцендентности субъекта, активного выхода за пределы границ предустановленного мы сталкиваемся с явлением, о котором можно сказать: «самостояние», «самопорождение», «самополагание» субъекта как «Я». [1, С. 482-484].

«Пробовать себя» в новых и неизвестных обстоятельствах, идти вперед и замечать, что происходит с тобой, в неординарных условиях приоткрывать свое потаенное «Я» - такова суть самополагания субъекта. Тем самым, человек высваивает себя, овладевает собой, становится господином самому себе, его «Я» превращается в его собственность» [1, С. 483].

Таким образом, исходная онтологическая особенность собственного бытия субъекта как порученной ему задачи и ее принятие («решимость» быть самими собой), отраженная в «культуре себя» и принципе «заботы о себе» в ходе исторического развития претерпела периоды становления и изменения в различных формах и выскристовалась в определенный способ существования, основанного на необходимости трансформации субъекта познания и его бытия при движении к истине. Интерпретация принципа «заботы о себе» как способа рационального, адаптивного поведения человека не соответствует современным психолого-онтологическим воззрением на человека как существа адаптивно-неадаптивного. Попытки объяснить поведение человека только с помощью «постулата сообразности» (телеологический подход) являются некорректными. Необходимость адаптивных поведенческих актов бесспорна и очевидна, в то время как неадаптивность выступает неизбежностью в различных проявлениях человеческой деятельности (и более того) в форме надситуативной активности выступает как созидательная и продуктивная. Механизмы проявления «заботы о себе» в современной психологической интерпретации сосредоточены в парадигме «самополагания» и могут служить концептуальной основой здорового образа жизни как части онтологической структуры «заботы о себе».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Петровский В.А. Человек над ситуацией / В.А. Петровский.- М.: Смысл, 2010.- 560 с.
2. Садовников Е.С. Адаптационные и неадаптационные тенденции в оздоровительной деятельности человека / Е.С. Садовников // IV международной науч. конгресс: Олимпийский спорт, спорт для всех: проблемы здоровья, рекреации, спортивной медицины и реабилитации.- Киев.: Олимпийская литература, 2000.- с. 524-525

3. Садовников Е.С. Пути решения оздоровительных задач в процессе физического воспитания в вузе / Е.С. Садовников // Теория и практика физической культуры.- М., ФиС, 1989.- с. 27-28

4. Соловьев А.Е. Историко-философский анализ феномена «заботы о себе»: диссертация кандидата философских наук: 09.00.03 / А.Е. Соловьев. Ростов-на-Дону.: 2006.- 160 с.

5. Фуко М. Герменевтика субъекта / М. Фуко. – М.: Наука, 2007.- 680 с.

6. Фуко М. Забота о себе. История сексуальности – III / М. Фуко.- Киев.: Рефл-бук, 1998.- 283 с.

7. Хайдеггер М. Время и бытие / М. Хайдеггер.- М.: Наука, 2007.- 624 с.

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 327 (460)

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА БЕЗОПАСНОСТИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В РАМКАХ БАРСЕЛОНСКОГО ПРОЦЕССА

Андреева А.А.

THE EUROPEAN UNION REGIONAL SECURITY POLICY WITHIN THE BARCELONA'S PROCESS

Andreeva A.A.

Статья посвящена Барселонскому процессу и его роли в проведении диалога между Европейским Союзом и странами Средиземноморья в вопросах безопасности, экономической и культурной сферах. Автор анализирует причины провала этого форума.

The article is dedicated to the Barcelona's process and its role in the development of the dialogue between the European Union and Mediterranean countries in security questions as well as in economic and cultural spheres. The author resumes the work and analyses the reasons of its failure.

Ключевые слова: Европейский Союз, внешняя политика, Средиземноморский регион, регионализация, Барселонский процесс, иммиграция, терроризм, демократия, безопасность.

Keywords: European Union, foreign policy, Mediterranean region, regionalization, Barcelona's process, migration, terrorism, democracy, security.

После окончания холодной войны и падения коммунистического лагеря Европейский Союз столкнулся с новыми вызовами безопасности и преградами на пути построения общей внешней политики. Последняя должна была быть выработана, учитывая нестабильность и культурно-исторические сложности соседних регионов. С одной стороны, этот процесс усложнялся практической составляющей, т.е. комплексом проблем, связанных с экономической и полити-

ческой сферой двусторонних отношений. С другой стороны, сказались и изменения в теоретическом подходе, т.к. понятие «безопасность» отныне вбирало в себя положения, требующие ответы на вопросы, «что представляет собой угрозу?» и «что или кто был поставлен под угрозу?».

Реалистические и неореалистические направления в изучении теории международных отношений настаивали на государственно-центричной перспективе в изучении проблем безопасности и сопротивлялись ее расширению. Однако проблемы, вызванные на практике массивным перемещением потоков беженцев в 90х гг., заставили говорить о появлении новых вызовов, представляющих угрозу безопасности определенным странам. Позднее, понятия безопасности и угрозы расширились настолько, что стали включать в себя также вопросы энергетического обеспечения, терроризма, этнического фундаментализма, иммиграционных потоков и т. д. Таким образом, они стали ясно выходить за пределы традиционно-территориальных угроз [1, С. 198].

В этих условиях Европейскому Союзу предстояло разработать качественно новую политику по контролю над безопасностью регионов, непосредственно примыкающих к его территориальным границам, среди которых Средиземноморью отводилась особая роль. Глобализация и особенности развития отношений между странами, привнесенные ею, предопределили условия сотрудничества между средиземноморскими государствами и ЕС. Европейскому Союзу все еще предстояло выбрать между закрытым и открытым регионализмом как основой этого партнерства [2, С. 54]. Выбор был сделан в пользу проведения политического, экономического и социального взаимодействия между определенными политическими единицами региона. Условиями сотрудничества являлись политические и социальные особенности каждой отдельной страны, вовлеченной в процесс, а также региональные потребности в сфере безопасности. Кроме того, само сотрудничество со средиземноморскими странами удовлетворяло специфические нужды национальных политик некоторых стран членов ЕС. С одной стороны, речь шла о создании особой системы периферической безопасности, отделяющей Европу от региональных конфликтов (особенно на Ближнем Востоке). С другой стороны, это сотрудничество было направлено на нейтрализацию угрозы «эффекта втягивания» европейских стран в решение проблем средиземноморских государств, касающихся организованной преступности, контрабанды и наркотрафика. Более того, оно помогало установить жесткий контроль над массовой миграцией в Европу. Таким образом, суть сотрудничества с арабскими партнерами сводилась к ведению оборонительной стратегии.

Из-за отсутствия какой-либо системы регионального сотрудничества между арабскими странами средиземноморская политика ЕС преследовала две цели. Первая заключалась в стремлении Союза усилить координацию между

ним и средиземноморскими государствами, а вторая была нацелена на продвижение идеи внутрирегионального сотрудничества между арабскими странами, опирающуюся на модель европейской интеграции [3, С. 80]. Характерной чертой средиземноморской политики Европейского Союза являлось то, что она не преследовала своей целью проведение сотрудничества в какой-то узкой сфере, а отличалась стремлением создать единый форум, который мог бы объединить в себе поиски решения основных проблем современности.

Эти цели в 1995г. объединил в себе Барселонский процесс. Официально форум включал в себя три «инструментальных корзины». Первая корзина имела своей целью интеграцию арабских экономик в Единый Южный Рынок, подобно Единому Европейскому Рынку. Вторая корзина затрагивала вопросы создания режима общей безопасности в регионе, с которым напрямую была связана проблема решения арабо-израильского конфликта. Сюда так же относилось продвижение демократических принципов правления и институционального соблюдения прав человека, являвшихся неотъемлемой частью модернизирующих реформ. И, наконец, третья корзина посвящалась вопросам создания атмосферы взаимного уважения культурных и общественных ценностей. Она была направлена на развитие гражданского общества в южно-средиземноморском регионе. Стремясь предотвратить увеличение потоков массовой миграции в Европу, было обращено внимание на то, что проводимая между партнерами интеграция осуществляется исключительно в политической и экономической сферах. Таким образом, (подобно восточноевропейской модели сотрудничества) Барселонский процесс преследовал цель продвижения экономических, социальных и политических преобразований в рамках установленных границ [4].

Итоги десятилетнего средиземноморского сотрудничества должны были быть подведены на конференции в Барселоне с 27 по 28 ноября 2005г. На этой конференции было намечено обсуждение единого антитеррористического кодекса. Однако (несмотря на поддержку всех сторон процесса интеграции в регионе в области безопасности) Барселонский саммит, призванный зафиксировать этот процесс, полностью провалился. Формально основанием тому послужило отсутствие практически всех высокопоставленных представителей арабских государств (за исключением Турции и Палестинской автономии). Причиной «бойкота арабских государств» явилось, с одной стороны, нежелание подвергнуться жесткой критике со стороны европейских СМИ относительно постоянных нарушений прав человека. А с другой стороны, напрямую касаясь одной из повесток саммита, крайне трудно было прийти к общему знаменателю и дать определение терроризму. Другими словами, форум оказался поделенным на три оппозиционных лагеря: Сирия и Алжир, Европа и Израиль, другие арабские страны. Проблема заключалась в том, что первая группа на-

стаивала на том, что понятие терроризм не должно было применяться в случае, когда речь идет о сопротивлении иностранному оккупационному режиму (что, естественно, не устраивало Европу и Израиль). Третья группа, опасаясь негативного суждения своих симпатий к Палестине или Ираку, вообще была против принятия какого-либо кодекса [5, С. 144].

Сам Европейский Союз не проявил настойчивости в политических вопросах (среди которых находились обязательства по соблюдению прав человека), заявленных на ранних встречах. ЕС продемонстрировал свое нежелание применять какие-либо санкции в отношении нарушений, например, совершенных во время гражданской войны в Алжире в 1992-2000гг., в Тунисе, а как следствие- постоянного напряжения между Израилем и Палестинскими территориями. Подобная инерция и безразличие давали понять, что политика безопасности и политическая корзина процесса провалилась [6].

Не показала достойных результатов и первая корзина (экономическая). Изначально ее идея заключалась в том, чтобы добиться постепенного устранения таможенных тарифов на импорт и увеличения стоимости дешевых товаров за счет их обложения специальным налогом. Параллельно этому должна была происходить экономическая реструктуризация, имевшая своей целью либерализацию экономик для зарубежных рынков, введение эффективных режимов валютного и обменного контроля наряду с уменьшением веса государства и его влияния на развитие экономического процесса. Развитие институтов внутреннего финансового рынка и легальной системы должно было привлечь иностранный капитал и инвестиции. Несмотря на единичное исполнение приватизационных схем, потоки инвестиций оказались низкими. Вызвано это было тем, что, за исключением газовой и нефтяной промышленности, инвесторы предпочитали вкладывать свои деньги в Юго-Восточную Азию, Китай или Латинскую Америку, где отдача и условия безопасности были намного лучше. Причиной тому являлся и то, что азиатские продукты не имели конкуренции из-за их низких цен.

Ввиду скромной активности европейской стороны, а также возмущений арабских государств, вызванными двойственной политикой ЕС, немного удалось добиться и в третьей корзине. «Домашняя» европейская политика была расценена арабскими партнерами как ксенофобская, параллельно которой все та же Европа предпринимала попытки активно вмешиваться в подобные дела за рубежом. Это заставляло сомневаться в чистоте намерений инициаторов форума (не беря во внимание расширение западной политики интервенции во внутренние дела после 11 сентября) [7].

На провал поставленных целей процесса повлияли внутренние факторы и особенности политического и культурного развития арабских стран, среди которых выделяются следующие: жесткая оппозиция со стороны средиземномор-

ских государств к вмешательству в национальные дела Европейского Союза. Даже если такое вмешательство и являлось чисто символическим, сам факт наличия высоко оцениваемого национального суверенитета в авторитарных или полуавторитарных режимах препятствовал подобной политике; относительная политическая слабость Европейского Союза как в разрешении вооруженных конфликтов, так и в выполнении посреднической функции; двусторонний подход ЕС к сотрудничеству сделал его горизонтальным и несправедливым, что, в свою очередь, привело к развитию евроцентричной схемы действия «ястребы и голуби»; несмотря на многосторонний подход Барселонского процесса, давление, оказываемое для ЕС на арабские страны с целью проведения в них демократических преобразований, не имело успеха, т.к. они не рассчитывали на полноправное членство в Союзе, а, следовательно, и не имели стимул для их выполнения (кроме Турции) [8, С. 160].

Очередная попытка наладить эффективное сотрудничество в области безопасности была предпринята в 2005г., когда в ЕС председательствовала Испания под руководством Мигеля А. Моратиноса. Целью этих переговоров являлось создание совместного с магрибскими вооруженными силами механизма командования в рамках общей системы безопасности, или так называемой панмагрибской системы. Согласно замыслу, впоследствии можно было бы установить отношения с другими коллективными системами безопасности, например, Евро-Мед или НАТО. Однако эта инициатива потерпела крах из-за сложности добиться консенсуса по определению понятия «терроризм» как одной из первостепенных угроз в Средиземноморском регионе. Другой причиной стала особенность подхода к вопросу безопасности североафриканских стран, при котором «домашняя» безопасность всегда была связана с безопасностью правящего режима. Таким образом, подобное сотрудничество в глазах арабских партнеров должно было служить этим целям. Стратегический ландшафт безопасности Магриба традиционно упирался в национальные политики безопасности и был довольно далек от идеи создания общей системы сотрудничества в этой сфере [9, С. 112]. Средиземноморское партнерство было официально пересмотрено и переоценено в 2007г. в контексте уже новой политики ЕС, которая подходила к обсуждению конкретных вопросов не в рамках общих форумов, а на двусторонней основе.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Collyer M. Migrants, Migration and the Security Paradigm // *Transnational Islam and Regional Security* / Ed. F. Volpi. – London, NY.: – Routledge, 2008;
2. Howard Joffe, G. The UE and the Mediterranean: Open Regionalism or Peripheral Dependence? // *European Union and New Regionalism* / Ed. M. Telo. – Barcelona: – ASHGATE, 2007;

3. Telo M. The European Union and the Challenges of the Near Abroad // European Union and New Regionalism / Ed. M. Telo. – Barcelona: – ASHGATE, 2007;
4. Youngs R. Ten years of the Barcelona Process: a model for supporting Arab Reform? // URL: <http://www.fride.org/publication/57/ten-years-of-the-barcelona-process:-a-model-for-supporting-arab-reform;>
5. Bicchì F., Martin M. European Security towards Mediterranean // Transnational Islam and Regional Security / Ed. F. Volpi. – London, NY.: – Routledge, 2008;
6. Schade-Poulsen M. Ten Years of Human Rights Policies in the Euro-Mediterranean Partnership // URL: <http://www.fride.org/publication/200/ten-years-of-human-rights-policies-in-the-euro-mediterranean-partnership;>
7. Amirah Fernández H., Youngs R. The Euro-Mediterranean partnership: assessing the first decade // URL: <http://www.fride.org/publication/252/the-euro-mediterranean-partnership:-assessing-the-first-decade;>
8. Howorth J. Security and defense policy in the European Union. – Barcelona: – Palgrave, 2007;
9. Benatar A. NATO, Maghreb and Europe // Transnational Islam and Regional Security / Ed. F. Volpi. – London, NY.: – Routledge, 2008.

ПРАВО

УДК 342.8

РОССИЙСКАЯ ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В КОНЦЕ XX В. – НАЧАЛЕ XXI В.: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ

Махова А.В

RUSSIAN ELECTORAL POLITICS IN THE LATE 20TH - EARLY 21ST CENTURY: MAIN STAGES OF DEVELOPMENT

Makhova A.V.

Статья посвящена анализу процесса эволюции российской электоральной политики. Исследование охватывает период с 80-х гг. 20 века до начала 2000-х гг. Динамика развития электоральной политики прослеживается автором через рассмотрение основных этапов законодательства о выборах.

This article analyzes the evolution of Russian electoral politics. The study covers the period from the 80s of the 20th century to the early 2000s. The dynamics of electoral politics can be traced through the basic steps to improve electoral legislation.

Ключевые слова: выборы, электоральная политика, демократия, избирательная система, реформа, Федеральный закон.

Keywords: elections, electoral politics, electoral system reform, the federal law.

Большинство современных исследователей определяют регулярную сменяемость власти в результате всеобщих свободных и справедливых выборов в качестве одного из тех минимальных критериев, которые отделяют демокра-

тические режимы от недемократических [1]. Именно продуманная государственная политика в сфере регулирования электорального процесса способна обеспечить создание условий для проведения демократических выборов и формирование отвечающих запросам общества властных структур. Электоральная политика, таким образом, является важнейшим институциональным средством стабилизации общественной жизни и предотвращения политического экстремизма, инструментом достижения политического консенсуса, обеспечивающим легитимную преемственность власти.

Исследования электоральной политики дают возможность спрогнозировать развитие электорального процесса, понять возможности влияния результатов электоральных циклов на политику государства, предсказать результаты электорального выбора граждан. Особую актуальность эти вопросы приобретают именно сейчас, в преддверии серии Федеральных выборов 2011-2012 гг., исход которых определит судьбу нашей страны на ближайший период. Следует отметить, что на протяжении более чем двадцати лет новейшей истории нашего государства электоральная политика претерпела значительные изменения и продолжает оставаться крайне нестабильной.

Проследим основные этапы развития электоральной политики в России:

1. Конец 80-х гг. – начало 90-х гг. XX в. Начало формированию избирательной системы в современной России было положено на рубеже 80-х – 90-х годов XX столетия. Нововведения в советском избирательном законодательстве, осуществленные в 1988-1989 годах, радикально изменили российские выборы. 26 марта 1989 г. в России состоялись первые конкурентные выборы общенационального масштаба – выборы на Съезд народных депутатов СССР. В марте 1991 г. состоялся Всесоюзный Референдум по вопросу о сохранении СССР и Всероссийский Референдум об учреждении в России поста Президента, избираемого всеобщим голосованием. 12 июня 1991 г. состоялись первые в российской истории всеобщие Президентские выборы. Однако последующие события значительно изменили динамику развития электоральной политики в России. Стабилизации политической ситуации не произошло. Напротив, политический конфликт в ходе реформ обострялся.

II. Следующий этап можно определить как период с 1993 по 2000 гг., в нем выделяются два подэтапа:

а) 1993-1997 – в это время происходит оформление рамочного избирательного законодательства России. Избирательная система Российской Федерации сложилась в результате масштабной избирательной реформы, начавшейся всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. по новой Конституции России. Ее особенностью (по сравнению с ранее действовавшими конституциями) явилось отсутствие отдельной главы, посвященной избирательной системе.

Конституция значительно расширила полномочия главы государства. Фактически был осуществлен переход к президентско-парламентской республике с доминирующим положением президента. За два года работы Государственной Думой первого созыва были приняты три основных закона, регулирующих избирательный процесс. Важнейшим событием в истории избирательного права России стало принятие 6 декабря 1994 года Федерального закона (ФЗ) «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации». Именно он установил общие требования и гарантии реализации избирательных прав граждан, стал ориентиром для всех других избирательных законов. В дальнейшем были приняты ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы ФС РФ» от 21 июня 1995 г. № 90-ФЗ и ФЗ «О выборах Президента РФ» от 17 мая 1995 г. № 76-ФЗ. Характерно, что для работы над последним из них, в июле 1994 г. была создана специальная комиссия, состав которой определили председатель ЦИК РФ и руководители обеих палат Федерального Собрания.

Нужно также отметить, что в ходе избирательной кампании 1995 г. прошла дискуссия о конституционности избирательной системы, установленной Федеральным Законом. В Конституционный Суд РФ были направлены запросы Верховного Суда РФ и депутатов Государственной Думы о проверке конституционности Федерального закона о выборах депутатов Государственной Думы. В определении Конституционного Суда РФ было указано, что «регламентация избирательных процедур ... может иметь, как свидетельствует мировой и отечественный опыт, различные решения, причем, определяются они, как правило, не в текстах конституций, а законодательным путем. От законодательного органа зависит, будет ли избирательная система мажоритарной, пропорциональной, смешанной, будет ли введен определенный процент голосов избирателей, который необходимо собрать в поддержку списка избирательного объединения, с тем чтобы оно имело право участвовать в распределении депутатских мандатов, как будет определяться допустимое отклонение численности избирателей в избирательном округе от единой нормы представительства. Выбор того или иного варианта и его закрепление в избирательном законе зависят от конкретных социально-политических условий и является вопросом политической целесообразности. Этот выбор осуществляет представительный орган - Федеральное Собрание Российской Федерации - в соответствии с правилами законодательной процедуры» [2]. В указанный период были начаты и преобразования местного самоуправления. Контурсы реформы органов власти были определены указами Б.Н. Ельцина №1617 от 9 октября 1993 г. «О реформе представительных органов власти и органов местного самоуправления в РФ»; № 1723 от 22 октября «Об основных началах организации государственной власти в субъектах Российской Федерации»; № 1765 от 26 октября «О реформе местного самоуправления в Российской Федерации», утвердивший

«Основные положения о выборах в представительные органы государственной власти края, области, города Федерального значения, автономной области, автономного округа». Данные документы давали регионам большую свободу законотворчества. Фактически от региональных властей требовалось лишь соблюдение важнейших принципов демократического избирательного права. Изменения получили закрепление и дальнейшее развитие в ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ», принятом в августе 1995г. Таким образом, важной чертой данного этапа преобразований избирательной системы было то, что эта система стала функционировать в соответствии с федеральными законами, а не на основе указов президента страны.

б) 1997-2000 гг. – происходит отказ от рамочного регулирования в пользу унификации правового регулирования на федеральном уровне. Государственной Думой второго созыва были приняты новые редакции закона «О выборах депутатов Государственной Думы ФС РФ» (от 24 июня 1999 г. №121-ФЗ) и закона «О выборах Президента РФ» (от 31 декабря 1999 г. № 228-ФЗ). Характерно, что оба закона вновь были приняты перед самым началом соответствующей избирательной кампании. В 1997 г. был принят новый значительно расширенный «рамочный» Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 19 сентября 1997 г. № 124-ФЗ. Однако спустя полтора года после принятия ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в него были внесены существенные изменения Федеральным законом от 30 марта 1999 г. № 55-ФЗ: были изменены 47 из 66 его статей.

В целом, можно выделить следующие характерные черты рассматриваемого этапа: равноправный принцип участия в работе над избирательным законодательством основных заинтересованных субъектов политико-властных отношений (еще в марте 1996 г. совместным постановлением председателей Совета Федерации, Государственной Думы, Правительства РФ и ЦИК РФ была сформирована рабочая группа по доработке федерального избирательного законодательства); все депутатские инициативы исходили из профильных комитетов, вносились в качестве законопроекта от имени большой группы депутатов, представлявших интересы отдельных парламентских партий; принятие решений о возможных изменениях в действующем законодательстве о выборах сопровождалось проведением широких общественно-политических дискуссий и парламентских слушаний. В феврале 1997 г. прошли первые парламентские слушания на тему: «Основные направления совершенствования избирательного законодательства в РФ». В октябре 2000 г. состоялись вторые слушания в Думе «О совершенствовании законодательства о выборах».

III. С 2001 г. по настоящее время – унификации законодательства о вы-

борах, отказ от прежнего понимания избирательных процедур как механизма, обеспечивающего реальное общественное волеизъявление, в пользу позиции, сводящей институт выборов к инструменту сохранения общественной стабильности. Здесь также можно выделить несколько подэтапов:

а) с 2001 по 2004 гг. Как и в предыдущие годы, прошедший в 1999–2000 гг. очередной цикл выборов в Федеральные и региональные органы власти обнаружил многие недостатки избирательного Законодательства и дал толчок к его дальнейшему развитию. В октябре 2000 г. ЦИК обнародовал доклад «О развитии и совершенствовании законодательства Российской Федерации о выборах и референдумах» [3], представлявший программу его законодательных инициатив. Первым шагом в реализации этой программы стало принятие в июле 2001 г. Федерального Закона «О политических партиях». Следующим стала подготовка проекта новой редакции Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». В упомянутом докладе и последующих выступлениях председателя ЦИК А.А. Вешнякова высказывалась мысль о том, что в России создана достаточная законодательная база для проведения выборов с соблюдением международных избирательных стандартов. В связи с этим главной задачей, в отличие от предыдущих этапов, было объявлено не восполнение пробелов в правовом регулировании избирательного процесса, а совершенствование законодательства. В докладе ЦИК это понятие расшифровано как «разработка новых, углубленных подходов к ряду институтов избирательного права, а также норм, обеспечивающих соблюдение законов, устранение юридико-технических неточностей» [3].

Законопроект, созданный рабочей группой Центризбиркома, был официально внесен в Госдуму Президентом РФ 28 августа 2001 года. Дальнейшая работа была поручена рабочей группе, в которую вошли депутаты Госдумы и представители ЦИК. К проекту было подано более двух с половиной тысяч поправок. Помимо депутатов Госдумы, высокую активность проявили региональные законодатели: к проекту поступили поправки от законодательных органов 32 субъектов РФ. Значительное влияние оказали и решения Конституционного Суда РФ – от 25 декабря 2001 г. и 15 января 2002 года, которые заставили законодателей корректировать закон в направлении сведения к минимуму возможности снятия с регистрации кандидатов. Итоговый законопроект существенно отличался от того, который был внесен [4]. Одной из главных новаций, предложенных ЦИК РФ, стала так называемая вертикаль избирательных комиссий. Целый ряд принципиальных новелл появился в законе по инициативе депутатов. Значительная часть депутатских поправок была направлена на усиление общественного контроля за работой избирательных комиссий, особенно по подсчету голосов избирателей, и повышению их ответственности.

б) С 2004 г. – настоящее время. 31 августа 2004 г. ЦИК РФ была принята записка «О практике проведения Федеральных выборов, выборов в органы государственной власти субъектов Российской Федерации в 2002–2004 годах и предложениях по изменению и дополнению отдельных положений законодательства Российской Федерации о выборах и референдумах». Записка содержала большое количество предложений по изменению избирательного законодательства. Дискуссия развернулась лишь по одному вопросу – о переходе на выборы всех депутатов Государственной Думы по пропорциональной системе. Однако 13 сентября 2004 г. Президент РФ однозначно высказался за переход на полностью пропорциональную систему. Одновременно В.В. Путин предложил отказаться от прямых выборов глав субъектов Федерации и перейти на их утверждение региональными законодательными органами по представлению Президента РФ. Ряд предложений ЦИК РФ не был поддержан депутатским большинством, ряд предложений был переработан – в основном, в сторону ужесточения. Одновременно депутатское большинство внесло еще ряд существенных поправок (отмена санкций за отказ избранного кандидата от получения мандата и т.д.). Независимое общественное наблюдение было полностью отменено на Федеральных выборах, и региональному законодателю была предоставлена возможность отменять его на региональных и муниципальных выборах. Одновременно появился еще один Законопроект, внесенный группой депутатов, который вскоре стал Законом и сыграл не менее существенную роль в ограничении политических прав граждан, – это Федеральный закон от 20 декабря 2004 г. «О внесении изменений в Федеральный закон «О политических партиях». Он также был принят практически без обсуждения. Таким образом, была осуществлена масштабная реформа избирательного законодательства.

Чертой электоральной политики в последующие годы стало практически непрерывное изменение избирательных законов, в большинстве случаев без широкой общественной дискуссии и в ускоренном порядке. Государственная Дума четвертого созыва приняла 17 законов, корректирующих «рамочный» закон, 9 законов, корректирующих закон о выборах депутатов Государственной Думы, и 8 законов, корректирующих закон о выборах Президента РФ. При этом правка закона о выборах депутатов Государственной Думы была прекращена фактически за месяц до начала избирательной кампании. Характерные черты процесса выработки электоральной политики на этом этапе: Дума практически не считается с мнением оппозиции, позицией Центральной избирательной комиссии РФ; изменения проводятся под эгидой Президента РФ и «партии власти»; большинство из принятых новелл законодательства практически не обсуждаются общественностью и экспертным сообществом.

В целом, непрерывная правка Законов о выборах создает для потенциальных участников Федеральных выборов трудности в подготовке к ним, а

перманентная корректировка «рамочного» Закона осложняет работу над региональным законодательством во всех субъектах РФ, затрудняет проведение региональных и муниципальных выборов. Таким образом, электоральная политика в хронологических границах рассматриваемого периода имела два вектора направленности. Первый вектор (хронологические рамки 1989 - 2000 гг.) - это демократизация избирательной системы: признание международных принципов проведения выборов, организация выборов на альтернативной основе, участие в избирательном процессе нескольких политических партий и т.д. Второй вектор (хронологические рамки 2001 г.- по настоящее время) - постепенный отказ от прежнего понимания избирательных процедур как механизма, обеспечивающего реальное общественное волеизъявление в пользу позиции, сводящей институт выборов к инструменту сохранения общественной стабильности. Этот вектор развития был продиктован желанием сначала «цивилизовать» партийно-политическое пространство, а затем законсервировать сложившееся соотношение политических сил с помощью электоральной политики. Частая смена правил мешает образоваться определенным традициям, вызывает недоверие граждан к власти и самим выборам, способствует росту политической апатии и нежеланию участвовать в выборах.

Можно констатировать, что в последнее время изменения в электоральной политике становятся не столько итогом политической активности общества, сколько результатом усилий государства, ориентированного на создании контролируемого политического пространства. По мнению ряда авторов, достаточных оснований говорить о возврате к советской электоральной практике нет [5,6]. Существует реальная многопартийность, постепенно развиваются различные структуры гражданского общества, органы представительной власти формируются в положенные по закону сроки и в конкурентной борьбе.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гельман В.Я., Елезаров В.П. «Учредительные выборы» в контексте российской трансформации. // Первый электоральный цикл в России (1993–1996). / Общ. ред.: В.Я. Гельман, Г.В. Голосов, Е.Ю. Мелешкина. – М.: Издательство «Весь Мир», 2000. С. 13–43.

2. Определение Конституционного Суда РФ от 20 ноября 1995 г. N77-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса группы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации и запроса Верховного Суда Российской Федерации о проверке конституционности ряда положений Федерального закона от 21 июня 1995 года «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. Издательство «Юридическая литература», 04 декабря 1995, N 49, ст. 4867

3. О развитии и совершенствовании законодательства Российской Феде-

рации о выборах и референдумах: Доклад Центральной избирательной комиссии Российской Федерации // Вестник Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. 2000. № 21. С. 47–90.

4 Еще раз о главном: Интервью с заместителем руководителя фракции «Союз правых сил» Борисом Надеждиным // Выборы. Законодательство и технологии. 2002. № 3. С. 7–9.

5. Пляйс Я. Избирательная система в лабиринте перманентных реформ // Обозреватель. – 2007. – № 6. – С. 35-50;

6. Фазулов А.Р. Политические детерминанты эволюции избирательной системы Российской Федерации // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2008. – Т. 150, кн. 7. – С. 60–79 и др.

УДК 347.471

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ГЛАВЫ КРЕСТЬЯНСКОГО (ФЕРМЕРСКОГО) ХОЗЯЙСТВА

Мигулина Д.А.

LEGAL STATUS OF THE HEAD OF PEASANT FARM ENTERPRISE

Migulina D.A.

В статье рассматривается правовое положение главы крестьянского (фермерского) хозяйства, состав его полномочий, порядок его определения и смены. Установлено, что глава хозяйства выполняет две основные функции: организация внутренних отношений в хозяйстве и представительство хозяйства во внешних отношениях.

The article is devoted to the legal status of the head of peasant farm enterprise, bundle of rights, authorization, and change of him. It is determined that the head of peasant farm enterprise executes two main functions: regulating of internal relationships and represent peasant farm enterprise in external affairs.

Ключевые слова: крестьянское (фермерское) хозяйство, глава хозяйства, представительство, орган юридического лица, распоряжением имуществом, объем полномочий.

Keywords: peasant farm enterprise, the head of peasant farm enterprise, proxyship, responsibility, recovery

Правовое положение главы крестьянского (фермерского) хозяйства (далее – КФХ) определяется исключительно нормами ст. 16-18 Федерального закона от 11.06.2003 № 74-ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» (далее - ФЗ о КФХ). Все иные случаи упоминания об этой фигуре в иных нормативных правовых актах связаны не с его собственными действиями, а с реализацией полномочий хозяйства в целом. Это касается и п. 2 ст. 23 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), указывающей лишь на то, что глава КФХ признается предпринимателем без образования юридического лица с момента создания такого хозяйства. В соответствии с п. 1 ст. 16 ФЗ о КФХ

главой фермерского хозяйства «по взаимному согласию членов фермерского хозяйства признается один из его членов. Если фермерское хозяйство создано одним гражданином, он является главой фермерского хозяйства».

Краткое описание полномочий главы хозяйства содержится в ст. 17 ФЗ о КФХ. Так, он осуществляет следующие действия: а) организует деятельность хозяйства, б) без доверенности действует от имени фермерского хозяйства, в том числе представляет его интересы и совершает сделки, выдает доверенности, в) осуществляет прием на работу работников и их увольнение, г) организует ведение учета и отчетности, д) осуществляет иные определяемые соглашением между членами фермерского хозяйства полномочия. В цивилистической литературе высказаны различные точки зрения о правовом положении главы хозяйства. Одни авторы отождествляют статус главы фермерского хозяйства со статусом обычного индивидуального предпринимателя [2]. Другие, наоборот, считают, что статус главы фермерского хозяйства и индивидуального предпринимателя принципиально различны [3, С.108]. По мнению третьих, глава хозяйства фактически является исполнительным органом крестьянского (фермерского) хозяйства, не являющегося юридическим лицом [5, С. 31]. Есть также высказывания, допускающие двойственность природы главы хозяйства, в результате это приводит к выводу о том, что в нем «сосуществует два предпринимателя...» - само хозяйство и его глава [11].

По мнению некоторых исследователей, главу крестьянского хозяйства нельзя отождествлять с обычным предпринимателем. В частности, приводятся следующие аргументы. Во-первых, глава фермерского хозяйства выступает не от своего имени, а от имени фермерского хозяйства. Во-вторых, в отличие от индивидуального предпринимателя глава хозяйства действует не в личных интересах, а в интересах всего хозяйства. В-третьих, глава крестьянского хозяйства не ведет собственную, отдельную от фермерского хозяйства, предпринимательскую деятельность. На основании указанных отличий авторами делается вывод о неразрывной связи фермерского хозяйства и его главы [3, С. 108]. В литературе обращено внимание, что ФЗ о КФХ не содержит упоминания о том, что глава фермерского хозяйства является индивидуальным предпринимателем, и, поскольку в ГК РФ изменения об этом внесены не были, то и ст. 23 ГК РФ в части признания главы крестьянского (фермерского) хозяйства индивидуальным предпринимателем, по их мнению, не должна применяться. В таком случае субъектом предпринимательства является само фермерское хозяйство, а «правовое положение главы свидетельствует о том, что он предстает именно исполнительным органом хозяйства» [5, С. 32].

Анализ ФЗ о КФХ и практики его применения позволяет сделать несколько важных для характеристики главы фермерского хозяйства выводов. Во-первых, ясно, что в КФХ непременно должен быть глава, персонифицируе-

мый в личности одного из его членов. Из этого также следует, что всякий глава хозяйства - непременно является и членом хозяйства. Поэтому, например, наемные работники в принципе не могут стать главой КФХ, что, разумеется, не означает, что для осуществления различных функций, в том числе некоторых распорядительных, прямо не закрепленных исключительно за главой, не могут быть приняты отдельные специалисты, менеджеры. Во-вторых, поскольку членами КФХ могут быть только физические лица, то и глава КФХ непременно физическое лицо, гражданин, обладающий правоспособностью и полной дееспособностью. Юридическое лицо не может быть главой хозяйства. Законодательством не допускается возможность передачи полномочий по управлению хозяйством управляющей компании, поскольку это вероятно лишь в отношении юридических лиц. Имеется в виду, что по договору полномочия единоличного исполнительного органа юридического лица могут быть переданы коммерческой организации (управляющей организации) или индивидуальному предпринимателю (управляющему). Такая возможность в настоящее время считается входящей в общую правоспособность всякой организации [14, С. 278]. В результате управляющая компания просто замещает исполнительный орган юридического лица, а договор о передаче функций исполнительного органа должен быть квалифицирован как договор оказания специфических услуг [9, С. 51-61; 10, С. 95]. Однако в отношении КФХ, не являющегося юридическим лицом, заключение такого договора невозможно. При банкротстве КФХ следует учитывать, что с момента принятия решения о признании хозяйства банкротом и открытии конкурсного производства государственная регистрация главы КФХ в качестве индивидуального предпринимателя утрачивает силу (ст. 223 ФЗ от 22.10.2002 №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)») [18]. Поэтому глава КФХ одновременно утрачивает и все полномочия действовать от имени КФХ, такие полномочия принадлежат исключительно конкурсному управляющему. В-третьих, в выражении «глава крестьянского (фермерского) хозяйства» центральным и определяющим является первое слово («глава»), указывающее на наличие некоторых специальных правовых функций. Эти функции объективно предопределены и вызваны тем, что в любом социально-экономическом образовании существует потребность функции внутренней организации и функции внешнего представительства. Так, в юридическом лице непременно выделяется два обязательных компонента, относящихся к этой категории: а) орган юридического лица и б) органы управления юридического лица (ст. 53 ГК РФ). При этом, к сожалению, различие между понятиями «орган юридического лица» и «орган управления» часто не проводится [1, С. 33-34]. Однако различие есть и оно принципиально. Если орган юридического лица предназначен для осуществления сделок и иных действий с третьими лицами (как это и указано в п. 1 ст. 53 ГК РФ), то органы управления ориентированы

на внутреннюю организацию взаимоотношений [6, С. 42-60]. Необходимость ограничивать администрацию от органа юридического лица отмечалась еще в работах Б.Б. Черепихина, который подчеркивал, что орган юридического лица, замещая («представляя») юридическое лицо, действует «от него» не сам по себе, а как само это юридическое лицо [13, С. 468-477].

Поскольку законодатель отказался использовать категорию «юридическое лицо» в отношении КФХ и соответствующие ему понятия, возникла необходимость каким-либо образом обеспечить реализацию данных функций. Л.А. Грось определяет главу хозяйства как исключительно «законного представителя» хозяйства [4, С. 34-42]. Действительно, представительские функции глава КФХ выполняет, но эти его полномочия возникают в результате сложного юридического состава. Во-первых, это акт определения главы членами хозяйства, во-вторых, это государственная регистрация лица, избранного в качестве главы. Поэтому если и можно именовать главу законным представителем, то следует учитывать, что это представительство не просто в силу закона (см. п. 1 ст. 182 ГК РФ). Кроме того, представляемыми в таком случае являются лица, являющиеся на данный момент участниками КФХ, а не хозяйство в целом. А в случае, когда хозяйство создано по Закону о КФХ 1990 г., нельзя говорить о представительстве вообще - здесь глава хозяйства именно орган юридического лица, который, как известно, не является представителем.

Глава КФХ, а равно и члены фермерского хозяйства рассматриваются как лица, «самостоятельно обеспечивающие себя работой» [7, с. 34-38]. Следовательно, члены КФХ ни с хозяйством, ни с главой не состоят в трудовых отношениях. Что же касается отношений с наемными работниками, то здесь именно глава КФХ выступает как работодатель [16], и применению подлежат не нормы ГК РФ, а специальные нормы главы 48 ТК РФ. Поскольку в основании формирования КФХ лежит договор (см. ст. 3 и 4 ФЗ о КФХ), следует исходить из того, что природа самого КФХ соответствует природе простого товарищества (см. гл. 55 ГК РФ). Именно поэтому всех членов КФХ, в том числе и его главу, связывают, прежде всего, договорные гражданско-правовые отношения. Наличие таких отношений не мешает любому из членов КФХ, включая главу, вступить вместе с тем и в трудовые отношения, что на практике чаще всего и происходит, в таком случае данные отношения с главой становятся более формализованными (подчиняются нормам ТК РФ). Разумеется, участники договора о создании КФХ вправе привлекать для осуществления некоторых организационных и представительских функций иных лиц, помимо главы. В этих случаях привлеченное лицо должно быть принято в хозяйство на работу в качестве работника или же выступает представителем по договору.

Ближе всего к статусу главы правовое положение лиц, традиционно именуемых в цивилистике «гестор» (в русском языке его отчасти могло бы

заменить слово «организатор»). Этот термин обычно используется для обозначения субъектов, наделяемых особыми полномочиями в числе прочих лиц, добровольно объединившихся для решения общей задачи. Возможно, этимология данного слова восходит к известному еще римскому праву выражению *negotiorum gestio*. В российском праве ему соответствует ситуация фактического представительства, регулируемая нормами гл. 50 ГК РФ. Однако сам термин «гестор», в том числе в зарубежной практике, широко применяется в самых различных случаях при необходимости выделить фигуру, наделенную особыми полномочиями. В частности, так обычно именуется один из сотоварищей в простом товариществе, специально определенный в качестве уполномоченного на ведение учета, отчетности, хранения общего имущества и т.п. Потребность в выделении главы КФХ вызвана именно тем, что к деятельности главы фермерского хозяйства не могут быть применены правила об органах управления коммерческих организаций [12, С. 113-114], и, следовательно, главу фермерского хозяйства нельзя рассматривать в качестве его исполнительного органа [4, с. 35-36]. В-четвертых, выражение «по взаимному согласию», используемое для указания на порядок определения главы, означает «при согласии всех». В частности, широко применяемые образцы различных договоров, протоколов собраний крестьянских хозяйств, в том числе рекомендуемые Минсельхозом, АККОР, подтверждают, что слова «по взаимному согласию» означают заключение соглашения о выборе главы КФХ. Используемый в п. 1 ст. 16 ФЗ о КФХ термин «признается» следует оценивать равнозначным слову «определяется». В любом случае надо исходить из того, что свое правовое положение как главы хозяйства соответствующий гражданин приобретает не только из факта регистрации, а, прежде всего, в силу решения других участников. В-пятых, глава КФХ обладает некоторыми административными полномочиями в отношении членов КФХ, работников, не являющихся членами хозяйства, а также лиц, выполняющих работы по гражданско-правовым договорам. Применительно же к его роли как члена КФХ, уполномоченного обеспечить ведение общих дел всех членов хозяйства, такие полномочия, видимо, лучше именовать не административными, а организационными. Что же касается связей с работниками, не являющимися членами КФХ, то они исчерпываются трудовыми отношениями. Так, в судебной практике признается, что все лица, работающие в КФХ, если они не являются предпринимателями без образования юридического лица, не являются и самостоятельными плательщиками платежей по пенсионному социальному страхованию, за них такие платежи производит глава хозяйства (см. п. 1 ст. 7 Федерального закона от 15.12.2001 № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации»).

Далее рассмотрим отдельные аспекты правового положения главы КФХ. Вопрос о том, каким именно документом может быть подтверждено правовое

положение главы крестьянского (фермерского) хозяйства, получил разрешение в судебной практике. Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ сделал вывод, что распоряжение имуществом фермерского хозяйства осуществляется его главой в интересах хозяйства в целом, однако, подтвердить этот статус (как в случае с юридическими лицами) путем предоставления различных выписок из решений общих собраний или приказом о назначении невозможно. Не может подтвердить статус главы и свидетельство о госрегистрации, поскольку этот документ говорит лишь о факте внесения записи в ЕГРИП. Однако полномочия главы КФХ можно удостоверить выпиской из ЕГРИП и паспортом гражданина [17].

«Смена» главы хозяйства предусмотрена ст. 18 ФЗ о КФХ только для трех ситуаций: а) при невозможности выполнения главой своих обязанностей более шести месяцев, б) в случае его смерти, в) при добровольном отказе самого главы от своих полномочий. Эти нормы не дают ответов на ряд вопросов, не вполне удовлетворительны и в юридическом отношении. Так, несомненно, что «смена» главы может произойти и в связи с переизбранием главы. Для регистрации изменений в сведения о главе применяется форма Р24002 «Заявление о внесении изменений в сведения о главе крестьянского (фермерского) хозяйства, содержащиеся в Едином государственном реестре индивидуальных предпринимателей», утв. Министерством РФ по налогам и сборам [15]. Заявителем по внесению изменений может выступать как ранее определенный глава (если, например, изменения касаются изменений в его собственном наименовании или связаны с ошибками в документах), так и новый глава.

Есть и судебные споры, связанные с определением главы КФХ. Так, при смене главы КФХ «Елизовское» было отказано в государственной регистрации К. в качестве главы данного хозяйства, поскольку поданное им заявление не содержало сведений о том, что он принят в состав хозяйства; кроме того, на собрании присутствовали лишь 61 из 88 членов хозяйства. Ссылка К. на то, что он был принят в члены хозяйства ранее, чем назначен главой хозяйства вместо выбывшего главы Ч., признаны несостоятельными – прежде чем стать главой хозяйства, необходимо стать его членом [19]. Судом кассационной инстанции отмечено, что из системного толкования пункта 5 ст. 4 и ст. 18 ФЗ о КФХ следует, что соглашение должно быть подписано всеми его членами. Поэтому признаны не соответствующими закону ссылки истца на то, что в договор членов хозяйства были внесены изменения, предусматривающие, что для переизбрания главы хозяйства достаточно 51 процента голосов от числа членов хозяйства.

С точки зрения действующего законодательства о КФХ, вывод правилен, однако, было бы целесообразно изменить порядок определения главы, допустив, что глава может избираться абсолютным большинством участников.

Кроме того, в период, когда прежнего главы нет (например, в случае смерти), а регистрация нового еще не осуществлена, было бы правильным рассматривать избранного главу, наделенным всеми полномочиями, предусмотренными законодательством. Все акты распоряжения имуществом хозяйства осуществляются его главой «в интересах хозяйства» (п. 2 ст. 8 ФЗ о КФХ). При этом действует презумпция, что сделки, совершенные главой, есть сделки в интересах КФХ (см. п. 3 ст. 8 ФЗ о КФХ). Это положение дополнено нормой п. 2 ст. 16 ФЗ о КФХ о том, что глава хозяйства должен действовать в интересах хозяйства добросовестно и разумно, «не вправе совершать действия, ущемляющие права и законные интересы» хозяйства и отдельных его членов. Факт руководства хозяйством не означает, что все имущество главы непременно должно быть отнесено к общему имуществу. Проблемы разграничения имущества КФХ и его главы отчасти связаны с небрежностью оформления первичных документов при получении земельных участков.

Так, при рассмотрении кассационной жалобы индивидуального предпринимателя К. было установлено, что предприниматель обратилась с иском к администрации района о выделе земель сельскохозяйственного назначения в натуре. Арбитражным судом требования были удовлетворены, но апелляционной инстанцией решение отменено, в иске отказано. Кассационный суд направил дело на новое рассмотрение в связи с тем, что в 1996 г. при предоставлении земельного участка, КФХ, созданному К., не было точно определено, на каких началах предоставляется участок, а сам участок не был надлежащим образом сформирован. Отмечено, что при новом рассмотрении необходимо отдельно оценить, у кого возникло право общей собственности [20]. Особое внимание следует обратить на объем полномочий главы КФХ. В соответствии с п. 2 ст. 8 ФЗ о КФХ распоряжение имуществом хозяйства осуществляет именно его глава. Однако порядок распоряжения имуществом согласно п. 1 ст. 8 данного ФЗ определяется соглашением сторон. В соответствии с п. 2 ст. 19 ФЗ о КФХ именно члены хозяйства (а не глава) «самостоятельно определяют виды деятельности фермерского хозяйства, объем производства сельскохозяйственной продукции исходя из собственных интересов». Достаточно известные юристам правила о сделках хозяйственных обществ, в том числе о предварительном согласии их высших органов о крупных сделках, сделках с заинтересованностью и пр. к сделкам КФХ не применяются. Полномочия главы на заключение сделок, связанных с отчуждением основных средств, должны устанавливаться в соглашении членов хозяйства.

Приведем пример. Суд кассационной инстанции отказал в удовлетворении жалобы кредитного потребительского кооператива, просившего отменить состоявшееся решение арбитражного суда о признании недействительным договора залога земельного участка. Позиция суда вызвана тем, что реше-

ние о заключении договора займа и залога принимал единолично глава КФХ, соглашение членов КФХ по этим вопросам отсутствует, члены крестьянско-фермерского хозяйства полномочий на передачу земельного участка в залог не предоставляли. Передача земельного участка в залог может повлечь прекращение деятельности хозяйства, что нарушает требования ст. 8 ФЗ о КФХ [21]. Не вправе глава хозяйства и самостоятельно принимать решение о прекращении КФХ. В тех случаях, когда главой подано заявление о прекращении деятельности хозяйства, на основании которого принято решение о прекращении, а участники возражают, они вправе обратиться с иском об обжаловании одновременно и заявления главы, и решения Федеральной налоговой службы о государственной регистрации прекращения КФХ [22]. По мнению ряда исследователей, именно на главу КФХ возлагается ответственность по обязательствам хозяйства. Данное правило некоторым авторам видится необоснованным и противоречащим принципу равенства субъектов, предусмотренному ст. 6, 19 Конституции РФ. Поэтому высказано мнение, что признавать ответственным лицом по обязательствам КФХ следует «само хозяйство» в период его деятельности, а в случае ликвидации и наличия неисполненных обязательств – «членов хозяйства пропорционально их долям в имуществе КФХ» [8, с. 34]. Полагаем, однако, что это уже реализовано в нормах п. 3 ст. 8 и п. 3 ст. 9 ФЗ о КФХ, хотя и не вполне четко сформулировано.

В указанных нормах прослеживается и связь с правилами регулирования отношений в простом товариществе (глава 55 ГК РФ). В частности, норма п. 3 ст. 9 ФЗ о КФХ предусматривает, что гражданин, вышедший из КФХ, в течение двух лет несет субсидиарную имущественную ответственность в пределах стоимости своей доли по обязательствам хозяйства, возникших в результате деятельности до момента выхода из него. Также и товарищ, прекративший участие в простом товариществе, может быть привлечен по общим долгам или обязательствам перед третьими лицами, даже после прекращения участия в нем. Естественно, данный товарищ отвечает перед третьими лицами лишь в период его участия в договоре (см. ст. 1053 ГК РФ). Однако (независимо от прекращения товарищества) все участники (товарищи) несут солидарную ответственность по всем обязательствам перед третьими лицами (п. 2 ст. 1050 ГК РФ). Применительно к крестьянским хозяйствам данная норма должна быть скорректирована с учетом п. 3 ст. 8 ФЗ о КФХ. Редакция этого пункта, хотя и требует изменений, все же определенно указывает, что отвечает хозяйство в целом (все члены КФХ), а не только глава. Последний индивидуально (личным имуществом) отвечает лишь при заключении сделки в собственных интересах.

Таким образом, глава КФХ – это всегда гражданин, один из членов крестьянского хозяйства, полномочия которого образуются из сложного юриди-

ческого состава (включая решение членов КФХ), функции главы включают в себя следующее: а) представительство КФХ (во внешних отношениях) и б) организацию и управление (в пределах хозяйства).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бушева С.Г. Орган юридического лица: правовой статус и соотношение со смежными институтами // Законодательство. 2005. № 2.
2. Васильева М. Правовые последствия расторжения трудового договора с предпринимателем в случае прекращения деятельности последнего // «ЭЖ-Юрист». 2001. №10.
3. Громова М.Н. Субъекты и содержание права на занятие предпринимательской деятельностью: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2005.
4. Грось Л.А. К вопросу о соотношении понятий: юридические лица, коммерческие организации, субъекты предпринимательской деятельности, хозяйствующие субъекты // Экономическое правосудие на Дальнем Востоке России. 2004. №2.
5. Зинченко С., Галов В. Новое в правовом статусе крестьянского (фермерского) хозяйства // Хозяйство и право. 2004. № 2.
6. Козлова Н.В. Гражданско-правовой статус органов юридического лица // Хозяйство и право. 2004. № 8.
7. Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации. М.: Проспект, 2009.
8. Мельников Н.Н. Правовые основания и последствия ликвидации крестьянского (фермерского) хозяйства по законодательству России и стран СНГ // Журнал российского права. 2009. № 6.
9. Рабинович А., Адамович Г., Крупская Е. Управление в холдингах: возможны варианты // Хозяйство и право. 2004. № 9.
10. Степанов П. Правовая квалификация отношений, возникающих между единоличным исполнительным органом и акционерным обществом // Хозяйство и право. 2002. № 12.
11. Тихомиров М.Ю. Индивидуальный предприниматель: правовое положение и виды деятельности. М.: Изд-во М.Ю. Тихомирова, 2005 // Справочная правовая система «Гарант».
12. Тихомиров М.Ю. Комментарий к Федеральному закону о крестьянском (фермерском) хозяйстве / М.Ю. Тихомиров. – М.: издание М.Ю. Тихомирова, 2006.
13. Черепяхин Б.Б. Органы и представители юридического лица // Черепяхин Б.Б. Труды по гражданскому праву. М.: Статут, 2001.
14. Шиткина И.С. Предпринимательские объединения. М.: Юристъ, 2001.
15. Приказ МНС РФ от 03.12.2003 N БГ-3-09/664 «Об утверждении форм документов, используемых при государственной регистрации крестьянских (фермерских) хозяйств» // Рос. газета. 2004. 16 янв.
16. Разъяснения Минтруда РФ и Фонда социального страхования РФ от 04.04.2000 №26/34 // Российская газета. 2000. 7 июня.
17. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от

18.05.2010 № 16486/09//СПС «Гарант».

18. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 16.07.2010 №А53-30408/2009//СПС «Гарант».

19. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 08.06.2009 №А05-11130/2008//СПС «Гарант».

20. Постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 15.12.2010 №А57-14676//2007//СПС «Гарант».

21. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 17.11.2010 по делу №А63-3935/2010//СПС Гарант».

22. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 24.02.2010 № Ф07-992/2010//СПС «Гарант».

УДК 34

НАЗНАЧЕНИЕ НАКАЗАНИЯ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Мифтахов А.М.

IMPOSITION OF PUNISHMENT FOR CRIMES IN THE FIELD OF TRAFFIC RULES

Miftakhov A.M.

В статье рассматриваются важнейшие законодательные и нормативные акты, имеющие отношение к преступлениям по нарушению правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Автором характеризуются обязательные признаки таких нарушений; указываются причинные связи между нарушениями и их последствиями, а также обязательные элементы нарушений, предложены рекомендации по совершенствованию редакции ст. 264 УК РФ.

The article considers the most important legislative and normative acts relevant to the offence of violation of the rules of road-traffic and operation of vehicles. Are characterized by the obligations of the characteristics of such violations; identify the causal link between the violations and their consequences, as well as mandatory elements of the violation). The examples of sentences of the district courts of Kazan are described and the peculiarities of determination of punishment in the judicial practice. Recommendations on the improvement of the version of the article 264 of the Criminal code of the Russian Federation.

Ключевые слова: правила дорожного движения, дорожно-транспортные происшествия, УК РФ, управление транспортным средством, последствия нарушения правил, цели наказания, деяние, назначение наказаний.

Keywords: rules of road traffic, road traffic accidents, Criminal code of the Russian Federation, management of transport means, the consequences of the violation of the protocol, the legislator, the purposes of punishment, the social danger of violations of the protocol, the act, the purpose of punishment.

Борьба с нарушениями правил дорожного движения и безопасности эксплуатации транспортных средств, включающая уголовно-наказуемые дорожно-транспортные происшествия (ДТП), является одной из наиболее сложных про-

блем, требующих постоянного внимания и решения со стороны общества. По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) и Европейской экономической комиссии (ЕЭК) ООН, среди причин смерти населения Земли наводимые дорожно-транспортные происшествия (ДТП) занимают третье место после злокачественных опухолей и сердечно-сосудистых заболеваний, а среди группы населения до 34 лет – первое место [5].

Предписания, закрепленные в ст. 264 УК РФ [13], являются бланкетными, и поэтому для правильного толкования и применения закрепленных в ней норм необходимо обращаться к иным законам, а также другим нормативно-правовым актам, в частности, к Закону РФ от 15 ноября 1995 г. «О безопасности дорожного движения» [9], Правилам дорожного движения, утвержденным постановлением Совета Министров Правительства РФ 23 октября 1993г. №1090 [6]; Правилам медицинского освидетельствования на состояние опьянения лица, которое управляет транспортным средством, и оформления его результатов, утвержденным постановлением Правительства РФ 26 декабря 2002г. №930 [10]; Правилам учета дорожно-транспортных происшествий, утвержденным постановлением Правительства РФ 29 июня 1995 г. № 647 [8].

Объект преступления, предусмотренный ст. 264 УК РФ, можно определить как совокупность общественных отношений, обеспечивающих защищенность участников дорожного движения от причинения вреда их жизни и здоровью. Основным объектом указанного преступления следует признать отношения, обеспечивающие безопасность дорожного движения, иначе говоря, защищенность от причинения вреда жизни или здоровью при осуществлении дорожного движения [12]. Эти отношения генетически связаны с отношениями, складывающимися по поводу права человека на здоровье и жизнь, но не поглощают их [11].

Объективная сторона данного вида преступлений характеризуется такими обязательными признаками, как действие или бездействие лица, управляющего транспортным средством. По своему характеру такие нарушения могут быть самыми разнообразными: превышение установленной скорости движения, неправильный обгон других транспортных средств, проезд перекрестка при запрещающем сигнале, невыполнение требований дорожных знаков и др. В целях установления факта нарушения и его правильной оценки необходимо проведение автотехнической экспертизы; наличие преступных последствий – причинение тяжкого вреда здоровью либо крупного ущерба. Крупный ущерб относится к числу оценочных признаков, устанавливаемый всякий раз с учетом стоимости уничтоженного или поврежденного транспортного средства или другого имущества и других обстоятельств дела; наличие причин-

ной связи между указанными в законе нарушениями правил и наступившими общественно опасными последствиями. При этом надо иметь в виду, что далеко не каждое предшествовавшее наступлению преступного результата нарушение правил является причиной наступившего последствия. Такой внешней последовательности в развитии событий мало для констатации причинной связи между ними. Если, например, главной причиной наступившего тяжкого последствия было грубое нарушение правил предосторожности самим потерпевшим, ответственность лица, управляющего транспортным средством, исключается, даже если он и нарушил какие-то правила дорожного движения или эксплуатации транспорта.

При наличии трех указанных признаков объективной стороны рассматриваемого преступления не имеет решающего значения место нарушения правил, вызвавшее предусмотренное в Законе последствие. Нарушение может быть допущено на улице города или села, на железнодорожном переезде или на полевой дороге, при движении на территории предприятия и т.п. Обязательным элементом состава рассматриваемого преступления являются общественно опасные последствия: только при их установлении можно вести речь об оконченном посягательстве.

Всем автотранспортным преступлениям присуща только неосторожная форма вины в обоих видах. При преступной самонадеянности, которая встречается чаще, виновное лицо, сознавая возможность наступления вредных последствий, легкомысленно исключает их, полагаясь на свой опыт и надежность техники или иные объективно существующие обстоятельства. Преступная небрежность состоит в том, что лицо, управляющее транспортным средством, не предвидело возможности наступления последствий, хотя должно было и могло их предвидеть. Обязанность предвидеть и не допускать вредные последствия возложена на водителя правилами движения и эксплуатации. Следует иметь в виду, что водителю нельзя вменить в вину возможность отсутствия предвидения им противоправного поведения другого участника движения.

Субъект преступления, предусмотренный ст. 264 УК РФ, характеризуется как лицо, управляющее транспортным средством. Им признается как профессиональный водитель, так и лицо, самовольно воспользовавшееся чужим автомобилем, мотоциклом и т.п. В своей практике суды часто назначают наказание за преступления в сфере правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Так, в приговоре Советского районного суда г. Казани от 29 декабря 2010 года, которым Воробьев А.А. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного частью 1 статьи 264 УК РФ, и ему назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 6 месяцев без лишения

права управлять транспортными средствами. В силу статьи 73 УК РФ приговорено: назначенное Воробьеву А.А. наказание считать условным, установив испытательный срок продолжительностью 1 год, в течение которого он должен своим поведением доказать исправление. Возложить на Воробьева А.А. в период прохождения испытательного срока следующие обязанности: не менять постоянного места жительства и работы без уведомления УИИ ГУФСИН РФ, регулярно не реже одного раза в месяц являться на регистрацию в указанный орган, надлежащим образом исполнять иные обязанности, которые в соответствии с действующим законодательством могут быть возложены на него УИИ ГУФСИН РФ [4]. Как видим, суды по ч.1 ст. 264 УК РФ назначают наказание в виде лишения свободы, но без реального его отбывания, т.е. с применением ст. 73 УК РФ.

Приведем еще примеры из судебной практики. В приговоре Советского районного суда г. Казани Гайнуллин М.Н. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 264 ч. 2 УК РФ, и ему назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 1 год с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима с лишением права управлять транспортным средством сроком на два года и шесть месяцев [2]. Законодатель в ч. 2 ст. 264 не предоставляет суду возможность назначения альтернативных видов наказаний, а в санкции предусматривает такой вид наказания, как лишение свободы вместе с дополнительным видом наказания. Анализ практики и предусмотренного выше приговора показывает, что суды по ч. 2 ст. 264 УК РФ назначают наказание в виде лишения свободы с лишением права управлять транспортным средством без применения ст. 73 УК РФ.

В приговоре Ново-Савиновского районного суда г. Казани от 1 июня 2010 года, которым Шакиров М.А. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 264 УК РФ, и ему назначено наказание в виде 3 лет лишения свободы с лишением прав управления транспортными средствами. На основании ст. 73 УК РФ приговорено: считать основное наказание условным с испытательным сроком в 2 года; дополнительное наказание в виде лишения прав управления транспортными средствами исполнять самостоятельно [1]. Анализ ч. 3 ст. 264 УК РФ показывает, что законодатель в санкции предусматривает наказание в виде лишения свободы с лишением права управлять транспортным средством. Как правило, по ч.3 ст. 264 УК РФ суды назначают наказание в виде лишения свободы с применением ст. 73 УК РФ, т.е. условно.

Приведем еще пример. В приговоре Советского районного суда г. Казани от 23 августа 2010 года Козин Е.Н. признан виновным в совершении престу-

плений, предусмотренных по первому эпизоду ст. 166 ч. 1 УК РФ, и ему назначено наказание в виде лишения свободы сроком на один год шесть месяцев; по второму эпизоду ст. 264 ч. 4 УК РФ ему назначено наказание в виде лишения свободы сроком на два года десять месяцев с лишением права управлять транспортным средством сроком на два года десять месяцев. В соответствии со ст. 74 ч. 5 УК РФ условное осуждение по приговору Советского районного суда г. Казани от 22.12.2009 года Козину Е.Н. – отменить. В силу ст. 70 ч. 1 УК РФ по совокупности приговоров к назначенному наказанию частично присоединить неотбытую часть наказания по приговору Советского районного суда г. Казани от 22.12.2009 года и к окончательному отбытию Козину Е.Н. определить четыре года шесть месяцев лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима с лишением права управлять транспортным средством сроком на два года шесть месяцев [3].

Суды по ч. 4 ст. 264 УК РФ назначают наказание в виде лишения свободы с лишением права управлять транспортным средством без применения ст. 73 УК РФ. Приговором Советского районного суда г. Казани от 14 октября 2008 года Вафин И.Г. признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ст. 125, ч. 3 ст. 264 УК РФ, и ему назначено наказание: – по ч. 3 ст. 264 УК РФ – в виде лишения свободы сроком на 4 (четыре) года 10 месяцев с лишением права управлять транспортными средствами сроком на 2 года 3 месяца; – по ст. 125 УК РФ – в виде лишения свободы сроком на 6 месяцев. В силу ч. 2 ст. 69 УК РФ путем частичного сложения назначенных наказаний по совокупности указанных преступлений назначить Вафину И.Г. наказание в виде лишения свободы сроком на 5 лет с отбыванием наказания в колонии поселения с лишением права управлять транспортным средством сроком на 2 года 3 месяца.

Нам представляется, что по ч. 5 ст. 264 УК РФ цели наказания могут быть достигнуты только путём изоляции осужденного от общества на длительный срок. Суды, как правило, назначают наказание в виде лишения свободы на длительный срок. Поскольку преступление, повлекшее по неосторожности смерть двух или более лиц, представляет большую общественную опасность для окружающих, изоляция осужденного должна быть на длительный срок. И, наконец, ч. 6 ст. 264 УК РФ – деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, совершенное лицом, находящимся в состоянии опьянения, повлекшее по неосторожности смерть двух или более лиц. Суды обычно назначают по ч. 6 ст. 264 УК РФ наказание в виде лишения свободы на очень длительный срок, поскольку цели наказания могут быть достигнуты путем изоляции от общества на длительный срок учитывая то, что он совершил это преступление в

состоянии опьянения [7].

В результате ДТП обществу причиняется материальный ущерб, который по подсчетам экономистов, ежегодно составляет 14 трлн. рублей. Столь значительный ущерб, причиняемый в сфере использования механических транспортных средств, создает дополнительные трудности и препятствия в осуществлении социально-экономических реформ в период нестабильной российской экономики. Недооценка общественной опасности нарушений правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств ослабляет борьбу с ними. Нам представляется, необходимо изменить редакцию ст. 264 УК РФ, а именно ч. 2, ч. 4 и ч. 6 ст. 264 УК РФ.

Считаем возможным усилить наказание за преступления, совершенное лицом, находящимся в состоянии опьянения. Так, по ч. 2 ст. 264 УК РФ усилить наказание в виде лишения свободы на срок до 5 лет. По ч. 4 ст. 264 УК РФ усилить наказание в виде лишения свободы на срок до 9 лет. А по ч. 6 ст. 264 УК РФ усилить наказание в виде лишения свободы на срок до 12 лет. Дополнительное наказание в виде лишения права управлять транспортным средством на срок до трех лет оставить так же.

С учетом изложенного приведем следующую редакцию ст. 264 УК РФ:

1. Нарушение лицом, управляющим автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством, правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека, – наказывается ограничением свободы на срок до трех лет, либо арестом на срок от трех до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до двух лет с лишением права управлять транспортным средством на срок до трех лет или без такового.

2. Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, совершенное лицом, находящимся в состоянии опьянения, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека, – наказывается лишением свободы на срок до трех с лишением права управлять транспортным средством на срок до пяти лет.

3. Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, повлекшее по неосторожности смерть человека, – наказывается лишением свободы на срок до пяти лет с лишением права управлять транспортным средством на срок до трех лет.

4. Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, совершенное лицом, находящимся в состоянии опьянения, повлекшее по неосторожности смерть человека, – наказывается лишением свободы на срок до девяти лет с лишением права управлять транспортным средством на срок до трех лет.

5. Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, повлек-

шее по неосторожности смерть двух или более лиц, – наказывается лишением свободы на срок до семи лет с лишением права управлять транспортным средством на срок до трех лет.

6. Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, совершенное лицом, находящимся в состоянии опьянения, повлекшее по неосторожности смерть двух или более лиц, наказывается лишением свободы на срок до девяти лет с лишением права управлять транспортным средством на срок до двенадцати лет.

Примечание: Под другими механическими транспортными средствами в настоящей статье понимаются троллейбусы, а также трактора и иные самоходные машины, мотоциклы и иные механические транспортные средства». Наблюдается рост дорожно-транспортного происшествия по вине не трезвых водителей. В связи с этим мы предложили усилить наказание по ч. 2, ч. 4 и ч. 6 ст. 264 УК РФ.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Архив Ново-Савиновского районного суда г. Казани за 2010 г. – Дело № 1-157/2010.
2. Архив Советского районного суда г. Казани за 2010 г за 2010 г.– Дело №1-1045/10.
3. Архив Советского районного суда г. Казани за 2010 г. – Дело 1-756/10
4. Архив Советского районного суда г. Казани за 2010 г. Дело 933/2010 г.
5. Информационный бюллетень СК при МВД РФ. – 1999. – №2. – С.97.
6. Правила дорожного движения Российской Федерации. – М., 2002.
7. Радужнов В.Ю. Некоторые вопросы производства по делам административных правонарушений в области дорожного движения, зафиксированных автоматическими средствами фотосъемки и видеозаписи. [Текст] / В.Ю. Радужнов// «Вестник НЦ БЖД». – 2010. – №1(3)
8. Российская газета. – 1997. №238. – 10 декабря.
9. СЗ РФ. – 1998. – №25. – Ст. 2897.
10. СЗ РФ. – 2002. – №52. – Ст.5233.
11. Смирнов Д.В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств // Дисс... канд. юрид. наук / Д.В. Смирнов. – М., 2004. – С.32.
12. Уголовно-правовое обеспечение безопасности движения автотранспорта / Под ред. Б.А. Куринова. – М., 1982. – С. 12 – 14.
13. Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ)от 13.06.1996 N 63-ФЗ (принят ГД ФС РФ 24.05.1996) (действующая редакция)

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9

БЕЗОПАСНОСТЬ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ КАК ОБЪЕКТ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Фельде Ю.В.

SAFETY OF TRAFFIC AS OBJECT PSYCHOLOGICAL RESEARCHES

Felde Y.V.

В статье определено, что предмет психологических исследований в области безопасности дорожного движения составляют психологическое обеспечение безопасности дорожного движения, влияние психофизиологических качеств личности на стиль вождения и поведение на дороге, психология дорожных конфликтов, технологии подготовки кандидатов в водители автотранспорта и повышения их квалификации, модели формирования компетентных участников дорожного движения. Автором описаны предпосылки (антропоцентрические, акмеологические, эргономические, эдукологические) формирования готовности кандидатов в водители к обеспечению безопасности дорожного движения.

In article the intrinsic characteristic of safety of traffic is given. It is defined that a subject of psychology-pedagogical researches in the field of safety of traffic psychological safety of traffic, influence psychophysiology qualities of the person on style of driving and behavior on road, psychology of road conflicts make, technologies of preparation of candidates in drivers of auto-transport and increase of their qualification, model of formation a computer of participants of traffic. Preconditions readiness of candidates in drivers to safety before movement are described.

Ключевые слова: безопасность дорожного движения, готовность кандидатов в водители к обеспечению безопасности дорожного движения, психологическое обеспечение безопасности дорожного движения, психология дорожных конфликтов, технология подготовки кандидатов в водители.

Keywords: safety of traffic, readiness of candidates in drivers to traffic safety, psychological safety of traffic, influence of psycho physiological qualities of the person on style of driving and behavior on road, psychology conflicts, technology of preparation of candidates in drivers, the precondition of formation of readiness of candidates in drivers to maintenance is safe traffic.

Теория безопасности – это сложная междисциплинарная и многопрофильная отрасль знания, требующая концептуально-теоретического и специально-эмпирического объяснения и анализа. Безопасность дорожного движения – это не только одна из составляющих обеспечения охраны жизни, здоровья человека и его имущества, но и общественное благо, представляющее собой совокупность материальных (источники получения информации о безопасности дорожного движения, образовательные услуги по обучению правилам безопасного поведения на дорогах, транспортная инфраструктура,

средства организации дорожного движения) и духовных (признание безопасности дорожного движения как глобальной ценности человечества; осознание приоритетности соблюдения правил дорожного движения; понимание необходимости предотвращения на дороге опасностей и угроз, способных нанести непоправимый вред (ущерб) жизненно важным интересам человека) ценностей, связанных с обеспечением безопасности дорожного движения [1]. Дорожное движение представляет собой процесс специфических коммуникаций, обуславливающих существование дорожного сообщества. Безопасность дорожного движения – это динамичное образование, своевременно и адекватно реагирующее на меняющиеся опасности и угрозы в процессе дорожно-транспортных отношений, обуславливающее формирование основных понятий об опасных и чрезвычайных ситуациях на дорогах и обеспечивающее готовность субъектов дорожно-транспортных отношений к безопасному поведению на дороге. Безопасность дорожного движения обычно рассматривают в системе «В – А – Д – С» (водитель – автомобиль – дорога – среда) и, на первый взгляд, это вполне научно и практически оправданно, так как каждый из компонентов этой системы вносит реальный «вклад» в проблему аварийности. Однако весомость каждого элемента не однозначна. По вине водителя происходит до 75% аварий, а по последним статистическим данным, роль человеческого фактора поднялась до 79% [2]. Поэтому, представляя общую систему безопасности дорожного движения как «В – А – Д – С», решать проблему безопасности необходимо, прежде всего, с человеческого фактора. Это и обуславливает актуальность педагогических исследований в области безопасности дорожного движения.

Психологическое обеспечение безопасности дорожного движения заключается в разработке типологии личности водителя по отношению к личной безопасности и безопасности пассажиров и проведении соответствующей воспитательно-профилактической работы среди водителей; учете взаимоотношений между участниками дорожного движения и разработке предложений по их оптимизации; выявлении виктимных качеств участников дорожного движения; изучении опасных ситуаций в деятельности сотрудников автомобильной инспекции, несчастных случаев, ранений и гибели, проведении мероприятий по обучению тактике безопасной деятельности. Выяснено, что психологические качества предопределяют разную защищенность людей от их профессиональных опасностей. Среди них можно выделить такие устойчивые качества человека, как темперамент, внимание (объем, распределение и концентрация), координация движений, эмоциональная устойчивость. К примеру, в рамках психологии поведения на дороге выявлены взаимосвязи между особенностями нервных процессов индивида и стилем вождения.

Водители с темпераментом холерика прекрасно чувствуют автомобиль

в динамике, однако, в трех из пяти случаев допускают ошибки при торможении и выборе безопасной дистанции. Для холерика при управлении автомобилем характерна резкость, торопливость, а следовательно, нередко и преждевременность действий. Он часто превышает скорость, резко тормозит, идет на рискованные маневры. Повышенная возбудимость холерика за рулем, его нетерпеливость, излишняя активность приводят к большим энергозатратам, в результате чего он быстро утомляется, снижается его работоспособность и надежность. Но благодаря большой силе нервных процессов холерик может успешно преодолевать отрицательные черты своего темперамента. Это достигается путем постоянного контроля своего поведения, действий и поступков. В результате со временем он становится более сдержанным и адекватно реагирует на различные стрессовые ситуации. Водители с темпераментом флегматика испытывают трудности при необходимости двигаться в скоростном режиме, однако, они редко подвергают себя и свой автомобиль неоправданному риску. Водитель флегматического темперамента хорошо проявляет себя в длительных рейсах, устойчив к монотонным раздражителям, что делает маловероятным его засыпание за рулем. В условиях быстро меняющейся дорожной обстановки он затрудняется в ее своевременной оценке и быстром переключении с одних действий на другие. Однако упорство и трудолюбие флегматика обеспечивают ему с приобретением опыта хорошее прогнозирование развития дорожной обстановки, что в сочетании с отсутствием с его стороны поспешных, рискованных действий позволяет ему достаточно безопасно управлять автомобилем. Сангвинический темперамент характеризуется большой работоспособностью и энергией. Сангвинику подходит вождение, в котором есть разнообразие, оно постоянно ставит перед ним новые задачи, однако, количество допускаемых им ошибок выше, чем у водителя с другим типом темпераментом. Меланхолик отличается повышенной чувствительностью к внешним раздражителям. Как правило, водители с таким темпераментом педантично соблюдают правила дорожного движения, но испытывают очень большие трудности при движении в плотном городском потоке, а также в сложных погодных условиях, требующих повышенного внимания. При управлении автомобилем очень дисциплинирован, нетороплив, старательно прогнозирует развитие дорожной обстановки, не способен к рискованным действиям, а поэтому в простых дорожных условиях может достаточно надежно управлять автомобилем. Однако при интенсивном дорожном движении, когда часто и неожиданно возникают опасные дорожно-транспортные ситуации, требующие быстрых решений и действий, его надежность резко снижается. В таких случаях у меланхолика нередко появляется растерянность, страх, вплоть до паники, в результате чего он может произвести поспешные, неправильные, а иногда бессмысленные действия или же вообще прекратить управление автомобилем. Поэтому меланхолик наименее пригоден

для водительской деятельности.

Выяснено, что рост интенсивности дорожного движения ведет к повышению степени взаимодействия его участников. Естественным следствием этого служит конфликтность: кроме физических столкновений, имеют место напряженные коммуникации между участниками дорожного движения, состоящие в обостренном эмоционально-информационном обмене с последствиями, тяжесть которых иногда превышает столкновение машин. Немало дорожных конфликтов содержит в себе криминальную составляющую; многие имеют юридическое продолжение. В социально-психологическом исследовании дорожных конфликтов опираются на познание дорожного сообщества как специфической социальной категории и дорожного движения как совокупности разнообразных коммуникаций, известная часть которых носит конфликтный характер.

Дорожное сообщество мало структурировано и разделено на категории: водители различных транспортных средств (автомобилистов, мотоциклистов, велосипедистов) и пешеходов. Структура дорожного сообщества имеет динамический и статический аспекты. Динамический аспект представлен кратковременными группировками участников движения – транспортными потоками. Статическая структура автомобильной общности воспроизводит структуру и культуру части общества, включающей мужчин и женщин, их статусное распределение, обусловленное престижностью автомобиля. Отношения внутри дорожного сообщества отражают его дифференциацию и выстраиваются по законам межгруппового взаимодействия, например, водители не особенно любят пешеходов, а пешеходы – водителей. Отношения среди автомобилистов недостаточно партнерские и демократические. Выяснено, что дорожное сообщество характеризуется определенной «культурой дороги»: комплексом навыков и коммуникативных установок, связанных с передвижениями.

Дорожное движение как специфическая разновидность деятельности и общения людей представляет собой систему динамических коммуникаций, форму существования сообщества пользователей дорог, которое характеризуется своей культурой и психологией. Базовым типом дорожных коммуникаций является интактность, то есть общение, цель которого – минимизация взаимных помех и предоставление каждому человеку максимума свободы в реализации его дорожного плана. Интактное общение – это наиболее благоприятный режим совместного пользования дорогой: его участники, внимательно наблюдая за маневрами друг друга, стараются не создавать взаимных помех, чтобы исключить столкновения. Следствием нарушения процедуры «интактного» общения является конфликт, представляющий собой дисгармонию дорожного движения, психических состояний и взаимоотношений его участников. Дорожный конфликт – это совокупность взаимосвязанных фронтальных

действий участников дорожного движения, мотивированных стремлением решить свои дорожные и иные проблемы без должного учета прав и потребностей друг друга. Конфликт является следствием того, что участник дорожного движения перестает адекватно воспринимать дорожных партнеров, включенных в его психологическое пространство, и переходит в режим индивидуально-предметного функционирования.

В качестве дорожных конфликтогенов выступают некорректное поведение, ложное толкование права на приоритетный проезд, нонконформизм, нерешительность и неумелость, неверное предвидение действий друг друга, недисциплинированность, любовь к риску и острым ощущениям, в общем, все то, что подавляет мотивацию водителя ездить эффективно и безопасно [3]. Важнейшим социально-психологическим условием предупреждения дорожных конфликтов и смягчения их остроты является развитие у участников дорожного движения компетенции безопасности жизнедеятельности на дороге и коммуникативной компетенции. Содержание компетенции безопасности жизнедеятельности на дороге представлено в исследовании Р.Ш. Ахмадиевой [1]. Безопасность жизнедеятельности на дорогах как компетенция будущего специалиста представляет собой интегративное качество личности, влияющее на формирование мировоззренческих основ современных проблем жизнедеятельности; усвоение теоретических знаний о факторах, сущности и структуре безопасности дорожного движения и психологических знаний в объеме, обеспечивающем готовность личности к безопасному поведению на дороге; приобретение способности выявления и предотвращения опасности и обеспечения личной безопасности на дороге. Безопасность жизнедеятельности на дорогах как компетенция будущего специалиста включает следующие интегральные характеристики личности: когнитивные – позитивное мышление; целостное представление о безопасности жизнедеятельности на дорогах; осознание приоритетности соблюдения правил дорожного движения; понимание необходимости предотвращения на дороге опасностей и угроз, способных нанести непоправимый вред (ущерб) жизненно важным интересам человека; диспозиционные (от лат. *dispositio* – расположение) – устойчивая направленность личности на безопасное поведение на дороге; ответственное, уважительное отношение к собственной безопасности и безопасности других людей; психологическая устойчивость в условиях опасности или угрозы, возникающей на дороге; асептивные (от лат. *aseptivno* – открытость) – умения и навыки обеспечения безопасной жизнедеятельности на дорогах; готовность к упреждающим действиям по предотвращению опасностей и угроз; способность адекватно реагировать на различные опасные ситуации с учетом своих возможностей.

Опыт работы показывает, что задача развития коммуникативной компе-

тенции участников дорожного движения игнорируется. Например, мировой опыт подготовки водителей свидетельствует, что слабость коммуникативной стороны вождения не компенсируется самыми изощренными системами обучения. Назрела необходимость включить социально-психологическое обучение водителей в систему их подготовки и повышения квалификации. Социально-психологическое обучение автомобилистов исходит из того, что коммуникативная компетенция водителя представляет собой специфическую совокупность социально-психологических знаний, навыков и мотивов, направляющих его на бесконфликтное и продуктивное взаимодействие с другими участниками дорожного движения, исключая столкновения, наезды и грубые эмоциональные обмены, порождающие болезненные стрессы и снижающие его надежность. В процессе совершенствования и реорганизации системы подготовки водителей и повышения их квалификации необходимо создать условия для формирования коммуникативной компетенции, перестроив соответствующим образом учебные планы и экзаменационные требования ГИБДД, а также включить в содержание учебных планов автошкол специализированный коммуникативный тренинг, формирующий готовность кандидатов в водители к обеспечению безопасности дорожного движения. По нашему мнению, необходимо способствовать расширению форм объединения водительской ответственности и ее консолидации на базе общих ценностей, а также оказания автолюбителям и водителям-профессионалам консультационных и иных услуг, в том числе связанных с ростом их квалификации.

Обобщая вышеизложенное, можно выделить следующие предпосылки формирования готовности кандидатов в водители к обеспечению безопасности дорожного движения: антропоцентрические, включающие психологическое обеспечение безопасности дорожного движения, изучение влияния психологических качеств личности на стиль вождения и поведение на дороге, психофизиологический отбор кандидатов на обучение кандидатов в водители; акмеологические, обуславливающие создание технологий подготовки кандидатов в водители автотранспорта и повышения их квалификации, механизмов формирования профессиональной надежности и культуры поведения водителя, а также моделей подготовки водителя к обеспечению собственной безопасности и безопасности дорожного движения; эргономические, направленные на изучение безопасности дорожного движения в системе «В – А – Д – С» (водитель – автомобиль – дорога – среда) и особенностей дорожного сообщества; эдукологические, отражающие общие закономерности организации и развития безопасности дорожного движения, системы подготовки водителей

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ахмадиева Р.Ш. Подготовка специалиста к обеспечению безопасности жизнедеятельности детей на дорогах в системе педагогического образования: Монография. – Казань: ГУ «НЦ БЖД», 2010. – 312 с.

2. Современные проблемы безопасности жизнедеятельности: опыт, проблемы, поиски решения: Материалы Международной научно-практической конференции. Часть I / Под общей ред. д-ра техн. наук, проф. Р.Н. Минниханова. – Казань: ГУ «Научный центр безопасности жизнедеятельности детей», 2010. – 1031 с.

3. Утлик В.Э. Психологические особенности конфликтов в дорожном движении // Инновации в образовании. – 2006. – № 5. – С. 120–131.

4. Цыганков Э.С. Профессиональная подготовка водителей. – М.: Альдина, Эксмо, 2006. – 336 с.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 304.44

ОЦЕНКА ПРИМЕНЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ РАЗВИТИЯ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА В ОРГАНАХ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ г. САРАТОВА)

Быкова Е.С.

ASSESSMENT OF SOCIAL TECHNOLOGIES HUMAN RESORCE DEVELOPMENT IN LOCAL GOVERNMENT (THE CITY OF SARATOV)

Bykova E.S.

Статья посвящена вопросам развития кадрового потенциала служащих органов местного самоуправления. В качестве основного инструмента рассмотрены социальные технологии, автор анализирует благоприятствующие и препятствующие факторы развития применения социальных технологий, приводит оценки экспертов наиболее применяемых технологий.

Article analyses to the development of human resources employees of local governments. As the main instrument examined social technologies the author analyzes the factors favoring and impeding the development of social technologies, experts are assessing the most applicable technologies.

Ключевые слова: социальные технологии, кадровый потенциал, органы местного самоуправления, муниципальные служащие, профессиональная компетентность

Keywords: social technologies, human resources, local self-government, municipal employees, professional competence

С началом реформирования системы местного самоуправления в России существенно возросли полномочия муниципальных органов власти, усилилась значимость таких составляющих кадрового потенциала муниципальных служащих, как профессиональная компетентность, ответственность, мотивированность выполнения служебных полномочий. Все это актуализирует проблему применения социальных технологий в развитии кадрового потенциала представителей органов муниципального управления. В системе органов местного самоуправления, кадры – наиболее важный ресурс, имеющийся в непосредственном распоряжении руководителей, но недостаточно используемый для успешной деятельности. Возможность развития кадрового потенциала особенно существенна, так как на практике управление другими ресурсами – материальными и финансовыми – как правило, весьма ограничено.

Социальные технологии в наши дни, перешагнув границы отдельных сфер управления, стали достаточно универсальным ресурсом, определяющим состояние сбалансированности кадрового потенциала. Однако общий уровень применения социальных технологий на муниципальном уровне является еще очень низким. Процесс внедрения социальных технологий весьма размыт, что усложняет разработку новых инструментов. На первое место для формирования культуры технологизации социальных процессов должно встать преодоление противоречия между накопленным интеллектуальным опытом развития социальных систем и низким уровнем управленческих воздействий.

Разработка социальных технологий для системы местного самоуправления позволяет, во-первых, упростить традиционные функции, переведя их в термины конкретных социальных технологий, минимизирует возможные ошибки и случайные сбои. Во-вторых, новые направления (прогнозирование потребности в управленческих кадрах, переориентация на развитие персонала) благодаря технологической проработке значительно проще встроить в общий план работы (в виде последовательности определенных действий с заранее заданным результатом и во взаимосвязи с другими видами деятельности). В-третьих, социальные технологии, направленные именно на развитие кадрового потенциала, позволят повысить профессионализм и компетентность служащих органов местного самоуправления.

Оценка применения социальных технологий в развитии кадрового потенциала органов местного самоуправления города Саратова производилась на материалах социологического опроса 1203 муниципальных служащих и депутатов Городской Думы, а также экспертного опроса 70 руководителей, занимающих высшие и главные должности муниципальной службы, проведенных автором в августе – сентябре 2010 года. Ключевые вопросы анкет для обоих

опросов дублировались с целью сопоставления взглядов руководителей и их подчиненных. Прежде всего, следует отметить, что выявилось существенное расхождение мнений экспертов и респондентов массового опроса о социальных технологиях как факторах развития кадрового потенциала органов местного самоуправления города. Важность использования социальных технологий развития кадрового потенциала отметили 55,7% руководителей и лишь 12,1% муниципальных служащих и депутатов, при этом практически совпали оценки респондентов о социальных технологиях, наиболее применяемых в практике органов представительной и исполнительной власти города. Результаты опросов показали, что наиболее активно используемыми социальными технологиями являются технологии организации и проведения аналитической работы – их отметили 60% экспертов и 52,3% муниципальных служащих и депутатов, а также информационные социальные технологии – соответственно 52,8% и 47,2%.

В наименьшей степени применяются социальные технологии формирования управленческой культуры (12,8% и 14,2%), технологии развития кадрового потенциала (14% и 10%) и технологии формирования имиджа муниципальной службы (7,1% и 9%). Согласно мнению 41% опрошенных муниципальных служащих и депутатов? используемые социальные технологии применяются не совсем эффективно. В совокупности 36% респондентов считают, что применение социальных технологий в деятельности органов местного самоуправления эффективно (27% - достаточно эффективно, 9% - вполне эффективно). Затруднились ответить 22% муниципальных служащих. Характерно, что оценку «совсем не эффективно» не поставил ни один респондент, т.к. оценивая эффективность применения социальных технологий, в какой-то степени они оценивали и свою личную работу. Исходя из полученных ответов, качество и количество применяемых социальных технологий в муниципальной среде города еще не достигло достаточного уровня, многие технологии применяются по наитию и не имеют должного технологического оформления. Применения социальных технологий в развитии кадрового потенциала 81,4% экспертов опроса оценили как «важную» составляющую деятельности.

В ответах на вопрос, какие социальные технологии в большей мере применяются в настоящее время в развитии кадрового потенциала, эксперты отметили не все предложенные варианты ответов. По их мнению, в настоящее время в органах местного самоуправления города применяются только технологии повышения квалификации (100% выборов), технологии формирования кадрового резерва (97% выборов), мотивационные технологии (27% выборов), создание современной модели муниципального служащего (7,1% выборов).

Вторая группа респондентов отметила все предложенные варианты социальных технологий. По степени уменьшения значимости выбор распределился следующим образом: технологии повышения квалификации (76%), технологии формирования кадрового резерва (68%), технологии построения карьеры (13,6%), коучинг (5,1%), мотивационные технологии (13%), создание современной модели муниципального служащего (18%).

Таким образом, муниципальные служащие, в отличие от экспертов, считают, что в кадровой работе органов местного самоуправления города Саратова применяются такие социальные технологии, как построение карьеры муниципального служащего и коучинг. Под коучингом (скорее всего) респонденты понимают управление в стиле коучинг-управление, основанное на партнерском сотрудничестве, лишенное жестких директивных мер. Группу респондентов, выбравших данную технологию, в основном, составили лица до 40 лет. Лица старше 40 лет (в основном) выбирали только технологии повышения квалификации и формирования кадрового резерва. Определяя факторы, препятствующие эффективности применения социальных технологий, эксперты называют следующие: 38% - недостаточный образовательный уровень муниципальных служащих и низкая мотивация деятельности.

Таким образом, опрос показал, что в наибольшей степени препятствует реализации и развитию кадрового потенциала низкая мотивация к трудовой деятельности служащих органов местного самоуправления. Следующими по значимости эксперты обозначили такие факторы, как несовершенная система подготовки, переподготовки и повышения квалификации муниципальных служащих (31,3%), отсутствие условий быстрого продвижения вверх по карьерной «лестнице» (24,5%), авторитарный стиль руководства (16,3%); отсутствие эффективных социальных технологий развития кадрового потенциала (15,7%); недостаточно высокий престиж муниципальной службы (12,5%); бюрократизм системы местного самоуправления (9,6%).

Эксперты обозначили и факторы, благоприятствующие развитию применения социальных технологий: улучшение финансовых возможностей органов местного самоуправления города Саратова (34,2%); наличие информации о возможностях применения социальных технологий и использование зарубежного опыта (24,2%); возможность сделать заказ науке о разработке специализированных социальных технологий (11,4%); диагностика «узких» мест в работе органов МСУ, нуждающихся в технологизации (5,7%). По мнению экспертов, системный подход к реализации указанных факторов благоприятствования послужит катализатором технологизации кадровых и мотивационных процессов. Все факторы указывают на то, что сами служащие исполнительных и пред-

ставительных органов власти не в состоянии в полной мере самостоятельно (в силу различных причин) разобраться с возможностями и этапами внедрения социальных технологий. Необходим анализ и адаптация чужого опыта. Это позволит оценить весь спектр возможностей применения социальных технологий, избежать ошибок, сформировать адекватные критерии оценки эффективности. Именно это условие должно быть реализовано перед тем, как применять на практике новые социальные технологии.

Следовательно, для качественного развития кадрового потенциала служащих органов местного самоуправления необходимо применение социальных технологий, направленных на совершенствование системы профессиональной подготовки и переподготовки, повышение сознательности и «смещение фокуса» внимания со своих персональных выгод на потребности населения, налаживание внутренних коммуникаций. По мнению экспертов, для повышения эффективности применения социальных технологий развития кадрового потенциала органов местного самоуправления необходимо проводить системный анализ эффективности применяемых кадровых процедур, включить тему социальных технологий в программу повышения квалификации, приглашать для консультаций внешних экспертов из сферы науки. Изучение и внедрение всего многообразия новых управленческих технологий требует не только большого количества времени на первом этапе, но и квалифицированных сотрудников, которые могут свободно разбираться в массиве получаемой информации и успешно претворять эту информацию в жизнь. Для этого сотрудники органов местной власти должны иметь возможность не только изучать литературу соответствующей тематики, но и посещать семинары и конференции, темы которых относятся к новым управленческим разработкам. Особо стоит отметить, что при крайне ограниченных финансовых ресурсах успех применения социальных технологий развития кадрового потенциала может быть обеспечен только в рамках тщательно спланированной стратегии, которая должна реализовываться в форме и рамках определённой муниципальной политики.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Пицик Н.И. Проблемы формирования и развития кадрового потенциала органов власти и управления. - М., 2002. – 174с.
2. Шаронова С.А. Управление и социальные технологии // Социология власти. 2005, № 5, С. 99-110.

УДК 316.4

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКОЙ МОДЕЛИ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ КЛАСТЕРОВ

Тарасенко В.В.

THE SOCIO-CULTURE ANALYSIS OF THE RUSSIAN TERRITORIAL CLUSTER MODEL

Tarasenko V.V.

На основании рекомендаций Министерства экономического развития и документов региональных органов власти проведен анализ российской модели управления развитием территориальных кластеров. Сделан вывод о преобладании ассиметричной модели частно-государственного партнерства и обсуждены риски доминирования этой модели, связанные с невниманием к укладам территорий и их социокультурными особенностями.

Based on the recommendations of the Ministry of Economic Development and same regional governments documents analyzed the Russian model of management territorial clusters development. Concluded that the prevalence of asymmetric models of public-private partnership get the risks of the dominance model, related to the lack of attention to the way of their territories and socio-cultural characteristics.

Ключевые слова: кластер, кластерная политика, кластерная инициатива, социология кластеров.

Keywords: cluster, cluster politics, cluster initiative, sociology of clusters

Исследование и развитие территориальных кластеров – актуальное направление научных и прикладных исследований территорий. Представления кластерной теории существенно меняют наполнение принятых форм государственного регулирования экономики. Встраиваясь в содержание управленческого мышления, эти представления проецируются в нормативно-правовую плоскость управления. В частности, концепцию кластеров в основе своей управленческой работы используют правительства Ярославской области [1] и Татарстана [2]. Правительство Саратовской области решило выявить [3], а Тверской области – организовать [4] кластеры на вверенных им территориях. Исходя из анализа прессы и официальных документов, можно сделать о том, что если раньше кластеры рассматривались в качестве формы социально-экономической кооперации и инструмента государственной политики, то теперь они становятся и ее объектом, а количество кластеров начинает выступать показателем эффективности для чиновников.

Есть опасение, что планирование количества кластеров без их будущих задач и в отрыве от реальных предпосылок для возникновения выдает фрагментарно сохранившийся «валовый», формальный подход, при котором число таких объектов планирования доминирует над пониманием социокультурной специфики кластерного подхода, с точки зрения развития территорий.

Проанализируем с этой точки зрения Методические рекомендации по реализации кластерной политики в субъектах Российской Федерации [5], которые были разработаны в рамках реализации Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года Министерством экономического развития России. В первой части этого документа кластеры объявлены условием интенсификации механизмов частно-государственного партнерства (ЧГП).

В Китае, Саудовской Аравии, Казахстане кластерная политика также строится с изначально сильным государственным присутствием и влиянием (эксперты Европейской кластерной обсерватории называют ее «слишком конструктивной»), однако, даже в этих странах они не считаются способом вовлечения государства в непосредственную экономическую деятельность совместно с коммерческими организациями. Пункт 3.1. рекомендаций предусматривает «формирование специализированной организации развития кластера, обеспечивающей координацию деятельности его участников, которая может создаваться в различных организационно-правовых формах. Предполагается, что функции указанной организации могут быть возложены как на вновь создаваемые, так и уже существующие организации» [6]. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что документом нормируется единственная из возможных моделей – асимметричный кластер, т.е. такой, в котором одна организация берет на себя функции лидера в становлении всего конгломерата компаний. Иные модели – симметричные, основанные на равном партнерстве без выраженного лидерства или «органические» на базе исторически крепких социальных связей [7] – разработчиками рекомендаций не рассматриваются. Надо заметить, что инициатором развития кластера в этой модели управления чаще всего выступает крупный бизнес, поддерживаемый государством. Развиваемая Минэкономразвития модель иницирует, скорее, не развитие кластеров, а развитие ТПК – территориально промышленных комплексов, известных еще в советское время.

На взгляд автора, искусственное создание преференций без таких естественных географических отличий не наращивает социальный капитал кластера, на котором и основана его конкурентоспособность, а придает ему характер временного «пузыря». Необходимы механизмы экспликации, предъявления и распространения наиболее успешных деловых культур, их адаптации к локальным условиям, а не только увеличение экономических выгод со стороны государства без перспективы появления таких выгод от самой кластерной кооперации. Существующая система управления обладает высокими рисками превращения кластерной инициативы в очередной тип отношений ренты – получения необоснованных преференций от государства. «Установление эффективного информационного взаимодействия между участниками кластера» (п.

3.1.3 рекомендаций), очевидно, не сводится к технологическим, программным средствам и созданию информационных баз. Однако формирование профессиональной доверительной среды, используемых площадок для обмена знаниями, коммуникативных навыков и т.д. – без которых «установить» информационное взаимодействие чьим-либо единичным решением невозможно – также остается вне сферы внимания разработчиков рекомендаций.

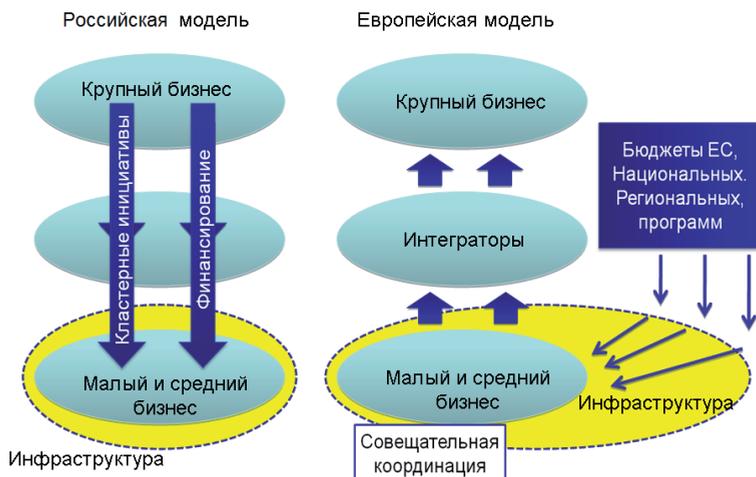
В рекомендациях МЭР, равно как и в другой нормативной и рекомендательной базе, не заложены механизмы поиска, «выращивания», обучения, снабжения необходимыми навыками потенциальных и актуальных лидерских групп. Даже опираясь на асимметричную модель, для которой требуется не только номинальный «центр» кластера, а реальные лидерские способности, рекомендации МЭР не дают практических ориентиров в формировании таких лидеров. В Приложении к рекомендациям МЭР (п. 2 «Признаки и типы территориальных кластеров») излагается только одна типология – отраслевая в сочетании с делением на дискретные и процессные кластеры. Между тем одномерные классификации уже признаются не схватывающими все разнообразие возможных объединительных структур, связанное с историческими и культурными особенностями коллективных взаимодействий. На смену упрощенным классификациям приходят многомерные [8].

При опоре на отраслевое деление само оно принимается как однозначно заданное, не допускающее межотраслевых симбиозов. Между тем именно в российских условиях оно встречается достаточно часто – например, за счет конверсии предприятий ВПК (часто сгруппированных в кластеры или ТПК), которые выходят на рынок высокотехнологичной продукции, обработки минералов и драгоценных камней, индивидуальных заказов на эксклюзивные модели гражданских судов и т.п. Следовательно, отраслевой функционализм в управленческом мышлении, определяющем сегодняшнюю кластерную политику, до сих пор остается доминирующим.

В Европе кластерная политика – в том числе в версии Европейской кластерной обсерватории и т.д. – строится на выявлении потенциальных кластеров и организационном оснащении тех, которые сложились исторически (развитие «снизу»). Управленческое действие предстаёт усилием, которым прошлое соединяется с будущим на основе тщательного мониторинга текущей ситуации. Происходит непрерывный поиск баланса эволюционных и конструктивных сил, который не возлагал бы чрезмерные надежды как на рыночные механизмы, так и на возможности государства [9]. В России с ее проблемами нынешнего периода существует риск нежизнеспособной централизации в содействии кластерным инициативам (развитие «сверху»). Кластеры, создаваемые с существенной государственной помощью, становятся способом контроля над расходованием бюджетных средств, который достигается благодаря концентрации

производств и экономических агентов. Механизмы обнаружения потенциальных кластеров фактически отсутствуют. Значительный акцент сделан именно на планировании (в том числе в рекомендациях Минэкономразвития РФ), т.е. на конструктивных силах.

Рис. 1. Российская и европейская модели кластерных инициатив – «сверху» и «снизу»

Один из современных способов мягкой консолидации с перспективой построения кластера – субконтракция. Она приобретает всё большее значение для федеральной и региональной экономической политики в современной России. Центры субконтрактинга, создаваемые в регионах, ошибочно превращать в центральные аппараты кластеров: скорее, они становятся строительными лесами для появления устойчивых связей. Чем сдерживается полноценная субконтракция на межрегиональном уровне? Принципиально это препятствие и сводится к социокультурным факторам: отсутствие общей отраслевой культуры, среды доверия, разделяемых подходов к работе, из которых вытекают требования к качеству.

В сердцевине представлений, на которых основаны рекомендации МЭР – рассмотрение кластера как статичного, уже состоявшегося образования, профиль деятельности которого, состав, потребности и принципы организации остаются (а) неизменными на всех этапах становления и (б) одинаковыми для кластеров всех видов. Итак, сегодняшний ориентир государственной поддержки – в статусе рекомендаций – выражает управленческий подход, основанный на «статичном» взгляде. Однако экономическая история и современная практика свидетельствует об эволюционной и социокультурной природе предпринимательских сообществ. Отчетливо необходима динамизация и гуманизация управленческого знания о кластерах. Государственная регуляция, действительно, строится на общих форматах и способах воздействия на экономическое по-

ведение. Но они определяют именно статическую институциональную часть кластерной политики. Однако процедуры и социальные процессы в кластере – динамическая составляющая, которая может выстраиваться по-разному, не разрушая при этом целостность нормативно-правового пространства.

Одним из направлений критики кластерной политики в России в современном виде является упрек в том, что поддержка государства сводится к такому же протекционизму и прямому бюджетному финансированию, как и в привычной модели «помощи» отдельным предприятиям. Ответом на эту вполне аргументированную критику могло бы стать поощрение внутреннего разнообразия на уровне процессов и деловых культур. Чем более гибкой будет форма институциональной поддержки, тем большую степень экономической свободы приобретают участники кластера в отдельности и сам он (в целом). Поддержка кооперативных территориально-производственных комплексов, как утверждают оппоненты этого подхода в государственной политике, означает предпочтение одной формы социально-экономической организации в ущерб всем остальным. При отраженной в рекомендациях МЭР организационной политике (п. 3.1) – скорее, централизованной и административной, чем сетевой – поддержка таких образований, действительно, кажется произвольным выбором: стратегия теперь составляется не для отрасли или территории, а для кластера, хотя арсенал государственной поддержки остается прежним. Очевидна организационная унификация, не принимающая во внимание локальные и профессиональные культуры. Государственные органы управления намного более продуктивно могут проявить свою роль проводников кластерной политики в выявлении, актуализации, фасилитации кластерного развития, чем в составлении традиционных «планов мероприятий». Именно это О. Солвелл [10] называет реконструкцией кластера, в отличие от чистого конструирования, не наполненного живыми общественными коммуникациями.

Исходя из проведенного анализа, можно сделать вывод о том, что при проектировании форм государственной поддержки кластеров, как правило, не учитываются локальные культурные коды, через призму которых воспринимается всякое экономическое и институциональное изменение. Оказываются закрытыми (не предъявленными участникам экономической жизни) и те предпосылки и презумпции, из которых исходят разработчики нормативной базы. Следует вспомнить классический тезис Бурдьё и структуралистов: конструирование социальной реальности происходит не в вакууме, а подвергается структурному давлению, а сами «структурирующие структуры» – т.е. структуры коллективного взаимодействия, понимания, мышления и, следовательно, влияния на социальную организацию – сами уже являются социально структурированными [11]. Просачиваясь сквозь сито социально-культурных укладов,

особенно разнообразных в России, единые управленческие решения приводят к различным результатам.

Так, сельскохозяйственные кластеры требуют принципиально иных подходов и средств поддержки, нежели индустриальные, хотя и те, и другие могут использовать схожие экономические и технологические инструменты. С этим был связан переход от понимания сельского хозяйства как отрасли к сельскому хозяйству как образу жизни – в российском правительстве этот взгляд распространился примерно в начале-середине 2000-х годов. Аналогичный переход необходимо совершить в понимании инновационных кластеров. Инноватика – это не отрасль, а образ жизни и уклад, прорастающий на фоне многочисленных укладов и культур общества.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Постановление Правительства Ярославской области от 30.06.2009 № 650-п «Об утверждении концепции кластерной политики Правительства области».
2. Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 22.10.2008 № 763 «Об утверждении Программы развития и размещения производительных сил Республики Татарстан на основе кластерного подхода до 2020 года и на период до 2030 года».
3. Распоряжение Правительства Саратовской области от 15.08.2006 № 224-Пр «О создании рабочих групп по выявлению и развитию экономических кластеров на территории Саратовской области».
4. Постановление администрации Тверской области от 31 марта 2005 г. № 118-па «Об организации деятельности по формированию инновационных научно-технологических кластеров на территории Тверской области» // «Тверская жизнь». № 63, 09.04.2005.
5. Письмо Минэкономразвития от 26.12.2008 г. № 20615-АК/Д19, текст рекомендаций есть в Интернет по адресу http://www.ir-pep.ru/analytics/innov/doc/Metodreki_klastery.doc
6. Там же.
7. Марков Л.С., Ягольницер М.А. Мезоэкономические системы: проблемы типологии // Регион: экономика и социология. – 2008. – № 1. – С. 27. В дискуссии 2008 года министр экономики Свердловской области Михаил Максимов оценил концепцию МЭР следующим образом: «Я не верю, что государственный чиновник лучше предпринимателя сформулирует стратегию развития кластера». – Толмачев Д., Быков Р. Источник долгосрочного процветания // Эксперт Урал. – 2008. – № 14 (323). – www.expert.ru/printissues/ural/2008/14/istochnik_dolgosrochnogo_procvetaniya
8. Марков Л.С., Ягольницер М.А. Мезоэкономические системы: проблемы типологии // Регион: экономика и социология. – 2008. – № 1. – С. 32-42.
9. Sölvell Ö. Clusters. Balancing Evolutionary and Constructive Forces. – www.clusterobservatory.eu/library/100140.pdf
10. Sölvell Ö. Clusters. Balancing Evolutionary and Constructive Forces. – www.clusterobservatory.eu/library/100140.pdf
11. Бурдые П. Начала. Choses dites / Пер. с фр. Н.А. Шматко. – М.: Socio-Logos, 1994. – С. 193.

УДК 316

**ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО И ЕГО
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИ КЛАССИФИКАЦИИ
СОЦИАЛЬНО - ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ**

Е.В. Черепанов

**TYOPOLOGICAL SPACE AND ITS USAGE WITHIN SOCIAL
AND ECONOMIC OBJECTS CLASSIFICATION**

E.V. Cherepanov

В статье введено и обосновано понятие типологического пространства, базирующееся на новой мере сходства многомерных объектов (наблюдений). Автором показано, что построение соответствующей меры близости наблюдений наиболее рационально проводить с использованием непараметрических процедур прикладной статистики. В работе обсуждены вопросы смысловой связи понятия неопределенности с нечеткими и случайными множествами и правомерности «сведения» понятия нечеткого множества к понятию множества случайного.

It is introduced and discussed the notion of typological space based on the new measure of likeness of multidimensional objects (observations). It is shown that construction of the corresponding measure of likeness observations is more appropriate to carry out with the help of non-parametrical procedures of applied statistics. The other problem discussed is the consideration of semantic link of the notion of indefiniteness with fuzzy and accidental multitudes. It is discussed the question of legality of integration of the notion of fuzzy multitude to the notion of accidental multitude.

Ключевые слова: классификация, систематизация, меры сходства (подобия), метрические и нормированные пространства, непараметрические методы статистики, неопределенность, нечеткие и случайные множества.

Keywords: classification, systematization, measures of likeness, metrical and norm spaces, non-parametrical methods of statistics, indefiniteness, fuzzy and accidental multitudes.

Классификация (таксономия, кластеризация, типологизация) – это систематизация объектов по их признакам. Развитие любой науки начинается с решения проблемы систематизации изучаемых объектов (в том числе и в задачах социальной классификации) [1]. Причины огромного практического значения классификации очень точно указал проф. Ю.П. Адлер: «Данные наступают на нас со всех сторон. Они накапливаются в темпе, значительно опережающем нашу способность их ассимилировать и использовать. Мы их «складируем впрок», порождая огромные архивы и сложнейшие проблемы хранения, переработки, поиска и использования всего того, что нам удалось «узнать». Значит, с данными нужно что-то делать. Но «делать» - это означает, насколько возможно, сократить их количество и при этом не потерять слишком много «полезной информации», потенциально в них заложенной» (Из статьи «Наука и искусство анализа данных» Ю.П. Адлера, которая была использована в качестве пре-

дисловия к русскому изданию двухтомника Ф. Мостеллера и Дж. Тьюки [2]).

Количественная таксономия и кластерный анализ [3] не занимается распределением объектов по заданным классам (это относится к задачам дискриминантного анализа [4]), а устанавливают классификацию, которая заранее неизвестна. Полученная классификация часто бывает не единственна. Следовательно, классификация – это процедура упрощения массива данных (чтобы облегчить его экспертный анализ и содержательную интерпретацию). Результаты кластеризации крайне редко можно рассматривать как выявление структуры, отражающей «фундаментальные» свойства изучаемой области [5].

Различают два принципиально разных подхода к систематизации: исключающие и неисключающие классификации. При исключающей классификации один объект может быть отнесен только к одному из классов (таксонов). При неисключающей классификации объект может быть отнесен к нескольким классам. Развитием идеи неисключающей классификации явилась теория нечетких (размытых, расплывчатых) множеств Л. Заде [6,7]. К концу прошлого века аппарат количественной классификации для задач социально - экономической систематизации достиг серьезного уровня [8-11] и с тех пор существенно не развивался. Целью предлагаемой публикации служит обоснование новой меры сходства многомерных объектов, пригодной для использования в условиях минимума априорной информации об изучаемой области. Второй проблемой, рассматриваемой в работе, является обсуждение смысловой связи понятия неопределенности с нечеткостью и случайностью.

1. Меры близости и функция сходства многомерных объектов.

Любая классификация, в том числе и социально - экономическая, всегда основана на анализе какой-либо меры близости [12] многомерных объектов. Под объектом мы будем понимать наблюдение, выраженное вектором признаков, измеряемых в числовых шкалах (в том числе – дихотомической).

Пусть множество X , состоит из элементов $x \in X$. Функцию $S(x, y)$, заданную на декартовом произведении $X * X$, вида $S : X * X \rightarrow (0, 1]$ называют мерой близости элементов множества X в том случае, если выполнены аксиомы:

$$(a) \text{ условие нормировки: } \forall x \in \tilde{O} : S(x, x) = 1 \quad (1.1)$$

(мера близости S любого элемента x «к самому себе» равна 1);

$$(б) \text{ условие симметричности: } \forall x, y \in \tilde{O} : S(x, y) = S(y, x) \quad (1.2)$$

Для того, чтобы мера близости (сходства, подобия), определенная на основе аксиом (1.1-2), стала в прагматическом смысле «рабочей», нужно договориться о том, как измеряется расстояние между парами элементов X , т.е. определить на X некоторое метрическое пространство ([13], гл. 3,4). Заметим

в этой связи, что в монографии Г.Г. Татаровой [1], посвященной вопросам социальной классификации, сразу же после определения меры $S(x,y)$ приведены некоторые часто используемые величины такого рода (С. 213). Но очевидно, что все они определены не просто для множества наблюдений X , а на нормированных пространствах [13, гл.3], построенных на X . Подчеркнем, что в социально-экономических областях, как математически корректно показала Ю.Н. Толстова [14], допустимо формальное определение далеко не всякой метрики.

Метрика p , определенное на множестве X , представляет собой отображение вида $p: \tilde{O} * X \rightarrow \mathfrak{R}^{\oplus}$, где \mathfrak{R}^{\oplus} - множество неотрицательных чисел, при выполнении аксиом:

$$\forall x \in X : p(x, x) = 0, \quad (1.3.a)$$

$$\forall x, y \in X : p(x, y) = p(y, x), \quad (1.3.b)$$

$$\forall x, y, z \in X : p(x, y) = p(x, z) + p(z, y). \quad (1.3.c)$$

Легко понять, что аксиомы (1.3. a-b) являются аналогами аксиом меры подобия (1.1-2), описывающие «сходство» наблюдений «с противоположной позиции». Условие (1.3.c) («аксиома треугольника») - обобщение той «школьной» истины, что «прямая есть кратчайшее расстояние между двумя точками».

Определим функцию сходства наблюдений. Причем сделать это наиболее удобно в стохастическом смысле [15]. Пусть нормированное пространство N определено на множестве наблюдений X . Производится опыт, состоящий в том, что из множества X случайным образом выбирается его элемент x . Оказывается, что норма [13, п. 3.3] x равна $r(x)$. В результате серии из n таких опытов образуется статистика вида $\{r_1, r_2, \dots, r_n\}$. Величина r в описанной серии опытов (реализуемой по схеме Бернулли [16]) ведет себя как стохастическая переменная и, следовательно, имеет некоторое распределение $\Psi(r)$.

Функцией распределения нормы (ф.р.н.) $\Psi(r)$ элементов множества X , на котором определено нормированное пространство N , назовем вероятность того события, что норма наугад выбранного элемента $x \in N$ окажется меньше r :

$$\forall r_0 \in \mathfrak{R}^{\oplus} : \Psi(r_0) = \text{Pr} \{r(x) \leq r_0\}, \quad (1.4)$$

где $r(x)$ - норма случайно выбранного наблюдения $x \in N$, а $\text{Pr} \{ \dots \}$ – вероятность события $\{ \dots \}$. Приведенное определение ф.р.н. является строгим, но опирается не на традиционное описание вероятности по А.Н. Колмогорову [17,18], а на описание вероятности по Мизесу [19] – Смирнову [20]– Виллю – Постникову [21-23]. Впрочем, существует точка зрения, состоящая в том, что естественнонаучной традиции более соответствует понимание «вероятности» статистически, а не в теоретико-множественном смысле. Наи-

более последовательно взгляды такого рода отстаивают проф. МГУ В.Н. Тутубалин [24,25] и проф. Ю.И. Алимов [26,27] из Екатеринбурга.

Пусть на множестве X определено нормированное пространство $N = (X, r)$. Функцией сходства θ назовем отображение $\theta : N * N \rightarrow (0,1]$, если:

$$1) \quad \exists! \Theta \in N, \forall x \in N : \theta(\Theta, x) = 1 - \Psi(r(x)) ; \quad (1.5)$$

$$2) \quad \forall x, y \in N : \theta(x, y) = 1 - \Psi(r(x - y)), \quad (1.6)$$

где Θ - начало координат в нормированном пространстве, а величина $r(x-y)$ является расстоянием между x и y в метрике, порождаемой нормой [13, гл.3].

Пример. Пусть дано множество n наблюдений $X = \{x_j; j = \overline{1, n}\}$, каждое из которых определено случайным вектором $x_j = (x^1_j, x^2_j, \dots, x^m_j) \in \mathfrak{R}^m; j = \overline{1, n}$. Будем считать, что все компоненты этого вектора имеют стандартизованное гауссово распределение $g(0,1)$. В сферической евклидовой метрике расстояние между элементами x_i и x_j из X имеет вид:

$$\rho_{ij} = \rho(x_i, x_j) = \sqrt{\sum_{k=1}^m (x_i^k - x_j^k)^2} \quad (1.7)$$

Из теории распределений известно [16, п. 7.10], что случайная величина ρ_{ij} имеет функцию плотности вероятностей вида:

$$\varphi(p) = \frac{2^{1-m/2} p^{m-1}}{\tilde{A}(m/2)} \exp(-p^2 / 2), \quad (1.8)$$

где $\Gamma(\dots)$ – гамма-функция [28, гл.V] от (\dots) . Тогда функция сходства любой пары наблюдений (x_i, x_j) имеет вид:

$$\theta_{ij} \equiv \theta(x_i, x_j) = 1 - \frac{2^{1-m/2}}{(m/2)} \int_0^{\rho_{ij}} t^{m-1} \exp(-t^2 / 2) dt \quad (1.9)$$

Величина θ_{ij} не просто мера подобия наблюдений, она измеряет подобие с учетом вероятности всех расстояний между элементами изучаемого множества.

Отметим, что на прямой ($m = 1$) функция сходства (1.9), с учетом того, что $\tilde{A}(0.5) = \sqrt{\pi}$ [28, гл.V], имеет вид: $\theta_{ij}^{(1)} = 1 - erf(\rho_{ij} / \sqrt{2})$,

где $erf(x)$ – интеграл вероятности ошибок [28, гл.VII].

Для евклидовой плоскости ($m = 2$) получаем: $\theta_{ij}^{(2)} = \exp(-\rho_{ij}^2 / 2)$.

В трехмерном евклидовом пространстве ($m = 3$), воспользовавшись ре-

результатом [29, п.1.3.3.8], и учитывая, что $\Gamma(1.5) = 0.5 \Gamma(0.5)$, получаем:

$$\theta_{ij}^{(3)} = 1 - \operatorname{erf}(p_{ij} / 2) + \sqrt{\frac{2}{\pi}} p_{ij} \exp(-p_{ij}^2 / 2).$$

Замечание. Функция сходства (1.9) приведена в иллюстративных целях. Она имеет практическое значение для классификации только в естественно-научных областях (где действительно наблюдается нормальное распределение). В социологии гауссово распределение - исключительная редкость [30].

2. Понятие типологического пространства.

Типологическим пространством назовем пару $T = (N, \theta)$, где N – нормированное пространство на множестве X , а θ – функция сходства наблюдений из N . Впервые идея типологического пространства была предложена в работе [31].

Замечание. Топологическим пространством, заданным на абстрактном множестве X , называется пара (X, τ) , где топология τ – система аксиом [13,32], задающих «правила» принадлежности границ всевозможных подмножеств множества X . Таким образом, типологическое пространство является частным случаем нормированного пространства, нормированное – метрического, а метрическое – частным случаем топологического пространства.

Возникает естественный вопрос: а нужны ли все эти нетривиальные построения, нельзя ли ограничиться метрическим пространством, на котором задана любая мера близости наблюдений S , подчиненная аксиомам (1.1-2)?

Можно все, что не запрещено. Скажем, ничто не запрещает нам в качестве меры близости наблюдений в метрическом пространстве $M = (X, \rho)$ использовать выпуклую «вниз» функцию $S = \exp(-\rho(x, y))$, или функцию $S = \exp(-\rho^2(x, y))$, имеющую точку перегиба. Но выбранный способ определения меры подобия S в высокой степени предопределяет результаты итоговой классификации. В этой связи становится непонятно, что же мы реально изучали – близость пар наблюдений или собственные домыслы о виде меры их сходства.

Привлекательность функции сходства θ состоит в том, что типологическое пространство объективно описывает подобие наблюдений всего изучаемого ансамбля. Пусть расстояние между данной парой элементов из метрического пространства M равно конкретному числу ρ . Много это или мало? Неизвестно, нет ориентиров для ответа на этот вопрос.

А в случае типологического пространства $T = (N, \theta)$ всегда существует некоторая ф.р.н. $\Psi(\rho)$, совершенно неважно, является она эмпирической или задана теоретически. Но зато важно, что всегда $\theta(x, y) = 1 - \Psi(\rho(x, y))$, что задает «геометрию» группировки наблюдений. И становится понятно, что же в действительности означает тот факт, что расстояние между фиксированной па-

рой наблюдений равно конкретному числу ρ .

Вопрос состоит в том, как практически задать функцию сходства, учитывая, что в реальности практически всегда отсутствует какая-либо априорная информация об аналитическом виде $\Psi(r)$. Применение методов параметрической статистики в социально-экономических и социологических приложениях часто крайне затруднено высокой неоднородностью данных и малыми объемами выборочных ансамблей [33-35]. Можно использовать методы робастной [36] или непараметрической [37-39] статистики. Применение процедур непараметрической статистики целесообразно (а иногда и единственно возможно), в тех многочисленных социологических и эконометрических исследованиях, где неизвестна функция распределения изучаемых признаков.

Рассмотрим множество n наблюдений $X = \{x_j; j = \overline{1, n}\}$, каждое из которых определено случайным вектором $x_j = (x_j^1, x_j^2, \dots, x_j^m) \in \mathfrak{R}^m; j = \overline{1, n}$. Вычислив расстояния между всеми парами точек наблюдений, получим статистику вида $\rho_{ij} = r(x_i - x_j); i = \overline{1, n-1}, j = \overline{i+1, n}$. Построим из ρ_{ij} вариационный ряд вида:

$$\rho_{(1)} < \rho_{(2)} < \dots < \rho_{(k)} < \dots < \rho_{(N)}; k = \overline{1, N}, \quad (2.1)$$

элементы которого называют порядковыми статистиками [40], а для значения N тривиально подсчитывается, что $N = n(n-1)/2$. Номер измерения

$\rho_{ij} (i = \overline{1, n-1}, j = \overline{i, n})$ в вариационном ряду (2.1), который называется рангом [41] этого измерения, обозначим $Rg(i, j)$. Тогда можно задать эмпирическую функцию распределения (ФР) в виде [37]

$$\Psi_{ij} = \Psi(\rho(x_i, x_j)) = \frac{Rg(i, j)}{N+1} = \frac{2Rg(i, j)}{n(n-1)+2}; i = \overline{1, n-1}, j = \overline{i, n}. \quad (2.2)$$

ФР (2.2) примечательна тем, что она асимптотически сходится к (аналитически неизвестной) истинной функции распределения. Этот факт, верный для очень широкого класса распределений, базируется на фундаментальном свойстве сходимости по вероятности выборочных квантилей к соответствующему истинному значению вероятности (подробнее см. [37, п. 3.5]).

3. Нечеткие и случайные множества

Легко заметить, что введенное понятие функции сходства по смыслу близко понятию лингвистической переменной [42], которую Л. Заде положил в основу своей теории нечетких (размытых, расплывчатых) множеств.

Исходная идея нечетких множеств самим Л. Заде была сформулирована

следующим образом: «Для данного объекта x_j и заданного класса X^k в большинстве случаев вопрос состоит не в том, принадлежит ли x_j к X^k , а в том, насколько x_j принадлежит к X^k » [6]. Для формализации этого взгляда Л. Заде заменил индикатор принадлежности:

$$\xi_j^k = (1, \text{если } x_j \in X^k) \vee (0, \text{если } x_j \notin X^k) \quad (3.1)$$

лингвистической переменной, которая определяется отображением:

$$\mu_k : x_j \mapsto [0, 1].$$

Таким образом, $\mu_k(x_j)$ определяет меру принадлеж-

ности элемента x_j заданному подмножеству X^k , которая, подобно вероятностной мере, нормирована к единице.

Пример. Пусть X^k - нечеткое множество «сторонники Единой России (ЕР)». Некоторым образом установлено формальное правило, которое задает лингвистическую переменную (размытый индикатор принадлежности к этому нечеткому множеству). Субъект x_1 в августе 91 –го года «был на баррикадах», стал членом партии ЕР и всегда участвовал в мероприятиях по поддержке ЕР. В этой связи оказалось, что $\mu_k(x_1) = 0.95$. Гражданин x_2 на баррикадах не был, в ЕР не состоял, но всегда голосовал за ЕР. Для него $\mu_k(x_2) = 0.65$. Господин x_3 на голосования и общественные мероприятия не ходил (было лень), но в кругу семьи он всегда говорил, что «Ельцин - это намного лучше, чем коммунисты». Его лингвистическая переменная $\mu_k(x_3) = 0.35$. И, наконец, товарищ x_4 всегда голосовал против партии ЕР и ее политики, в связи с чем:

$$\mu_k(x_4) = 0.05$$

И вероятность, и нечеткая принадлежность представляют собой меры, нормированные к единице. Уместно вспомнить, что в начале 80 –х гг. XX в. в кругах советских специалистов, связанных со статистическим анализом данных социально – экономического характера, это обстоятельство привело к горячей дискуссии (в конце 70-х гг. этот вопрос обсуждался на семинаре, который успешно функционирует и сегодня в ЦЭМИ РАН, по прикладной статистике под председательством С.А. Айвазяна), а нужно ли вообще рассматривать «нечеткие множества», если есть теория случайных множеств [43]. Дискуссия не привела «к консенсусу», вопрос актуален и сегодня. Например, в современных монографиях А.И. Орлова [44,45], известного и высоко квалифицированного специалиста по прикладной статистике, содержится материал «о сведении нечетких множеств к случайным». Математически - корректно А.И. Орлов показывает, как лингвистическую переменную можно «свести» к про-

екциям вероятностей на случайных множествах. Но с содержательной точки зрения, как видится автору, взгляды А.И. Орлова неверны. Коротко остановимся на обсуждении этого вопроса.

Есть абстрактное множество X и элемент x . Мы не знаем точно, принадлежит ли x к X , но можем оценить вероятность этого события $\pi(x) = \text{Pr} \{x \in X\}$. Пара (X, π) , т.е. множество элементов $\{x\}$ с заданными вероятностями принадлежности $\pi(x)$, называется случайным множеством. Математически случайное множество является измеримым отображением одного вероятностного пространства на другое (как правило, само на себя).

Приведем несколько примеров случайных множеств:

(а) В геологических районах $\{x\}$ по предварительным данным может быть нефть. По имеющимся косвенным признакам оценили вероятности этих событий $\pi(x)$. Набор пар $\{x, \pi(x)\}$ образует случайное множество.

(б) Данные радиолокации противолодочного корабля показывают, что наблюдаемая цель x с вероятностью $\pi(x)$ является подводным крейсером США. Набор пар $\{x, \pi(x)\}$ также образует случайное множество.

(в) По косвенным данным (скажем, анализу ДНК) на основании некоторой методики оценивается вероятность $\pi(x)$ того, что отцом данного ребенка является конкретный гражданин x . Набор пар $\{x, \pi(x)\}$ - случайное множество.

Автору представляется очевидным, что по смыслу нечеткое множество не может рассматриваться как множество случайное. В рассмотренных случаях: (а) в данном районе либо есть нефть, либо нет; (б) данная подлодка или является крейсером США, или нет; (в) у ребенка есть только один отец. Следовательно, в реальности все указанные выше множества $\{x\}$ являются обычными, а не случайными и не размытыми (нечеткими) множествами. А вероятность $\pi(x)$ появляется не в силу каких-то «фундаментальных» свойств элементов рассматриваемых множеств, а в силу нашей неполной информированности об этих множествах. Следовательно, в любом случайном множестве $\{x, \pi(x)\}$ вероятность $\pi(x)$ служит не объективной характеристикой принадлежности x к X , а мерой нашей осведомленности об этом событии. О субъективных вероятностях Анри Пуанкаре писал [46]: «Однако можно оставить в стороне слабость человеческой природы: то, что представляется случайным для человека необразованного, отнюдь не будет таковым для ученого. Случайность, таким образом, служит как бы мерой нашего невежества (курсив мой. – авт.)». И нет никаких оснований подменять смысл лингвистической переменной мерой, описывающую степень субъективной информированности о принадлежности данного элемента к множеству.

Сравните: (а) Иванов «толстый» с мерой 0.9; (б) Петров «богат» с мерой

0.5; (в) Сидорова «красива» с мерой 0.1; (г) Козлов «храбр» с мерой 0.01. Это не характеристики нашей осведомленности о свойствах субъектов, а их объективные характеристики, выражаемые соответствующими предикатами. Которые, в данном случае, означают: (а) Иванов очень тучен; (б) материальное положение Петрова среднее; (в) внешне Сидорова крайне непривлекательна, (г) Козлов патологически труслив. Можно возразить: неясно, как задавать эти «объективные» характеристики. Ответ очевиден: по оговоренной методике. Это нормально, ведь и вероятности для случайных множеств вычисляются не по законам Божьим, а по некоторым кем-то и как-то обоснованным методикам.

Возвращаясь к точке зрения А.И. Орлова, отметим, что формально его выкладки безупречны и изящны, но их смысловая логика неверна. В рамках естественнонаучной традиции никогда и ни при каких обстоятельствах нельзя даже очень красивую математическую абстракцию ставить выше эксперимента (наблюдения) и содержательного смысла изучаемого явления. Рассуждая по аналогии с позицией А.И. Орлова, и само понятие вероятность вводить незачем. Вполне достаточно рассматривать меру, нормированную к единице, на множестве с заданной на нем сигма – алгеброй. Но понятие вероятности несет колоссальную смысловую нагрузку, в связи с чем ее смысл в принципе не сводим к некоторой мере на множестве. Тем более, что и теоретико - множественное описание (а не определение !) вероятности по А.Н. Колмогорову - не единственно возможный путь строгой формализации понятия вероятности [19-27]. Причем, понятие пространства элементарных событий, лежащее в основе описания вероятности по А.Н. Колмогорову, - чистейшая абстракция. Кроме тривиальных случаев множеств конечной мощности, в природе не существует объектов, адекватных этому понятию.

Следовательно, правомерно рассматривать, наряду со случайными множествами, множества нечеткие и типологические пространства. Поскольку в каждую из этих конструкций заложен свой вполне конкретный смысл, а их использование определено исключительно содержательной постановкой задачи. В чем, собственно, и проявляется примат качественных методов социологии над ее количественными методами [47,48]. Ввиду важности вопроса для социально-экономических и социологических исследований, предельно кратко остановимся на развитии идей Л. Заде. В основополагающих работах 60-70-х гг. сам Заде нормировал лингвистическую переменную к 1. Позже его подход был развит в нескольких направлениях, причем ряд авторов отказывались от этой нормировки. Были предложены и более «радикальные» версии, например, теория «гипернечетких» множеств, значениями функции принадлежности которых являются «нечеткие числа» [7].

Наиболее важно понять истоки самого понятия неопределенности, которое лежит в основе осознания человеком событий (наблюдений) с неясным исходом. Видимо, наиболее объективна точка зрения М. Гупта [49], считающего, что неопределенность бывает 2-х видов, связанных: 1) со стохастическим поведением изучаемой системы (т.е. случайностью, по сути дела) и 2) с низкой формализуемостью понятийных категорий, а также с ограниченными возможностями человеческих восприятий и рассуждений (по сути – с нечеткостью). В каждой неопределенности в этом мире (в том числе – в социально-экономических и социальных областях) всегда присутствует или случайность, или нечеткость, или их одновременное проявление. В этой связи можно уверенно утверждать, что бессмысленны любые попытки замены нечеткости случайностью и наоборот (а и такие попытки, причем математически корректные, также были). Хотя следует отметить, что разработки в области теории нечеткой меры, сделанные в 80-е гг. Д. Дюбуа и А. Прадом [50] в связи с созданием основ теории возможностей (еще одно мощное развитие идей Л. Заде), позволяют с некоторым оптимизмом смотреть на перспективы создания единой теории неопределенности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Татарова Г.Г. Основы типологического анализа в социологических исследованиях. М.: Высшее образование, 2007.
2. Мостеллер Ф., Тьюки Дж. Анализ данных и регрессия. В 2-х томах / Пер. с англ. М.: Финансы и статистика, 1982.
3. Дюран Б., Одел П. Кластерный анализ. / Пер. с англ. М.: Статистика, 1977.
4. Бессокирная Г.П. Дискриминантный анализ для отбора информативных признаков. // Социология: методология, методы, математические модели. 2003. 16. с. 142-153.
5. Трофимов В.П. Логическая структура статистических моделей. М.: Финансы и статистика, 1985.
6. Заде Л.А. Размытые множества и их применение в распознавании образов и кластер-анализе. // Классификация и кластер. Сборник научных работ под ред. Дж. Вэн Райзина. / Пер. с англ. М.: Мир, 1980. с. 208-243.
7. Кофман А.. Введение в теорию нечетких множеств. М.: Радио и связь, 1982.
8. Айвазян С.А., Бежаева З.И., Староверов О.В. Классификация многомерных наблюдений. М.: Статистика, 1974.
9. Айвазян С.А., Енюков И.С., Мешалкин Л.Д. и др. Прикладная статистика: классификация и снижение размерности. М.: Финансы и статистика, 1989.
10. Айвазян С.А., Мхитарян В.С. Прикладная статистика и основы эко-

нометрики. В 2-х томах. М.: Юнити, 1998.

11. Мхитарян В.С. и др. Статистические методы многомерной классификации в экономике. М.: ГУ «МЭСИ», 1998.

12. Раушенбах Г.В. Меры близости и сходства. // Анализ нечисловой информации в социологических исследованиях. М.: Наука, 1986. с. 169-203.

13. Колмогоров А.Н., Фомин С.В. Элементы теории функций и функционального анализа. М.: Наука, 1976.

14. Толстова Ю.Н. Корректность функции расстояния относительно типа используемых шкал в социально-экономических исследованиях. // Экономика и математические методы. 1978, 3, с. 598-603.

15. Борисова Е.Б., Черепанов Е.В. Классификация социальных наблюдений в арифметических пространствах признаков // Анализ социально-экономических процессов и систем, вып. 5. М.: Академия менеджмента инноваций (АМИ), 2007, с. 108-116.

16. Вентцель Е.С., Овчаров Л.А. Теория вероятностей и ее инженерные приложения. М.: Высшая школа, 2000.

17. Колмогоров А.Н. Общая теория меры и исчисление вероятностей. // Труды Коммунистической академии. Разд. Математики. 1929. т. 1, с. 8-21.

18. Колмогоров А.Н. Основные понятия теории вероятностей. М.: Наука, 1974.

19. Мизес Р. Вероятность и статистика / Пер. с нем. М.-Л.: Госиздат, 1930.

20. Смирнов Н.В. Теория вероятностей и математическая статистика. Избранные труды. М.: Наука, 1970.

21. Постников А.Г. Арифметическое моделирование случайных процессов. // Труды математ. инстит. АН СССР им. Стеклова. 1960. т. 57. с. 272-291.

22. Филиппова А.А. Теорема Мизеса о предельном поведении функционалов от эмпирических функций распределения и ее статистические применения. // Теория вероятности и ее применение. 1962. т. 7. № 1. с. 187-196.

23. Устинов Ю.К. О понятии статистического пространства Мизеса. // Математическая статистика и ее приложение. Вып. X. Томск: ТГУ, 1986. с. 212-218.

24. Тутубалин В.Н. Теория вероятностей. Краткий курс и научно-методические замечания. М.: МГУ, 1972.

25. Тутубалин В.Н. Границы применимости (вероятностно-статистические методы и их возможности). М.: Знание, 1977.

26. Алимов Ю.И. Измерение спектров и статистических вероятностей. Свердловск: Уральский политехнический институт, 1986.

27. Алимов Ю.И., Кравцов Ю.А. Является ли вероятность «нормальной» физической величиной? // Успехи физич. наук, 1992, т. 162, 7, с.149-182.

28. Янке Е., Эмде Ф., Леш Ф. Специальные функции / Пер. с нем. М.: Наука, 1977.

29. Прудников А.П. и др. Интегралы и ряды. М.: Наука, 1981.

30. Хайтун С.Д. Негауссовость социальных явлений. // Социологические исследования. 1983. № 1. с. 45-53.

31. Черепанов Е.В. Понятие типологического пространства в задачах многомерной систематизации. // Информатика, социология, экономика, менеджмент (ИСЭМ). Межвузовский сборник научных трудов, вып. 7, ч. 2. М.: АМИ, 2010, с. 107-115.
32. Александров П.С. Введение в теорию множеств и общую топологию. М.: Наука, 1977.
33. Черепанов Е.В. О надежности статистического анализа данных в социально-экономических исследованиях // ИСЭМ. Межвузовский сборник научных трудов, вып. 2, ч. 2. М.: АМИ, 2005. с. 188-195
34. Мхитарян В.С., Черепанов Е.В. Проблемы прикладной социологии в их привязке к социально-экономическим и маркетинговым исследованиям. // ИСЭМ. Межвуз. сб. научн. Трудов. Вып. 3, ч. 2. М.: АМИ. 2006, с. 23-34.
35. Черепанов Е.В. К вопросу корректности использования стохастического формализма в социологических и социально – экономических исследованиях. // Безопасность Евразии, 2007, 2 (28), с. 386-402.
36. Хьюбер П. Робастность в статистике / Пер. с англ. М.: Мир, 1984.
37. Тарасенко Ф.П. Непараметрическая статистика. Томск: ТГУ, 1976.
38. Тюрин Ю.Н. Непараметрические методы статистики. М.: Наука, 1978.
39. Тюрин Ю.Н., Шмерлинг Д.С. Непараметрические методы статистики // Социология: методология, методы, математические модели, 2003, 16, с. 142-153.
40. Дэйвид Г. Порядковые статистики. / Пер. с англ. М.: Наука, 1979.
41. Кендэл М. Ранговые корреляции / Пер. с англ. М.: Статистика, 1975.
42. Заде Л.А. Понятие лингвистической переменной и его применение к принятию приближенных решений. / Пер. с англ. М.: Мир, 1976.
43. Матерон Ж. Случайные множества и интегральная геометрия. / Пер. с англ. М.: Мир, 1978.
44. Орлов А.И. Нечисловая статистика. М.: МЗ - Пресс, 2004.
45. Орлов А.И. Прикладная статистика. М.: Экзамен, 2006.
46. Пуанкаре А. Наука и метод. // Анри Пуанкаре. О науке. Сборник избранных научных трудов. М.: Наука, 1990, с. 367-522.
47. Татарова Г.Г. Классификация исследовательских практик в социологии как основа математической формализации. // Математическое моделирование социальных процессов. Вып. 3. М.: ИС РАН, 2001, с. 179-201.
48. Толстова Ю.Н. Количественный и качественный анализ: органическое единство или автономия // Социологические исследования, 2004, 9, с.12-14.
49. Gupta M.M. Cognition, perception and uncertainty. // Fuzzy logic in knowledge-based systems, decision and control / Gupta M.M., Yamakawa T. - Elsevier Science Publishers B.V., 1988, p. 3-10.
50. Дюбуа Д., Прад А. Теория возможностей. Приложение к представлению знаний в информатике / Пер. с франц. М.: Радио и связь, 1990.

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 82

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА В АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА И. ШИХЛЫ «БУЙНАЯ КУРА»)

Сеидова Ш.И

THE MAN AND A NATURE (IN THE NOVEL “DELI KUR” BY ISMAYIL SHIKHLI)

Seyidova Sh.I.

В статье рассматривается толкование темы природы в азербайджанской литературе на примере романа И.Шихлы. Автор анализирует роман «Буйная Кура» и приходит к выводу о том, что пейзаж является средством воссоздания психологического состояния персонажей.

The article has been dedicated to the description of the natural pictures in Azerbaijan literature (I.Shihly' s novel) . The author analyzes the novel «Lush Kura» and concludes that the landscape is a means to recreate the psychological state of the characters.

Ключевые слова: И. Шихлы, азербайджанская литература, пейзаж, роман, психологизм, эстетика.

Keywords: I. Shikhli, Azerbaijan literature, paysage, novel, psychologism, aesthetics.

В истории азербайджанской литературы И.Шихлы занимает достойное место: он сыграл значительную роль в развитии литературоведения и критики, теории и практики перевода, популяризации произведений мировой литературы в Азербайджане. Исмаил Шихлы более десяти лет своей жизни посвятил созданию романа «Буйная Кура», в котором повествуется об истории азербайджанского народа в начале XIX века, судьбах жителей живописного села Гёйтепе у берегов Куры. В романе нашли отражение социальные противоречия жизни народа, выбор им исторического пути. Ю. Суровцев относит этот роман к тем «произведениям крупной эпической форм, о которых говорят как об историко-революционных романах» [3, С.5].

Роман И. Шихлы «Буйная Кура» привлекал внимание исследователей не только своим содержанием, но и языком, стилистической спецификой, богатством художественно-изобразительных средств. Один из самых ярких и выразительных образов в романе - это образ буйной Куры, живой символ бытия, движущегося и меняющегося времени, в потоке которого, казалось бы, должны бесследно исчезнуть страсти и страдания людские. «Образ реки Куры, воз-

никающий на многих страницах романа, органически входит в повествование. Он символизирует время, точнее, бег времени, благодаря ему становятся осязаемыми перемены, происходящие на берегах Куры, явные и подступные», - отмечает Г. Гулиев [2, С.34]. Но оказывается, что это совсем не так. Кура внемлет человеческому сердцу, укрепляет и утешает его. Она - источник огромной жизненной энергии, и каждый из героев романа стремится к ней.

Столкновения идей патриархального прошлого и прогрессивных просветительских идей изображается на фоне живописной природы. Ее образы либо созвучны, либо создают контраст с настроениями, чувствами и переживаниями героев произведения. С. Алиева замечает: «Пейзаж как интерьер действия, средство психологической мотивировки, как действующее начало, фон, как прием усиления выразительности, углубления характера, образа, словом, во всех своих многочисленных функциях выступает в творчестве И. Шихлы» [1, С.204]. Само название романа дает повод автору обратиться, в первую очередь, к изображению образа буйной Куры. В начале романа Исмаил Шихлы почти детально описывает реку, используя образные средства языка, например, на фоне горя и несчастья Зарнигяр-ханум: «Кура местами, урча, подмывала и подрывала крутой высокий обрыв, весь испещренный черными норками ласточкиных гнезд, местами расплескивалась по отмели и даже образовывала тихие, почти не текущие, мелкие рукава» [4, С.6]. Образ реки гармонирует с состоянием души несчастной Зарнигяр: «Кура текла, облизывая подножие леса, серые песчаные берега, то изгибаясь окружала кустарник, или вдруг разделяясь на несколько рукавов, кружила между островками, и, вдруг круто поворотив, неслась прямо на этот берег» [4, С.6]. Перевод В. Солоухина оказался особенно удачным в описании Куры. Используя такие дееспричастия, как «облизывая», «изгибаясь», «разделяясь», переводчик создает живой и неповторимый образ буйной реки. «Ничего этого: ни травы, ни цветов, ни птиц, ни ласкового апрельского солнца – не видела Зарнигяр-ханум, проплакавшая всю ночь: глаза ее распухли», [4, С.6]. Читая описание Куры, читатель чувствует боль и обиду разочарованной, обманутой женщины. К обрыву эту несчастную женщину привело ее женское горе: любимый муж Джахандар-ага привел в дом, где уже есть она, создавшая этот дом, другую женщину. Получается, что теперь она ему не нужна, он полюбил другую, а ведь у него дочь-невеста и взрослый сын. Неспроста в романе звучат грустные голоса птиц-анадилей: «Нашел?» - спрашивала одна. «Нет», - откликнулась другая» [4, С.200]. В голосах этих птиц было столько печали, словно они вобрали в себя всю грусть героини.

Природа рядом с героями романа, например, во второй главе первой части романа описывается борьба между поднявшимся от Куры туманом и вечерним ветром: «Этот вечерний ветер, пролетая над травами, над полями, где росла пшеница попеременно с алыми маками, достиг берегов Куры и начал от-

теснять туман, погнал его вниз по течению реки» [4, С.19]. Туман «упрямо наползал на плоские островки среди Куры, путался в кустах, цеплялся за кроны деревьев» и далее «он исчезал, словно таял» [4, С.19]. Солоухин в передаче образа тумана использует созвучные глаголы «наползал», «путался», «цеплялся», «исчезал» и «таял».

Образ тумана созвучен был настроению обитателей дома Джахандар-аги. После скандала, который произошел утром, все в доме находилось в горести и печали. Однако исчезновение тумана, может быть, стало намеком на то, что спокойствие воцарится в этом доме опять, и все будет по-прежнему. Гнев Джахандар-аги, Зарнигар и Шамхала пройдет, отец и сын раскаются в содеянном. Образ вечернего ветра встречается и в других частях романа. В главе, где рассказывается о возвращении Аллахяра, получившего известие об исчезновении Мелек: «...вечерний ветер, облизывая вдоль ущелий травы, обвевал его» [4, С.52]. Здесь переводчик снова мастерски пользуется деепричастие «облизывающая». Есть в этой главе красочное описание заката: «Солнце, спрятавшееся за горами, окрасило облака на западе в розовый цвет» [4, С.51]. Далее идет изображение холмов, которые «уже залила густо-черная тень, только их горбатые макушки все еще золотисто подсвечивались закатным небом» [4, С.51].

В романе пейзажные зарисовки становятся свидетелями и предвестниками кровавых и трагических событий. Например, в главе, где Рус-Ахмед и Черняевский пытаются уговорить сельчан отдать своих детей в Горийскую семинарию, есть описание холма посреди села, где и проходит собрание сельчан: «...холм посреди села, осененный ширококрылым тутовым деревом, повидал многое...» [4, С.155]. Юноши пускали в ход кулаки, иногда обнажались и кинжалы, и тогда проливалась кровь. Здесь люди клялись в своей невинности, мирились. И на этот раз могла пролиться кровь Рус-Ахмеда и Черняевского, если бы не вмешался Джахандар-ага. Любит природу родного края и красавица Мелек. После того как она стала женой Аллахяра она тосковала, «подолгу сидела над водой, глядела вдаль на зеленые островки, на другой берег, на скалу, поднимающуюся в одном месте из воды и обтекаемую водой. Ей снились ущелья, пахнущие мятой, опасные горные тропы» [4, С.30]. Очень красочно и живописно автор романа описывает горный пейзаж в главе, где обитатели села Гейтепе, в том числе и семья Джахандар-аги переселяются на эйлаг в знойные летние дни.

Большую роль в воссоздании национальной картины мира играет пейзаж, он дает представление о мире, изображаемом художником. Без описания природы невозможно эстетическое воздействие ни одного художественного эпического произведения. Не является исключением и роман «Буйная Кура», оказывающий влияние на воспитании чувства прекрасного.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алиева С. Человек в меняющемся мире. Баку: Язычы, 1980.
2. Гулиев Г. Рубежи прозы. Баку: Язычы, 1982.
3. Суровцев Ю. Судьбы народные. – в кн. И.Шихлы «Буйная Кура». М.: Художественная литература, 1976.
4. Шихлы И. Буйная Кура: Роман. Перевод с азербайджанского В.Со-лоухина. М.: Советский писатель, 1971.

ФИЛОСОФИЯ

УДК 02

ЕВРОПЕЙСКАЯ МОДЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННО- КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Габеев В.В.

EUROPEAN MODEL OF STATE AND CONFESSIONAL RELATIONS

Gabeev V.V.

Автором рассматривается европейская модель государственно-конфессиональных отношений. На существование этой специфической модели указывают общие принципы, которые в различных формах и с различной силой повторяются в правовых системах всех европейских стран. В статье анализируются такие принципы, как защита частного права на религиозную свободу, неправомочность государства в религиозных вопросах и независимость религиозных общин, «избирательное» сотрудничество между государством и религиозными общинами.

It is considered a European model of state and confessional relations. General principles that are repeated by different forms in law systems of all European countries prove the existence of this specific model. It is analyzed such principles as: protection of privacy of religious freedom; incompetence of state in religious issues and independence of religious communities; “selective” cooperation between state and religious community.

Ключевые слова: модель государственно-конфессиональных отношений, свобода, законность, сотрудничество между государством и религиозными общинами, национальная идентичность, модернизация.

Keywords: model of state and confessional relations, freedom, law, cooperation between state and religious communities, national identity, modernization.

Говорить о том, что есть специфическая европейская модель отношений между государством и религиями позволяют общие принципы, лежащие в основе различных национальных систем, которые показывают существование некой модели отношений, основанной на трех принципах, которые в различных формах и с различной силой повторяются в правовых системах всех европейских стран: защита частного права на религиозную свободу; неправомочность

государства в религиозных вопросах и независимость религиозных общин; «избирательное» сотрудничество между государством и религиозными общинами.

Попытаемся раскрыть эти принципы подробнее. Большинство стран Западной и Восточной Европы, а также Россия в 1968 году, подписали Пакт о гражданских и политических правах [7], где в частности говорится: «В тех странах, где существуют этнические, религиозные и языковые меньшинства, лицам, принадлежащим к таким меньшинствам, не может быть отказано в праве совместно с другими членами той же группы пользоваться своей культурой, исповедовать свою религию и исполнять ее обряды, а также пользоваться родным языком» [2]. Некоторые страны подписали Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод, где в ст.14 запрещена дискриминация по каким бы то ни было принципам и основаниям, включая религиозные предпочтения [10]. Кроме того, государства-члены Европейского союза подписали Парижскую Хартию основных прав для новой Европы [4], содержащую установление такого же содержания. Однако формулировки статей Пакта, Конвенции и Хартии неодинаковы, что позволяет говорить о нетождественности государственной политики по данному вопросу. Несмотря на это, теоретические различия между реализацией этих правил не являются решающими, так как содержат ключевую мысль, имеющую целью гарантировать соблюдение свободы мысли, совести, религии и признание права выражать отдельно или вместе с другими, публично или частным образом свою религию или убеждения с единственным ограничением, установленным законом и необходимым для защиты таких основополагающих либеральных ценностей, как общественный порядок, здоровье или мораль, права и свободы других.

Можно констатировать, что в Западной Европе сложилось унитарное понятие религиозной свободы, которое распространяется и на другие части европейского континента. Наверное, можно распространить это представление и на Конституцию Соединенных Штатов, где в Первой поправке защищается религиозная свобода так же полно, как и в европейских конституциях. Это доказывает, что в особо важных частях - отказ от военной службы на религиозных основаниях и медицинского лечения, учет религиозного элемента при воспитании и усыновлении несовершеннолетних - решения, принятые в различных странах, не отличаются друг от друга. Понятие религиозной свободы здесь рождено в столкновении христианских корней со светскостью, образующей историческое и культурное своеобразие Европы.

В основе понятия религиозной свободы лежит идея приоритета личного сознания, а именно, право каждой личности принимать решение об исповедании той или иной религии, которую человек абсолютно свободно считает соответствующей его совести без того, чтобы этот выбор повлек за собой

какие-либо негативные правовые санкции. Так понимаемая религиозная свобода приводит к тому, что, во-первых, в Европе у христиан (куда мы относим православие, католицизм и протестантизм) последователь иной религии не подлежит вследствие своего религиозного выбора или выбора его совести какому-либо умалению его гражданских и политических прав, положенных всем гражданам, а значит, имеет право не только выбирать религию, но и уходить из нее или менять ее. Во-вторых, религиозная свобода должна уважать основополагающие ценности, на которые указывает Европейская конвенция по правам человека (статья 9) [8] - общественный порядок, здоровье или мораль, защита прав и свобод других. Член религиозной общины, который преступает границы своими действиями, письменными или устными заявлениями, будет наказан, как любой другой человек и не может ссылаться на послушание какому-либо предписанию своей религии в качестве основания для безнаказанности. Однако эти границы свободы касаются только формальных проявлений религии, а не самой веры как таковой, так как никто не может быть наказан только за принадлежность к какой-либо религиозной группе.

Проблема же неправомочного вмешательства государства в религиозные вопросы, уходит корнями одновременно и в христианское вероучение, и в либеральную мысль. Она соответствует теории двух истин, сложившихся еще в эпоху Возрождения и оформленную Просвещением, «божественной» и «мирской», где одновременно признаются две власти, религиозная и светская, и каждая имеет свое собственное устройство и правомочна самостоятельно выстраивать отношения внутри себя. В то же время эта идея отражает светский характер современного государства - религия является частным делом, надзирать за которым государство не имеет права. Неправомочность государства в религиозных вопросах находит свое самое очевидное подтверждение в признании независимости и автономии религиозных вероисповеданий, что зафиксировано в конституциях Германии (Ст. 140), Италии (Ст. 8), Ирландии (Ст. 44), Чешской Республике (Ст. 16 Хартии основных прав и свобод) и Польше (Ст. 26), а также содержится в постановлениях Конституционных судов, как в случае Венгрии, и почти всегда повторяется в конкордатах и договорах, заключаемых между государством и некоторыми религиозными группами. Но даже в странах, где такого признания нет - в частности, в странах Северной Европы, где действует система национальной церкви или государственной церкви - автономия религиозных общин считается следствием принципа коллективной религиозной свободы и, следовательно, границей, которую государственная власть не должна переступать.

Самое важное различие, которое с точки зрения автономии религиозных общин, существует в странах Европы, касается протяженности этой независимости: доктринальный профиль дает возможность свободно определять систе-

му веры, организационный - возможности иметь свою собственную правовую систему и самоуправление. Но даже в странах Северной Европы государственная власть старается, даже при юридической возможности, все меньше вмешиваться во внутреннюю организацию религиозных исповеданий (в Англии рукоположение женщин в священство сначала утверждается Генеральным Синодом Церкви Англии и после этого становится законом по решению британского парламента; в Швеции реформа церковно-государственных отношений развивается параллельными мерами - решением парламента и решением Синода Церкви Швеции). Однако в некоторых странах Европейского Союза епископы назначаются главой государства, а священники считаются государственными служащими. В общем же можно утверждать, что не только доктринальная, но и организационная независимость религиозных вероисповеданий находит все большее распространение: история Церкви Англии или Церкви Норвегии на протяжении XX и начала XXI века ясно свидетельствует о либерализации этого процесса даже в странах, которые сохраняют тесные связи между церковью и государством.

Автономия религиозных общин различна, но принцип независимости распространяется не только на религиозные общины, не утверждается в той же степени и с той же силой в отношении организаций светского характера. Современное светское государство переходит границу, разделяющую его и религиозную организацию только в исключительных случаях (например, когда в общине совершается тяжкое уголовное преступление) но, в целом, развитие доктринального наследия и внутренней организации религиозных вероисповеданий в значительной степени отстранено от контроля государственной власти. Из принципа неправомочности вмешательства государства в дела церкви проистекает самое важное следствие, которое касается широты доктринальной автономии религиозных организаций в том смысле, что они не могут стоять вне закона только потому, что их вероучение содержит установления, противоречащие законам государства (это означает, что мусульманин подпадает под уголовное преследование, если заключит полигамный брак, но то же наказание не будет применено ко всей мусульманской общине вследствие того, что она считает такой брак законным по своим религиозным установлениям).

Сотрудничество между государством и религией может иметь различный объем, различные цели, может материализоваться в самых различных формах, иногда это сотрудничество осмысливается и регулируется в виде конкордатов или договоров между государством и религиями, в других случаях формы сотрудничества с религиями упорядочиваются односторонними государственными законами. В некоторых случаях в одном и том же государстве сосуществуют обе системы сотрудничества: в Италии, например, формы сотрудничества между государством и основными религиями регулируются конкордатами и

соглашениями, в то время как сотрудничество с основными представленными религиями регулируется односторонними законами.

Эта схема показывает, что выбор юридических инструментов не является показателем желания или нежелания государства к сотрудничеству с концессиями, представленными на территории той или иной страны. Разделяющие государство и Церковь страны с государственной Церковью или национальной Церковью, страны с конкордатами - все сотрудничают с религиозными организациями по степени и интенсивности, не зависящей от этой эмоционально-экзистенциальной характеристики. Корни этой тенденции находятся в сущностных характеристиках либерального государства, которое в рамках концепции модернизации выработало генетический код, приводящий формальному равенству всех общественных, религиозных и нерелигиозных организаций. Сотрудничество - обычный способ управления в современном государстве, а религия так же вписывается в этот рисунок. Государства Европы готовы поддерживать отношения сотрудничества со всеми религиозными организациями, подобно сотрудничеству с общественными организациями. Однако сотрудничество государства с религиозными организациями представляет собой особый элемент вследствие того, что государство не правомочно вмешиваться в религиозные дела в сфере, где действуют религиозные общины.

Из этой неправомочности государства в делах религии следует, что сотрудничество государства не может зависеть от принятия - религиями - доктринального содержания или юридических структур в соответствии с ценностями, на которых основано государство. Это всегда было причиной напряженности, особенно, когда в европейском правовом пространстве появились «инородные» христианству религиозные группы, в частности, ислам и некоторые так называемые «новые религиозные движения» - сильно отличающиеся по принципам, построению и поведению от ценностей и правил, разделяемых европейскими «аборигенами». Государственная власть стоит перед альтернативой: либо отказать этим религиозным группам в сотрудничестве, рискуя нарушением принципа равенства и, косвенно, самой идеи либерализма; либо сотрудничать с такими организациями, которые на уровне доктринальных заявлений и практического поведения отрицают во имя своих религиозных предписаний равенство между мужчинами и женщинами, соблюдение свободы совести и религии и другие краеугольные камни гражданского сосуществования, выработанные западной либерально-правовой традицией.

В целом, государства Европы предпочитают сотрудничать со всеми религиозными группами, но делать это разборчиво. Почти во всех странах Европы государство сотрудничает с религиями, прямо и косвенно поддерживая их материально, но эта экономическая помощь не одинакова (в Бельгии, например, государство платит священникам только шести признаваемых вероиспо-

веданий; в Испании только верующие религиозных общин, которые заключили особый договор с государством, могут вычитать из своих налогов пожертвования, сделанные ими своей религии; в Греции Православная церковь получает финансовую поддержку от государства, которая превышает помощь, получаемую другими религиозными организациями). Эта модель повторяется везде, где существует сотрудничество между государством и религией. Некоторые европейские государства разрешают религиозное образование в государственных школах, но учить можно не всем религиям и не на равных условиях (в Италии преподавать религию можно только шести вероисповеданиям, заключившим соглашение с государством, и из них государство платит только католическим преподавателям; в Португалии прописку в государственных школах имеет только преподавание католичества.)

Во многих странах Европейского Союза усматривается диспропорциональная модель, хотя и со значительными вариациями. Низший уровень занимает группа вероисповеданий, поддерживающих очень ограниченное сотрудничество с государством. Как правило, они получают юридический статус через формы, установленные для объединений, и тогда могут делать то, что необходимо для их существования, но они не получают финансовой поддержки от государства, не имеют доступа к государственным средствам информации и связи, не могут преподавать свое учение в школе. Эти религиозные группы регулируются общим законом, который регулирует все, а не только религиозные объединения.

Вторая группа занимает более высокую позицию, так как они (религиозные объединения) получают поддержку от государства в виде освобождения от налогов или субсидий, их духовенство может совершать религиозные обряды с гражданскими последствиями (например, совершать бракосочетания), предусматриваются отчисления на строительство культовых зданий и т.д. Эти организации регулируются особыми правилами, а не общим законом для объединений, и их перемещение по вертикали подлежит определенному государственному контролю. Так, в Испании и Швеции это происходит при регистрации этих религий, в Италии - через их признание в соответствии с законом о признанных религиях.

Иногда религиозные организации пользуются максимальным сотрудничеством с государством. И это уже уровень национальных и государственных церквей: Католической церкви в «конкордатных» странах, Православной церкви в Греции, религиозных общин, с которыми заключены соглашения в странах, предусматривающих эту форму регулирования отношений между государством и религиями, и во всех этих случаях отношения между государством и отдельной религией регулируются особыми правилами, которые наилучшим образом отвечают потребностям данной религиозной организации.

Описанная диспропорциональная модель, безусловно, идеальна и не применяется в полной мере ни в одной стране Европейского Союза. В одних случаях для действующей правовой системы характерно выделение каких-либо особых ступеней сотрудничества, в других - не делается отличие между общим законом об объединениях, специальными правилами для религиозных организаций и особым законом для одной. Кроме того, права и полномочия, соответствующие различным уровням такой модели во всех странах Европы различны, но во всех случаях сотрудничество государства с религиозными объединениями и организациями избирательно. Эта избирательность относится также к независимости, которой пользуется религиозная организация в государственной правовой системе, где широта и глубина меняется в зависимости от конкретной религиозной организации, даже если это происходит по не всегда соответствующим критериям, которые определяют выбор решений в области сотрудничества между государством и религиями.

Каковы же условия, устанавливающие это выбор и ранжир в сотрудничестве, предлагаемом европейским государством религиозным организациям? Совместимы ли эти критерии с принципами неправомочности государства в религиозных вопросах? И совместимы ли эти критерии с принципом равенства, утверждаемым всеми конституциями государств-членов Европейского Союза? Конституции всех государств Европы содержат правила, гарантирующие свободу объединений, преследующих законные цели. В этой области каждая конституция закладывает более конкретные положения, обязывающие государство сотрудничать с некоторыми институтами и объединениями. Это означает, что, гарантировав всем законным объединениям сферу свободы, государство может регламентировать свое сотрудничество в соответствии с характеристиками этих объединений и их целями. Во многих странах, например, добровольные объединения и некоммерческие объединения пользуются более благоприятным организационным порядком или налоговой системой, чем другие объединения. Поэтому, государственная власть может, таким образом, выбирать и определять свое сотрудничество с организациями светского характера в соответствии с их характеристиками и целями. А, применим ли такой же критерий к сотрудничеству с религиозными организациями, несмотря на неправомочность и ограниченность государства в религиозных вопросах?

Наверное, на этот вопрос можно дать утвердительный ответ. Неправомочность государства исключает всякое вмешательство и, следовательно, всякую дифференциацию на основе учения или внутренней организации религиозных объединений, но не исключает возможность оценивать поведение, соответствующее предписаниям религии, но относящееся, прежде всего, к гражданскому сосуществованию. Даже когда это происходит в контексте законности, это поведение может представлять различную степень достоинства

с точки зрения государства: поведение может по-разному способствовать развитию тех ценностей, - достоинства человеческой личности, демократического сосуществования, свободы совести, равенства и т.д. - которые составляют основу порядка в политике и мире в европейском обществе. На этой основе и возможна градация сотрудничества между государственной властью и религиозными организациями и независимости, которой они пользуются в государственной системе, без нарушения принципа неправомочности государства в религиозных вопросах.

Это общий показатель, переведенный на язык правовых положений, которые отличаются друг от друга в зависимости от конкретного государства (мусульманская община в Испании заключила соглашение с государством, а во многих других странах Европы она продолжает регулироваться в формах общих для групп, с которыми государства имеют более сокращенное сотрудничество). Религиозные общины, поощряющие у своих последователей поведение, удовлетворяющее принципу, на котором основано гражданское сосуществование, пользуются большей степенью автономии и сотрудничества, чем религии, основанные на ином сочетании ценностей.

Безусловно, эта избирательность автономии и сотрудничества не свободна от критики, так как на деле она благоприятствует мировым религиям с точки зрения количества верующих, исторического присутствия в стране и социальной значимости. Как правило, религиозная организация, присутствующая в стране в течение длительного периода времени, имеющая последователей и встроенная в социальные структуры, - это организация, которая способствует формированию культурной и социальной идентичности народа и потому, как правило, хорошо гармонирует с правилами и ценностями этого народа. Каждое общество на самом деле основано на коренных, относительно устойчивых ценностях и принципах, формирующих его идентичность и представляющих особый и характерный именно для него вклад, который оно может внести в диалог с другими обществами. Развитие и эволюция этой идентичности образует главный путь, позволяющий избежать соглашениям между различными цивилизациями и выравнивания их различий. Эти коренные общие ценности образуют не только контрольную точку, ориентирующую развитие политической и правовой системы. Оно образует также неустрашимые рамки, в которых должны найти свое место ценности других групп (культурных, этнических и религиозных), имеющих отношения с группой большинства и живущих постоянно в ее географической области. Это влечет за собой выбор, в котором следует сначала определить ценности и принципы, формирующие европейскую идентичность в частности, затем внутри этого произвести разделение на то, что усиливает эту идентичность, и на то, что относится к более поверхностному слою и поэтому может обсуждаться и, наконец, оценить пути перевода этих

принципов и ценностей на язык права.

С этой точки зрения, европейская модель отношений между государствами и религиозными организациями гарантирует широкое и четко определенное пространства свободы для всех религий, в том числе самых новых и самых далеких от традиционно разделяемых социальных ценностей. В этой области всем религиям гарантируется возможность не только жить, но и развиваться при обеспечении правовых инструментов, необходимых для гарантии личной и общей религиозной свободы, а также соблюдения внутренней автономии религиозной группы. Естественно, это правило применяется не всеми государствами Европейского Союза, которые перед лицом проникновения ислама и так называемых «новых религиозных движений» иногда прибегают к двойным стандартам в соблюдении права на свободу. Однако Европа пытается сохранить определенную пропорцию между сотрудничеством и поддержкой, предоставляемыми различным религиозным организациям, так как по их мнению если дистанция слишком велика, страдает не только равенство, но и личная религиозная свобода, которая сужается, если разница в правовой дисциплине различных религий становится слишком большой. На самом деле между личной свободой и равенством религиозных групп есть определенная связь, так как чем больше неравенство между религиями, тем ограниченной рискует стать свобода каждого члена менее привилегированной группы. Также европейское сообщество пытается, хотя бы формально, гарантировать мобильность религиозных организаций по вертикали. Европейская модель государственно-конфессиональных отношений стремится стать открытой для модернизации, пытается постоянно соответствовать, провозглашенному ею же тождеству социальной и правовой реальности, чтобы избежать возможных неожиданных «поломок», если система отношений между государствами и религиозными организациями не будет отражать изменения в религиозной картине современной Европы. Европа предлагает уменьшить степень дискреционных полномочий, которыми пользуется государственная власть при установлении уровня, на котором каждая религия получает доступ к движению по иерархической лестнице, и обеспечить эффективную систему претензий к решениям исполнительной власти. При соблюдении этих условий европейская модель пытается не только выжить, но, возможно, стать рациональным инструментом посредничества между «старыми» и «новыми» европейцами, осуществить модернизацию общества путем интеграции общин последней волны эмиграции и религий меньшинства.

Однако, на наш взгляд, попытка рационализировать перемены в социальном порядке «модернизируемого общества» являются спорными. Дело в том, что Концепция модернизации, явившаяся результатом возрожденческого гуманизма, есть один из содержательных аспектов концепции индустриа-

лизации, а именно – теоретическая модель семантических и аксиологических трансформаций сознания и культуры в контексте становления индустриального общества. Современная концепция цивилизационного поворота как перехода от цивилизаций локального типа к глобальной цивилизации выдвигает, как один из многих, идеал религиозного и всякого иного многообразия. Это так, но, выдвигая такой идеал, почему-то не учитывается, что среди основных характеристик модернизируемого общества фиксируются презумпция принципиальной открытости системы мира; интенция на инновацию; отказ от классической идеи «гармонии» мира; рождение «нового человека», «сверхчеловека», революционера; антинормативизм как норма; идеи вариативности и плюралистичности и мн. др. И как в таком случае, возможно, говорить о стратегии формирования универсальных принципов сосуществования, преодолении конфликтности и интеграции, когда сама идея модернизации предполагает хаотическое (неупорядоченное) бытие человека, этноса, народа и т.д.

Более того, процесс реформирования Европы в контексте либерально-демократической правовой доктрины приобрел деструктивный характер, а традиция упорядочивания национально-культурного и религиозного основания жизни с позиций не только закона, но и ее нравственных и метафизических истоков вообще не рассматривается. Избежать подобной ситуации можно, обратившись к историческому опыту государственно-конфессиональных отношений в России.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бурьянов С.А., Мозговой С.А. Государственно-конфессиональные отношения и тенденции трансформации Законодательства о свободе совести // Юридический мир. 2001. N 12.
2. Бюллетень Верховного суда РФ. 1994. № 12.
3. Государство и религиозные объединения. Материалы научно-практической конференции (25 января 2002 г.). М., 2002.
4. Известия. 1990. 22 ноября.
5. Конституции Румынии (Ст. 29), Венгрии (ст. 60) и Чешской Республики (Ст. 15 и 16 Хартии основных прав и свобод, которые являются частью конституционной системы). См. Государство, право и межнациональные отношения в странах западной демократии. М., 1993.
6. Материалы международной научно-практической конференции «Государственно-конфессиональные отношения: теория и практика». 30 марта 2010 г. - 30 марта 2010 г., Россия, Оренбург.
7. Международная защита прав и свобод человека: Сборник документов. М., 1990; Международное публичное право: Сборник документов. М., 1996.
8. Международное публичное право: Сборник документов. М., 1996.
9. Сипко Ю. Две концепции и семь принципов. Российские баптисты об альтернативных проектах церковно-государственных отношений // НГ-Религии. 2001. 10 окт.

10. Собрание законодательства РФ. 2001. №2. Ст.163.

11. Стамболиди А.В. Советская государственная религиозная толерантность середины 60-х // Государство, религия, церковь в России и за рубежом: Информационно-аналитический бюллетень. № 1-2 (38-39). М.: Изд-во РАГС, 2007.

УДК 174: 351.74

**СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИЦИЯ:
СЛУЖЕНИЕ СООБЩЕСТВУ НА ОСНОВЕ
ДЕОНТОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА**

Яблонская Л.М.

**MODERN POLICE: SERVICE OF THE COMMUNITY BASED
OF THE DEONTOLOGICAL APPROACH**

Yablonskaya L.M.

В статье на основе документов международных организаций рассматриваются основополагающие ценности современной полиции. Особое внимание автор уделяет использованию деонтологического подхода к деятельности полиции. Служение сообществу и этичность полицейских рассматриваются как необходимое условие реформирования полиции демократического государства.

In article on the basis of original documents of international organizations are considered the core values of modern police. Author pays special attention using a deontological approach to policing. Serving the community and police ethics are considered as a prerequisite for police reform of the democratic state.

Ключевые слова: современная полиция, деонтологический подход, этика, ценности, служение сообществу, добросовестность, подотчетность, доверие, партнёрство.

Keywords: modern police, the deontological approach, values, serving the community, integrity, accountability, trust, partnership.

В правовом демократическом государстве деятельность полиции является наиболее видимым проявлением государственной власти в области обеспечения безопасности социума. В Рекомендации Комитета министров государствам – членам Евросоюза по Европейскому кодексу полицейской этики записано: «Роль полиции в защите и сохранении верховенства права столь важна, что, наблюдая за поведением полиции в демократическом государстве, можно судить об уровне демократии в нем». Поэтому «правовое государство прежде всего предполагает, что те, кто творят, толкуют и применяют закон, должны подчиняться этому закону» [1]. Между тем деятельность сотрудников российских органов правопорядка не всегда соответствует особенностям правового государства и требует кардинальных преобразований, о чём говорят факты неподобающего и даже преступного поведения отдельных сотрудников. В связи с этим повышение качества и эффективности правоохранительной дея-

тельности – крайне важная и актуальная для России проблема. Преобразование милиции в полицию, реформирование системы органов правопорядка предполагают знание и учёт международного опыта.

За последние тридцать лет международное сообщество накопило значительный позитивный опыт эффективных практик повышения уровня работы служб полиции, обобщением которого занимаются ООН, ОБСЕ, Интерпол, Европол и др. международные организации. Основной акцент в демократическом государстве делается на служение сообществу и этичность полицейских, что воплощается в деонтологическом подходе к деятельности лиц, осуществляющих такие социально значимые функции как правоохранительная. Более подробно на сущности деонтологического подхода мы останавливались в других публикациях [2]. Здесь же напомним, что к представителям социально значимых профессий предъявляются особые требования, связанные со спецификой их профессии и необходимостью должного осуществления профессиональных обязанностей. В этом контексте служение сообществу и этичность сотрудников - неперенные атрибуты деятельности лиц, наделённых властью, обладающих особыми полномочиями, в том числе правом действовать по усмотрению, применять оружие и т. д.

Особое внимание при этом уделяется такому внутреннему регулятору, как персональное мировоззрение, ядро которого составляют ценности. По мнению Л.Г. Минасян, сам «человек дает себе свободный закон и исполняет его в качестве внутреннего закона саморазвития» [3, с.143], и, добавим, внешнего действия. Таким законом для полицейского являются этические ценности. Уважение людей, служение обществу рассматриваются ныне как аксиомы должного поведения сотрудника полиции. Важно понимать и то, что выбор профессии полицейского носит моральный характер. Значение морального фактора в последующем только возрастает. По современным стандартам сотрудник должен систематически проходить этически ориентированное обучение, совершенствуя свои знания в области профессиональной этики и деонтологии, включая деонтологические документы (миссию, своды высших ценностей, присягу, этические кодексы и кодексы поведения). Более того, изучение этической стороны всех профессиональных действий рассматривается как необходимый элемент обучения и практики.

Специалисты ООН считают, что обеспечение этичности и добросовестности полиции является основополагающей предпосылкой должного осуществления деятельности и надлежащего управления. Это необходимо для установления доверия общественности, так как «степень доверия и уверенности нации в своей полиции отражает степень доверия к правительству и уверенности в нем» [4]. Воспитание добросовестности личного состава достигается за счёт принятия основополагающих ценностей и следования им. Это важно,

так как, по мнению Организации экономического сотрудничества и развития (Organisation for Economic Co-operation and Development, (OECD) определение «основных ценностей является первым шагом к созданию единого понимания в обществе ожидаемого поведения государственных должностных лиц» [5]. Считается, что организации, принимающие высшие ценности, обеспечивают охрану правопорядка на основе этических принципов. Проведенное OECD исследование показало, что наиболее упоминаемыми основополагающими ценностями национальных государственных служб Европы являются беспристрастность, законность, добросовестность и честность, прозрачность, эффективность, равенство, ответственность и подотчетность, справедливость [5]. Эти же ценности принимаются в качестве высших ценностей местных организаций полиции.

Примером действенности рассматриваемого нами подхода является Королевская канадская конная полиция (Royal Canadian Mounted Police, RCMP). Служение гражданам Канады, обеспечение отличной службы на основе высших ценностей и этики, нацеленность на повышение социальной ответственности и этичности сотрудников, стремление оправдать доверие населения считаются прочным фундаментом её развития. В руководстве «Ethics and Integrity in the RCMP» (Этика и добросовестность в КККП) записано: «В целях сохранения этого доверия мы ответственны за соответствие высоким ожиданиям канадцев как в нашей личной, так и в профессиональной этике. Наше этическое поведение должно быть очевидным во всем, что мы делаем» [6]. Местные службы полиции Канады также уделяют большое внимание этическим ценностям. На их официальных сайтах размещаются тексты деонтологических документов, в которых особое внимание уделяется миссии и высшим ценностям организации. В Миссии департамента полиции г. Броквилл записано, что полицейская служба города в ответ на потребности многокультурного и мультикультурного сообщества поддерживает стандарт передового опыта в области профессионального поведения и служения общине. Интересно, что полиция города самым важным ресурсом считает людей. В соответствии с этим полицейская служба утверждает и поддерживает намерение служить общине, соблюдать справедливость и беспристрастность, честно осуществлять общение с коллегами и с сообществом, проявлять сострадание к жертвам преступлений, непрерывно совершенствоваться и обучаться [7].

Миссия службы полиции г. Брэнтфорд ориентирована также на служение в целях повышения качества жизни граждан, обеспечение и содействию общественной безопасности на основе партнерства с общиной. В Заявлении ценностей утверждается, что полиция убеждена в правах и ответственности всех лиц за соблюдение законов Канады; в необходимости активных партнерских отношений с сообществом, направленных на поощрение взаимного ува-

жения и ответственности; в важности справедливого, объективного, с уважением и достоинством отношения ко всем лицам; в достижении безопасности путем защиты людей, имущества и окружающей среды; в признании ценности человеческих ресурсов и приверженности их непрерывному развитию; в максимальной степени личной и профессиональной добросовестности; в подотчетности сообществу при оказании высококачественных услуг [8]. Как видно из приведённых документов, службы полиции Канады при определении содержания деонтологических документов учитывают местные особенности и приоритеты, но главным признают ориентацию на высшие этические ценности и служение сообществу.

Учитывая накопленный международный опыт, ООН в целях обеспечения добросовестности и подотчетности полиции рекомендовала применять кодексы поведения, стратегии обеспечения добросовестности, заявления о ценностях и видении развития, миссии, а также разрабатывать механизмы мониторингов, контроля и надзора за поведением сотрудников полиции и осуществлением возложенных на них функций. ООН предложила совершенствовать процессы управления с учётом проверок добросовестности, создавать на уровне общин механизмы мониторинга поведения полицейских, разрабатывать учебные стандарты и материалы, особенно в таких ключевых областях, как этика, уважение и соблюдение прав человека, подотчётность и др. В демократическом государстве подотчётность и социальный контроль является важными регуляторами деятельности и поведения служащих полиции. Считается, что «наличие четкой системы подотчетности, эффективный надзор и следование принципам транспарентности в деле обеспечения добросовестности могут повышать и поддерживать доверие и уверенность населения в полицейской службе» [4].

Подотчетность полиции гражданам, государству и закону считается важным элементом контроля и в ОБСЕ. В «Руководстве по демократическим основам полицейской деятельности» этот вид профессиональной работы рассматривается как общественная служба, где на первое место поставлены приоритеты граждан. Деятельность полиции – от поведения отдельных сотрудников до стратегий полицейских операций, процедур назначения и управления бюджетом - должна быть открытой для пристального изучения различными институтами надзора [9]. Открытость полиции, диалог и взаимопонимание с общественностью создают условия для социальной поддержки. Поэтому предписания с определением роли, ценностей, миссии, целей и приоритетов, норм и правил полиции должны быть точными и доступными для населения. На этой основе создаётся доверие общественности и уверенность в полиции, что становится предпосылкой её эффективной деятельности. В этом контексте понимание необходимости согласия между полицией и населением - одна из

основных черт демократических основ полиции. Для поддержания доверия населения полицейские должны демонстрировать профессионализм и добропорядочность, следуя кодексу профессионального поведения. При этом они должны выполнять свой долг честно, беспристрастно и результативно, учитывая интересы общественности и людей, которым служат [9].

Итак, служение сообществу на основе деонтологического подхода является необходимым условием эффективного и качественного функционирования современной полиции, что важно учитывать в реформировании служб правопорядка России.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Изложение мотивов. Рекомендация Rec (2001)10 Комитета министров государствам – членам по Европейскому кодексу полицейской этики. [Электронный ресурс]. - <http://polis.osce.org/library> (дата обращения: 02.08.2011).
2. См.: Яблонская Л.М. Деонтология полиции [Текст] / Л.М. Яблонская. Челябинск, 2008; Яблонская Л.М. Место этико-деонтологического подхода в становлении профессионализма служащих полиции / Л.М. Яблонская // Теория и практика общественного развития. - 2011. - № 4. [Электронный ресурс]. - <http://www.teoria-practica.ru/> и др.
3. Минасян Л.Г. Саморазвитие человека в духовной культуре: экзистенциально-антропологический аспект [Текст] / Л.Г. Минасян // Экономические и гуманитарные исследования регионов. - 2011. - № 3.
4. ООН. Работа полиции. Добросовестность и подотчетность полиции. Пособие по оценке систем уголовного правосудия. ООН: Нью-Йорк, 2010. [Электронный ресурс]. - <http://polis.osce.org/library/> (дата обращения: 02.01.2011).
5. OECD Public Management Policy Brief. Building Public Trust: Ethics Measures in OECD Countries. [Электронный ресурс]. - <http://www.oecd.org/dataoecd/60/43/1899427.pdf> (дата обращения: 03.08.2011).
6. Royal Canadian Mounted Police. Ethics and Integrity in the RCMP. [Электронный ресурс]. - <http://www.rcmp-grc.gc.ca/eth/sp-ps-eng.htm> (дата обращения: 13.06.2011).
7. Brockville police. Mission Statement of the Brockville Police Services Board. [Электронный ресурс]. - http://www.brockvillepolice.com/about_bps/mission_statement.htm (дата обращения: 03.08.2011).
8. Brantford Police Service. Mission and Values Statement. [Электронный ресурс]. - <http://www.police.brantford.on.ca/mission.html> (дата обращения: 03.08.2011).
9. OSCE. POLIS - Policing OnLine Information System. Руководство по демократическим основам полицейской деятельности. [Электронный ресурс]. - <http://polis.osce.org/library/> (дата обращения: 31.07.2011).

ЭКОНОМИКА

УДК 332.142.6

ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В ОБЛАСТИ ПРИРОДООХРАННЫХ МЕРОПРИЯТИЙ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ СФЕРЫ РЕГИОНА

Гассий В.В.

PROCESS OF FORMATION OF SYSTEM OF STATE-PRIVATE PARTNERSHIP IN THE FIELD OF NATURE PROTECTION ACTIONS OF INDUSTRIAL SPHERE OF REGION

Gassy V.V.

В статье раскрыты вопросы процесса финансирования инновационной деятельности, направленной на решение экологических проблем производственной сферы. Автор рассматривается разработка инструментария, в частности, экологического мониторинга, способствующего переходу к экологически ориентированной деятельности каждого отдельного субъекта хозяйствования, раскрыт механизм регионального регулирования финансирования эколого-мониторинговых работ промышленных предприятий.

In article pressing questions of process of financing of the innovative activity, directed on the decision of environmental problems of industrial sphere on preservation of the environment are opened. The author in detail considers toolkit working out, in particular the ecological monitoring promoting transition to ecologically focused activity of each separate subject of managing, directed on decrease in harmful influence of the enterprise on environment at achievement of main objectives of economic activities on a way to a sustainable development. The mechanism of regional regulation of financing the ecological monitoring works of the industrial enterprises is opened.

Ключевые слова: система, государственно-частное партнерство, финансирование, природоохранные мероприятия, промышленных предприятий, экологический мониторинг, устойчивое развитие.

Keywords: system, state-private partnership, financing, nature protection actions, the industrial enterprises, ecological monitoring, a sustainable development.

Отсутствие информации по оценке состояния геологической среды урбанизированных территорий Южного федерального округа (ЮФО), изучения условий, способствующих трансформации природно-техногенных процессов в критические, может привести к негативным социально-экологическим последствиям и экологически аварийным ситуациям в отдельных районах и областей региона. Важным инструментом обеспечения изменений состояния окружающей среды под воздействием природных и антропогенных факторов является экологический мониторинг, посредством которого осуществляется контроль за состоянием среды обитания человека. Экологический монито-

ринг - это процесс сбора информации в пространстве и времени о состоянии окружающей среды в глобальном, региональном, национальном и локальном масштабах для того, чтобы на ее основе производить оценку прошлого и современного состояния окружающей среды и предсказывать будущие тенденции ее изменения, имеющие прямое или косвенное значение для человека. Целью нашего исследования является решение задач управления охраной окружающей среды наиболее эффективным, современным инструментом системы экологической безопасности, которым служит экологический мониторинг и его финансирование при формировании системы государственно-частного партнерства. Благодаря экологическому мониторингу можно получить более полную картину состояния нашей природы. Такие исследования позволяют накапливать и систематизировать полученную информацию.

Главной его задачей является информационное обеспечение природоохранной деятельности и прогнозирование изменений в экосистеме под воздействием техногенного фактора. В первую очередь, экологический мониторинг позволяет максимально грамотно и тщательно проанализировать текущее состояние местности и составить полный план, с максимальной точностью расписывающий разумное использование природных ресурсов и выброса отходов. Своевременная и достоверная информация помогает оценить состояние объекта наблюдения; выявить причины изменения этого состояния и разработать комплекс природоохранных мероприятий, направленных на устранение негативного изменения. В настоящее время в России функционирует несколько ведомственных систем мониторинга (служба мониторинга лесного фонда Рослесхоза, служба мониторинга природной среды Росгидромета, служба мониторинга водных объектов и геологической среды Минприроды и др.), ориентированных на наблюдение и оценку состояния отдельных компонентов окружающей среды и природных ресурсов. Каждая из этих систем функционирует самостоятельно, практически не скоординирована с другими, что, конечно же, является недостатком существующей системы экологического мониторинга.

Важно отметить, что организация процесса принятия управленческих решений на основе результатов экологического мониторинга и оценки является ключевым моментом, без которого система мониторинга не имеет смысла, так как ее результаты станут всего лишь информацией, регулярно «кладущейся на полку». В зависимости от заказчика и специфических целей программы разрабатываются конкретные задачи и вопросы, на которые данные экологического мониторинга и проводимая в дальнейшем оценка призваны ответить. У разных групп потребителей этой информации существуют определенные и часто не совпадающие интересы. Поэтому нельзя говорить о неизменном наборе индикаторов, которые должны отслеживаться, что затрудняет реализацию

на практике [2, С.88-89].

На первоначальном этапе большие проблемы возникают при выборе показателей, которые можно было бы измерять количественно. В эколого-экономической сфере их меньше, так как определенная часть показателей связана с субъективными оценками людей. Преодоление этих затруднений в принципе возможно, если будет построена сложная и высокоинформативная система экологического мониторинга, затраты на поддержание которой могут в несколько раз превысить расходы собственно на программы. Поэтому принятие решения о внедрении механизмов экологического мониторинга неизбежно представляет собой процесс максимизации полезности этой системы, то есть стремления получить как можно больше надежной информации, в рамках жестких бюджетных ограничений. На наш взгляд только развитие межсекторного взаимодействия (власть-бизнес-общество) позволяет более эффективно использовать ресурсы каждого сектора для решения экологических проблем региона. В зарубежной практике уровень развития некоммерческого сектора и межсекторного взаимодействия является одним из индикаторов социо-эколого-экономического развития региона. Однако решение задач по применению экотехнологий в народном хозяйстве требует активной поддержки на государственном уровне и не может опираться только на рыночный механизм, особенно в условиях инновационной социально-ориентированной экономики. В любом случае план построения системы экологического мониторинга должен содержать следующие стадии: построение системы мониторинга экологической обстановки по всем программам и по видам деятельности в рамках одной программы; мониторинг начальных и текущих финансовых административных затрат; использование данных финансового учета и отчетности для решения задач мониторинга и оценки эффективности программ; ведение административной статистики участия в программе и ее результативности.

Достаточно важным организационным вопросом, который следует рассмотреть это вопрос о том, кто должен заниматься информационным обеспечением, разрабатывать и реализовать систему экологического мониторинга в экономике природопользования. Далее для владения полной информацией о состоянии окружающей среды необходимо, чтобы система экологического мониторинга состояла из нескольких иерархических уровней. Нижний уровень должен содержать информацию мониторинга отдельных предприятий, средний – отдельных регионов, а верхний – обобщенную информацию в целом по стране. Информация на всех уровнях должна включать данные по всем объектам мониторинга: атмосфере, гидросфере, земельным ресурсам, недрам, населению. В потоках информации должны содержаться сведения об источниках поступления загрязняющих веществ в окружающую природную среду;

о состоянии здоровья человека; химического и микробиологического анализа воздуха, воды, радиационного анализа. Также важным моментом в процессе совершенствования систем экологического мониторинга является их автоматизация с использованием ЭВМ и программного обеспечения. Автоматические системы мониторинга окружающей среды позволят получать своевременную точную и более полную информацию. Однако реализация таких систем связана с крупными финансовыми затратами. Но, учитывая, что автоматизированный экологический мониторинг имеет общегосударственное значение, источником финансирования его создания должны стать средства экологических фондов различных уровней. А при внедрении автоматизированного мониторинга на каждом конкретном предприятии-загрязнителе к источникам финансирования добавляются собственные средства предприятия.

Существенным и важным рычагом воздействия государства на формирование условий и путей социально-экологоэкономического развития служит система государственного финансирования природоохранной деятельности. Эта система проявляется через капитальные вложения, предоставление займов, ссуд, кредитов, в том числе на льготных условиях, финансирование специальных государственных структур, проводящих и реализующих государственную политику в области охраны окружающей среды. В последние годы признание приоритетности проблем и задач охраны окружающей среды повлекло за собой также создание экологических фондов как дополнительного целевого источника государственного финансирования, средства которого формируются за счёт экологических налогов, платежей за загрязнение и др. Администрацией Ростовской области и Федеральной службой по экологическому, технологическому и атомному надзору заключено Соглашение о взаимодействии по вопросам разрешительной и контрольной деятельности в сфере охраны окружающей среды. Для получения достоверной информации о состоянии окружающей среды осуществлялось финансирование мероприятий по мониторингу и контролю качества окружающей среды, выполняемых Ростовским центром по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды. Государственному экологическому мониторингу подлежат все объекты хозяйственной и иной деятельности независимо от форм собственности, находящиеся на территории Ростовской области, за исключением объектов, подлежащих федеральному государственному экологическому контролю.

Согласно данным экологического мониторинга Ростовской агломерации и области, продолжает прогрессировать нефтепродуктовое загрязнение, которое становится одним из основных потенциальных источников загрязнения геологической среды (грузовые площадки ОАО «Аэропорт Ростова-на-Дону», Ростовская таможня; нефтебазы Лиховская, Сальская и Цимлянская; нефте-

перекачивающие станции (НПС) Родионовская, Екатериновская, Тарасовская, Песчанокопская и др.). Характерным для нефтепродуктовых объектов являются периодически отмечающееся повышенное (до 2 ПДК) содержания нефтепродуктов в подземных водах артезианских скважин, из которых осуществляется водоснабжение этих предприятий. Нефтепродуктовое загрязнение водоносных горизонтов представляет собой практически необратимый процесс и реальную угрозу безопасному использованию ПВ для хозяйственно-питьевого водоснабжения населения. Объемы экомониторинговых работ (за счет средств недропользователей) в этой сфере хозяйственной деятельности незначительны по сравнению с большим количеством существующих и строящихся в последнее время на территории Ростовской области нефтеперекачивающих станций, нефтебаз, складов ГСМ и автозаправочных станций. Экологический мониторинг подземных вод на большей части этих предприятий не проводится (не выполняются условия лицензионных соглашений), либо ведется в «усеченном» виде (отсутствуют программы организации и ведения мониторинга, не оборудованы скважины для этих целей, анализ проб в лучшем случае производится в ведомственных лабораториях, недостаточны состав и количество определяемых ингредиентов, зачастую в подземных водах не определяются нефтепродукты).

Учитывая данные экологического мониторинга, филиалы концерна «ЛУКОЙЛ», находящиеся на территории ЮФО, разработали проект «Программы экологической безопасности на 2009-2013 г. и прогноза до 2017 года», с объемом финансирования мероприятий по ЮФО в объеме свыше 16,4 млрд. руб. Экономический эффект в результате выполнения программы может составить более 12 млрд. руб. В данную программу включены мероприятия по утилизации отходов, утилизации нефтяного попутного газа, реализации механизмов Киотского протокола, увеличения объемов производства экологически чистого топлива по стандартам Евро 4 и Евро 5, обеспечению уровня воздействия на окружающую природную среду, соответствующего требованиям национального и международного законодательства. Программа экологической безопасности «ЛУКОЙЛ» на 2009-2013 г. включает в себя 494 мероприятия общей стоимостью 57,5 млрд. руб. [4]. По ЮФО проведены необходимые мониторинговые мероприятия и выполнен анализ информации по обращению с ртутьсодержащими материалами и отходами за 2007-2008гг. на территории Ростовской области. Анализ показал, что потенциальными источниками поступления в окружающую среду ртути и ртутьсодержащих соединений являются промышленные предприятия, использующие ртутные вентили, устройства и приборы, содержащие ртуть и ее соединения (ОАО «Новочеркасский завод синтетических продуктов», ООО «ПК «Новочеркасский электровозостроительный завод», ФКП «Комбинат Каменский» и др.), а также предприятия, осущест-

влияющие деятельность по обезвреживанию ртутьсодержащих отходов, оснащенные специализированными установками по демеркуризации ртутьсодержащих отходов и материалов (ООО НПП «Промэкология», г. Ростов-на-Дону, ОАО «Донецкая мануфактура», г. Донецк). На контролируемых предприятиях планомерно производятся следующие организационно-технические работы: планирование мероприятий по предотвращению возможного разрушения трубопроводов и выбор вида и метода ремонта; определение объемов работ и сроков их проведения в зависимости от дефектов с учетом загруженности нефтепроводов на рассматриваемый период и в перспективе.

Анализ результатов экологического мониторинга показал, что актуальными остаются проблема утилизации отходов металлургических переделов, вопросы внедрения эффективных, надежных устройств, установок по улавливанию выбросов вредных веществ в атмосферу, строительстве, реконструкции очистных сооружений технологических вод. Выполнение природоохранных работ по снижению влияния отходов на состояние окружающей среды, реализация воздухо- и водоохранных мероприятий по достижению установленных нормативов выбросов, сбросов загрязняющих веществ в окружающую среду в ряде случаев не обеспечивают достаточное снижение уровня негативного воздействия на окружающую среду в зоне влияния объектов металлургического комплекса.

По данным экологического мониторинга, проводимого Центром мониторинга г. Ростова-на-Дону (центра Южного федерального округа), выявлено, что стационарные источники выбросов загрязняющих веществ в атмосферу имеют более 4000 предприятий и организаций. Наибольший вклад в загрязнение атмосферного воздуха вносят объекты 1 - 2 категории опасности по уровню загрязнения атмосферного воздуха – предприятия теплоэнергетического, металлургического, нефтехимического, машиностроительного комплексов, а также объекты транспортной инфраструктуры, и сельскохозяйственные холдинги.

На долю субъектов федерации в составе ЮФО приходится 2,3 млн. т выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух от автотранспорта и около 1 млн. т выбросов от стационарных источников. По суммарным выбросам вредных веществ от автотранспорта и стационарных источников лидирует Краснодарский край (23%), далее следуют Ростовская (19%) и Волгоградская (15%) обл., Ставропольский край (13%). Наибольшие выбросы от стационарных источников вносит Волгоградская обл. (221 тыс. т, или 25%), Ростовская обл. (174 тыс. т, 20%), Краснодарский край (152 тыс. т, 17%), Астраханская обл. (117 тыс. т или 13%). Волгоград, Волгодонск, Волжский включены в список городов России с наибольшим уровнем загрязнения воздуха.

Выбросы загрязняющих веществ в атмосферу от стационарных источников по Южному федеральному округу и Ростовской области представлены в динамике.

	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Южный федеральный округ	813	809,9	801,8	874,9	875,3	860,0	907,0
Ростовская область	148,7	131,6	146,4	173,8	163,3	185,3	175,3

Таблица 1. Выбросы в атмосферу загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников, тыс.т [3]

Что касается выбросов загрязняющих веществ от стационарных источников, то в 2009 по сравнению с 2003 годом по ЮФО они увеличились на 94 тыс. тонн, а по Ростовской области увеличение составило 26,6 тыс. тонн. Загрязнение атмосферного воздуха формальдегидом выше среднего по стране в Волгодонске и Ростове-на-Дону. Выше среднего по стране среднее содержание фенола в Ростове-на-Дону и Новочеркасске. Среднее за год значение фторида водорода в Новочеркасске равно среднему по стране, в Ростове-на-Дону в два раза ниже, что отражено (см. табл. 2) [1, с.23]:

Загрязняющее вещество	Азов	Ростов-на-Дону	Новочеркасск	Среднее значение концентраций загрязняющих веществ в атмосферном воздухе по России, мг/м ³
Взвешенные вещества	0,136	0,185	0,300	0,123
Серы диоксид	0,002	0,003	0,005	0,007
Углерода оксид	2,0	3,0	4,9	1,4
Азота диоксид	0,059	0,54	0,038	0,041
Азота оксид	0,022	0,054	0,09	0,025
Сероводород	-	0,001	-	0,002
Фенол	-	0,004	0,006	0,003
Аммиак	-	0,019	-	0,033
Водород фтористый	-	0,002	0,004	0,004
Водород хлористый	-	-	-	0,004
Формальдегид	0,009	0,01	0,009	0,009
Бенз(а)пирен, С•10 ⁻⁶	1,8	1,9	-	2,1

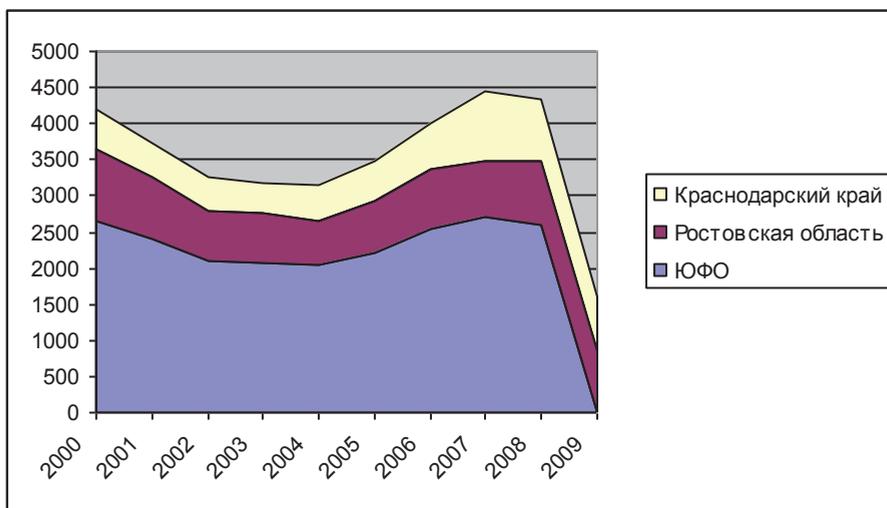
Таблица 2. Сравнение среднегодовых концентраций вредных примесей со средним значением по России, мг/м³

Уровень загрязнения воздуха бенз(а)пиреном, веществом первого класса опасности, во всех городах области ниже среднего по стране, однако, он его со-

держание превышает санитарно-гигиенический норматив качества и остаётся приоритетной примесью. В последнее время происходит динамичное изменение природоохранного законодательства, норм, требований и правил в области окружающей среды, что требует постоянного совершенствования деятельности любого предприятия в вопросах управления охраной окружающей среды. Недостаточный учет экологических факторов в условиях ужесточения требования природоохранного законодательства может привести к возникновению эколого-экономических рисков и быть сопряжено с финансово-экономическими потерями и существенными убытками для предприятия. Значительная роль в инвестиционном процессе Ростовской области принадлежит крупным и средним организациям, доля инвестиций малых предприятий (включая микропредприятия) в общем объеме региональных инвестиций в январе-июне 2010 года практически не изменилась и составила 8,2% от общего объема инвестиций.

В 2009 году предприятиями Ростовской области в рамках реализации программ, направленных на снижение загрязнения атмосферного воздуха, за счет собственных средств выполнен ряд воздухоохраных мероприятий. Выполнение только этих мероприятий позволило сократить выбросы загрязняющих веществ в атмосферу на 104,0 тонн.

Рисунок 1. Уловлено и обезврежено загрязняющих веществ атмосферного воздуха, отходящих от стационарных источников, тыс. т[3]

Произведена в 2009 году реконструкция воздуходувной станции (замена электрооборудования) в сумме 12000 тыс.рублей за счет совместных средств ОАО ПО «Водоканал», федерального и областного бюджета. Наладка оборудования воздуходувной станции в сумме 3600 тыс. рублей профинансирована за счет средств предприятия. Многолетние данные экологического мониторинга по состоянию водных объектов свидетельствуют, что практически все водоисточники, как поверхностные, так и подземные, подвергаются антропогенно-

генному воздействию с различной степенью интенсивности.

В Ростове-на-Дону на реализацию охраны водных объектов израсходовано около 3 млрд. рублей за три года. В городе реализуется региональный инвестиционный проект «Чистый Дон», в рамках программы которого со стороны частного инвестора выступает ООО «АБВК-Эко» (специальная проектная компания, созданная инициатором регионального инвестиционного проекта «Чистый Дон» ОАО «Евразийский»), за счет бюджета субъекта Российской Федерации, средств местного бюджета, средств Инвестиционного фонда РФ и ОАО ПО «Водоканал» начато сооружение городской канализации первой и второй очереди, реконструкция очистных сооружений, что позволит увеличить их производительность; предусмотрено важное мероприятие - ультрафиолетовое обеззараживание стоков, что способствует улучшению качества воды реки Дон по микробиологическим показателям. Ведется работа по реконструкции генерального коллектора, продолжается строительство 53-го коллектора, который проходит по западной части города. Со стороны бюджетных участников проекта предполагается завершить реконструкцию второй очереди очистных сооружений канализации города Ростова-на-Дону, строительство первой очереди канализационного коллектора №62, а также выполнение других работ по инфраструктурному обеспечению очистных сооружений города.

В нашей стране до последнего времени проблемам экологии, и в частности проблеме сброса неочищенных сточных вод не уделялось должного внимания. Правительство в 2010 году предлагает существенно увеличить штрафы за сброс загрязняющих веществ в воду. К 2014 г. штрафы за ущерб нанесенный экологии планируется поднять в 10 раз, а также планируется запретить выдавать временные разрешения за сброс неочищенных сточных вод. Деньги, полученные от повышения штрафов, будут направлены на строительство новых очистных сооружений. Такие шаги приведут к улучшению ситуации в сфере экологии и состоянии водных объектов. У промышленных предприятий, не принявших мер по отводу неочищенных сточных вод, осталось немного времени для решения данной проблемы. Убытки, которые могут понести многие предприятия в связи с приостановкой их деятельности могут быть несоизмеримы со стоимостью строительства очистных сооружений. Главное, что не все это пока осознают, но это отразится в первую очередь на финансовом состоянии самих промышленных предприятий. Многие из них могут заплатить двойную плату – за простой и за строительство очистных сооружений. Государство, потребители товаров и услуг, и сами производители не заинтересованы в том, чтобы промышленность бездействовала, поэтому для всех сторон лучшим вариантом будет уже сейчас приступить к строительству очистных сооружений сточных вод. Инвестиционным проектом «Комплексная программа строительства и реконструкции объектов водоснабжения города Ростова-на-Дону и юго-запада

Ростовской области» предусматривается строительство сооружений повторно-го использования промывной воды и обезвоживания осадка на Александровских очистных сооружениях водопровода. Для реализации инвестиционного проекта предполагается использование, как средств частного инвестора, так и бюджетных средств. В финансировании инвестиционного проекта принимают участие местный бюджет и ОАО ПО «Водоканал». После реализации проекта с 2013 года сброс сточных вод в ручей Кизитеринка сократится с 14278,1 тыс. м³/год до 1041,2 тыс. м³/год [1, с.340]. В план водохозяйственных мероприятий и мероприятий по охране водного объекта на 2010г. включена установка приборов учета сточных вод на ОСК (29 млн. руб., финансирование из городского бюджета). Установка приборов учета на входе сточных вод на ОСК, а также на выпуске очищенных сточных вод в р.Дон, позволит более точно учитывать также объемы образовавшихся в процессе механической и биологической очистки городских сточных вод осадков.

Исследование качества очищенных сточных вод в контрольной точке сооружений выполняется по 40 показателям. В частности, определяется присутствие тяжелых металлов, нефтепродуктов, жиров, биогенных элементов и пр. Под особым контролем - микробиологическое состояние сточных вод и остаточное содержание хлора. Такая частая контрольная «сеть» необходима, чтобы в Дон город возвращал только чистую, без нежелательных примесей и микроорганизмов воду. Созданный Центром мониторинга комплекс горно-экологического мониторинга является неотъемлемой частью системы экологической безопасности угольной промышленности и системы прогнозирования негативных техногенных процессов на территории области. Согласно результатам многолетнего экологического мониторинга ежегодно по 277-ти наблюдательным пунктам специалистами осуществляется более 1000 режимных наблюдений, выполняется столько же лабораторных анализов химического состава шахтных, грунтовых и речных вод, проводится 4000 км маршрутных обследований на территориях неблагоприятного влияния. В результате на ряде шахт принято решения о необходимости строительства очистных сооружений.

Несмотря на все меры по снижению антропогенного влияния на окружающую среду после закрытия шахт, экологические проблемы оказались на много сложнее, чем планировались мероприятия по реструктуризации угольного бассейна. При завершении в 2010 году федерального финансирования Восточного Донбасса, решение экологических проблем окажется непосильным для бюджетов муниципальных образований и областного бюджета, так как требуется расширение сети экологического мониторингового наблюдения. Информации, получаемой при ведении горно-экологического мониторинга не достаточно для формирования базы данных для своевременного устранения

негативного влияния ликвидируемых шахт при их реструктуризации. Единственный выход из создавшегося положения – проведение государственной политики экологического оздоровления Восточного Донбасса путем совместного взаимодействия частного бизнеса, бюджетов всех уровней, экологических фондов в финансировании экологических мероприятий, направленных на минимизацию негативных экологических последствий закрытия шахт угольной отрасли Восточного Донбасса. Комитетом по охране окружающей среды и природных ресурсов администрации Ростовской области принимаются меры и предлагаются конкретные пути дальнейшего решения проблем.

В завершение необходимо подчеркнуть, что в реализации концепции природопользования и экологической безопасности региона, направленных на повышение эффективности использования ресурсов и развитие новых производств, важно добиться высокой степени координации действий государственных структур, органов местного самоуправления и предприятий.

ЛИТЕРАТУРА:

1. О состоянии окружающей среды и природных ресурсов Ростовской области в 2009 году [Текст] / Под ред. Курдюмова С.Г. и др. Экологический вестник Дона, 2010.-370с.
2. Савон Д.Ю., Сафронов А.Е. Современные инструменты государственного регулирования охраны окружающей среды мегаполисов (на примере Ростовской агломерации) [Текст] // Научная мысль Кавказа. Научный и общественно-теоретический журнал. - Ростов-на-Дону: Изд-во Северо-Кавказского научного центра высшей школы ЮФУ, 2010.-№3.- 236с.
3. [Электронный ресурс] Сайт Росстата. Центральная База Статистических Данных.
4. [Электронный ресурс] <http://www.РосФинКом>.

УДК 33

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

(на примере Республики Азербайджан)

Гусейнова Х.М.

ON THE PROBLEM OF SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT (THE REGION OF AZERBAIJAN)

Guseionova Kh.M.

В статье рассмотрены проблемы социально-экономического развития региона. Показано, что основой анализа и оценки современных региональных процессов является экономическая теория, которая дает возможность рассматривать макро- и микроэкономические аспекты социально-экономического развития.

The article describes the objects of social and economic development. It is shown that the analysis and evaluation processes is a modern regional economic theory, which makes it possible to consider the macro-and microeconomic aspects of socio-economic development of the region .

Ключевое слово: регион, многофакторность, экономических субъектов, социально-экономического развития, региональ-ная экономика региональных процессов.

Keywords: region, poly incentive, economic subject, social-economic development, regional economy, regional process.

Экономическая трансформация коснулась многих сторон функционирования региона как сложного социально-экономического организма, который даже в условиях плановой экономики никогда не руководствовался неким единым критерием в выборе экономического поведения. Жизнедеятельность региона находится в прямой зависимости от знания информации, умения использовать ее в процессе управления. Данный фактор рождает новую форму отражения объективной реальности, в частности, социально-информационное отражение, дающее возможность создания информационно-социологических региональных полигонов и проведение на них различных социальных экспериментов, социальных проектов, построения вариационных моделей развития и управления социальной действительности, что позволяет сделать вывод о необходимости создания единого информационного пространства объекта исследования - региона [1].

Происходящие процессы обусловили изменения как на микроэкономическом, так и на макроэкономическом уровнях. Основой анализа и оценки современных региональных процессов является экономическая теория, которая дает возможность рассматривать макро- и микроэкономические аспекты социально-экономического развития региона. В силу сложности и взаимообусловленности социально-экономических процессов, а также существенного влияния на пространственное развитие неэкономических факторов, определяющих поведение экономических субъектов, выделяется особый комплекс проблем, являющихся предметом изучения. Главная задача состоит в определении общих тенденций трансформационных процессов. Существенным становится выявление наиболее устойчивых характеристик, отражающих динамику социально-экономических изменений. Необходимо задействовать все ресурсы: интеллектуальные, финансовые, информационные для выстраивания такой стратегии развития, при которой создавались бы условия для устойчивого роста экономики всех регионов, а также ускоренного социально-экономического развития проблемных регионов.

В Азербайджане, который представляет собой модель сложной территориальной, социально-экономической системы, решаются задачи обеспече-

ния равновесия экономического развития регионов и снижения до минимума существующих между ними различий. Это возможно на основе естественных связующих элементов, определяемых конкретными жизненными ситуациями и реализуемыми через культуру, язык, традиции, использование единых ресурсов, поддержание должного уровня коллективной безопасности жизнедеятельности. Успешно реализуется «Государственной Программа» регионального развития. Основная ее задача состоит в последовательном воплощении в жизнь мероприятий, направленных на обеспечения равновесия в экономическом развитии регионов, повышении социального благосостояния и жизненного уровня граждан в регионах, а особенно - динамичном развитии ненефтяного сектора.

Понятие «регион» включает в себя несколько составляющих: географическое понятие «регион» (от лат. regions - область) означает то же, что и район; «территория (акватория), часто очень значительная по своим размерам, не обязательно являющаяся таксономической единицей в какой-либо системе территориального членения» [2, С. 111]; существует географическое единство региона: центр, вокруг него каркас [3, С. 78]; экономическое понятие - для экономики наибольшее значение имеет выделение регионов с позиций административного и экономического регулирования, регионального разделения труда, функционирования рынков, типичности социально-экономических проблем, поэтому в экономической науке в настоящее время сложилось представление о регионе как о самоуправляемой территории (это можно отнести к Азербайджанской Республики). В принятой в 2004 году Государственной Программе по социально-экономическому развитию регионов Азербайджана были определены 10 экономических зон (в программу в связи с высоким уровнем развитием город Баку не включен в состав Апшеронской экономической зоны). Выделены следующие экономические зоны: Апшерон; Гянджа-Казак; Шеки-Закатала; Ленкорань; Куба-Хачмаз; Предгорная; Верхний Карабах; Келбаджар-Лачин; Горный Ширвань; Нахичевань [4, С. 20].

Под регионом, на наш взгляд, следует понимать территориальное социально-экономическое образование, основой которого является пространственная организация производительных сил, характеризующееся единством и целостностью воспроизводственного процесса, который может и должен, как представляется, развиваться на собственной экономической базе. Регион имеет единую структуру, включающую физико-географическую, экономическую, политико-административную, этническую, социокультурную, правовую, политическую составляющие, соответствующие им социальные институты, при определяющей роли институтов управления в организации жизни региона. Такая форма имеет свое содержание, которое включает: взаимодействие субъектов в процессе воспроизводства условий жизнедеятельности; материально-

вещественные факторы, выступающие основой воспроизводства; количественные и качественные показатели, характеризующие результат, — уровень социально-экономического развития.

Многофакторность и разнохарактерность резервов, явлений и процессов вызывает необходимость применения для их структурирования методологии системного подхода. Регион, рассматриваемый с этих позиций, представляет собой упорядоченную совокупность различных элементов, между которыми существуют или могут быть установлены определенные связи [3, С. 78]. Важнейшим аспектом при этом является сохранение и развитие особенностей конкретного региона, который требует особого внимания общества и государства к поддержанию жизненных сил естественно-природной составляющей. Такой аспект трактовки категории «регион» обусловлен необходимостью корректировки приоритетов в направлении усиления внимания к проблемам социально и экологически ориентированного экономического развития. Региональная система, являясь составной частью единой социально-экономической системы страны, состоит из иерархически взаимосвязанных территориальных образований разного уровня, которые сами по себе также являются сложными территориальными экономическими системами. Каждая из этих систем выполняет свои функции в территориальной системе более высокого уровня. Следовательно, региональная экономика как мезоуровень экономики представляет собой ее самостоятельный сегмент. Основной целью региональной экономики выступает обеспечение достойного уровня жизни населения. Развитие любого объекта— это переход от одного его качественного состояния к другому. Исходя из этого, развитие региона можно представить как комплексный процесс изменений его экологической, экономической, социальной, духовной, пространственной, политической сфер, приводящий к их качественным преобразованиям и в конечном счете к изменениям условий жизни самого человека [3, С.76].

Для типологии регионов используются, как правило, показатели, характеризующие особенности функционирования всего производственного процесса в них, в том числе показатели специализации промышленного производства, занятости населения, развития инфраструктуры, наличия научно-технических кадров и другие. Каждый регион требует дифференцированного подхода при анализе его состояния, выявлении проблем и разработке рекомендаций, направленных на стабилизацию социально-экономической ситуации и достижение последующего эффективного ритма функционирования.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Барбаков О.М. Региональное управление: реалии и перспективы, СПб.: Лань, 1999.
2. Советский энциклопедический словарь. М., 1987.

3. Каганский В. Советское пространство: конструкция и деструкция // Регионоведение. 1998. № 5. 38-56 с.
4. Государственная Программа по социально-экономическому развитию регионов Азербайджана (2004-2008).
5. Сигов И.И. Региональная собственность. — СПб. 2001.
6. Алексеев Ю.П. Регион. Управление. Качество. М.: Луч, 2000 - 160 с.

УДК 330

ОСОБЕННОСТИ СОДЕРЖАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ УСЛОВИЯХ

Магомаева Л.Р.

FEATURES OF THE CONTENT OF ENTREPRENEURSHIP IN MODERN RUSSIAN CONDITIONS

Magomaeva L.R.

В статье анализируется содержание предпринимательской деятельности на современном этапе в России. Автором выяснено, что предпринимательская деятельность во всем мире связана с рисками инновационной и новаторской деятельности, однако, российская специфика заключается в низком уровне инновационной активности, поэтому особенность российского предпринимательства связана с разнообразными рисковыми стратегиями.

Entrepreneurial activity around the world related to the risk of innovation and innovative activities, however, the Russian specificity is the low level of innovative activity, so characteristic of Russian entrepreneurship is associated with a variety of risky strategies.

Ключевые слова: предпринимательство, деятельность, бизнес, риск, инновации, производство, государство.

Keywords: entrepreneurship work, business, risk, innovation and production, state.

Основу национальной экономики государства с развитыми рыночными отношениями составляет предпринимательство, осуществляемое отдельными гражданами или предприятиями различных организационно - правовых форм. Как отмечают В.П. Попков и Е.В. Евстафьева, в общепринятом понимании предпринимательская деятельность представляет собой такую организацию факторов производства (ресурсов), которая удовлетворяла бы потребности общества в материальных благах и услугах, с конечной целью реализации собственных материальных интересов предпринимателя [7, С.12].

Приведенное определение учитывает типовые, характерные черты предпринимательской деятельности, которые приняты в мировой экономической науке: стремление получить прибыль, действия в условиях риска и инновационную деятельность. Эти же идеи отражены в нормативном определении предпринимательской деятельности, которое дано в ст. 2 ГК РФ. Предпри-

нимательская деятельность - самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке [3].

В.П. Савелов выделил и прокомментировал основные признаки предпринимательской деятельности [8, С.127]: самостоятельность предпринимательской деятельности предполагает имущественную и организационную независимость субъекта предпринимательской деятельности; рисковый характер предпринимательской деятельности является неотъемлемой частью рыночной экономики, а основным риском является риск неполучения прибыли либо получение прибыли в меньшем объеме, чем ожидал субъект предпринимательской деятельности; направленность на систематическое получение прибыли означает, что деятельность, признаваемая в качестве предпринимательской, осуществляется субъектом с целью неоднократного (постоянного) извлечения прибыли, даже при временном ее отсутствии; прибыль извлекается от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ и оказания услуг, но в российских условиях исчерпывающую формулировку таких источников нельзя признать удачной, поскольку многообразие направлений предпринимательской деятельности предполагает и иные источники получения прибыли; признак государственной регистрации субъектов предпринимательской деятельности неоднозначен и, следовательно, правильнее говорить о том, что государственная регистрация является необходимым условием для легализации предпринимательской деятельности в России.

Можно выделить и иные признаки предпринимательской деятельности, не вошедшие в понятие предпринимательской деятельности. Например, полная имущественная ответственность субъектов предпринимательской деятельности, профессионализм, целенаправленность предпринимательской деятельности и др. Непременным условием развития предпринимательства является существование частной собственности.

С позиций известных зарубежных исследователей, таких как П. Дракер [5, С.41], и некоторых российских ученых (Г.А. Багиев, В.М.Тарасевич и др.) [1, С.81], предпринимательство рассматривается не просто как бизнес, а как процесс непрерывного поиска изменений путем производства и распределения новых товаров. Таким образом, предпринимательство – это особый стиль хозяйствования, которому присущи принципы новаторства, постоянной инициативы, ориентации на нововведения в процессы производства, распределения и потребления товаров. В то время как «обычный» бизнес – это простая производственная деятельность, т.е. организация и регулярное осуществление

одного и того же производства, сбыта и распределения или другой деятельности в рамках апробированных технологий, норм и правил для удовлетворения сложившихся ранее потребностей.

Между понятиями «предпринимательская деятельность» и «бизнес» можно поставить знак равенства, если иметь в виду, что первый термин — русского происхождения, а второй — иностранное понятие. В то же время, когда хотят подчеркнуть новаторскую сторону бизнес-деятельности, то используют термин «предпринимательская деятельность» [6, С. 137]. Например, совместное предпринимательство, рисковое (венчурное) предпринимательство. Все это подразумевает новое качество как самой деятельности, так и ее результатов. Но, несмотря на инновационную особенность предпринимательской деятельности, ее смысл и цели совпадают с обычной бизнес - деятельностью.

Из определения сущности предпринимательской деятельности легко вывести следующие основные условия ее существования и развития [4, с.49]: собственность на средства производства и конечный продукт деятельности, а также возможность получать или передавать права собственности на экономические блага; частная автономия (или относительная обособленность) хозяйствующих субъектов, предполагающая свободу хозяйственной деятельности, договоров, объединений, профессионального и потребительского выбора; развитые формы обмена, т.е. наличие товарно-денежных отношений, в том числе свободная купля-продажа труда.

Следовательно, в классическом виде предпринимательская деятельность порождена рыночной системой хозяйства, будучи вместе с тем ее главным звеном. Предпринимательство и рынок являются неразрывными, существуют и развиваются вместе. Поэтому есть основание считать, что в существующем виде предпринимательская деятельность в России, не будучи инновационной по своей сути в настоящее время, может в процессе развития рыночной экономики приобрести новаторский характер. В связи с этим логично добавить еще один тезис: в процессе эволюции рыночной экономики изменяется и экономическая организация предпринимательской деятельности вместе с изменением условий ее существования.

Во-первых, с усилением экономической роли государства и общественных организаций видоизменяется характер социального заказа. Государство становится не только одним из заказчиков (наряду с индивидуальными потребителями и другими фирмами), но и регулятором, контролером предпринимательской деятельности. Во-вторых, с развитием кредитно-финансовой системы предпринимательская деятельность все больше зависит от возможностей привлечения и использования заемных средств. В-третьих, изменяются отношения собственности в процессе организации предпринимательской деятельно-

сти. В результате отделения управления от собственности непосредственным субъектом предпринимательской деятельности становится профессиональный управляющий — менеджер. Общую координирующую функцию при этом продолжает выполнять собственник (собственники) капитала [2, С.137].

Таким образом, предпринимательская деятельность представляет собой систему отношений между непосредственными организаторами производства и теми лицами, организациями и структурами, которые образуют внутреннюю и внешнюю среду предпринимательской деятельности. Внутренняя среда предпринимательской деятельности складывается из отношений между собственниками капитала, менеджерами и наемными работниками. Внешняя среда характеризуется взаимодействием организаторов предпринимательской деятельности с государственными и общественными структурами, поставщиками, кредиторами и потребителями. При этом каждый участник деловых отношений имеет свои интересы, суть которых отражена в табл. 1.

Таблица 1.

Участники предпринимательской деятельности	Интересы
<i>I. Внутренняя среда</i>	
1. Собственник(и) капитала	Сохранение и умножение капитала. Получение постоянных и устойчивых доходов. Право принимать окончательные решения
2. Менеджеры	Получение прибыли и развитие фирмы. Собственные интересы (вознаграждение, независимость, власть)
3. Наемные работники	Высокая заработная плата. Надежность рабочего места, хорошие условия труда и высокий уровень социальной защищенности
<i>II. Внешняя среда</i>	
1. Государство и общественность	Создание рабочих мест, социальный мир. Конкурентоспособность на мировом рынке. Получение налоговых доходов. Стабильность цен. Поддержание рыночных отношений путем антимонопольных мер. Защита окружающей среды и интересов потребителя
2. Поставщики	Высокие доходы и низкие расходы. Стабильность договорных связей
3. Кредиторы	Высокие проценты. Гарантированность возврата кредита. Возможность влияния на фирмы
4. Потребители	Широкий выбор, высокое качество, низкие цены. Высокий уровень сервисных услуг

Из информации, представленной в табл. 1, следует, что интересы участников предпринимательской деятельности весьма разнообразны и часто противоречивы. Очевидно, что бесконфликтная реализация такого многообразия интересов очень сложна, а иногда и невозможна. Вследствие этого экономический и социальный успех предпринимательской деятельности зависит от уровня гармонизации этих интересов и от того, насколько успешно получилось минимизировать разрыв в интересах различных участников, добившись динамического равновесия между их целями.

Реализация предпринимательской деятельности невозможна без взаимо-

действия с различными элементами и активно действующими силами внешней среды. В большинстве случаев к числу субъектов предпринимательской деятельности относят [2, с.143]: самого предпринимателя (его предприятие), как субъекта организации и осуществления предпринимательской деятельности; потребителя как основного контрагента предпринимателя; государство в лице различных организаций и учреждений, которое может влиять на конечные результаты предпринимательской деятельности; наемного работника (в случае, если предприниматель работает не обособленно); партнеров по предпринимательству (как правило, поставщиков ресурсов, кооператоров и посредников).

Развитие предпринимательства тесно связано с его средой, которая включает в себя все силы, с которыми фирма сталкивается в своей ежедневной и стратегической деятельности. Как показала Т.Н. Кошелева, эту среду можно поделить на среду ближайшего окружения и общую среду фирмы [7, С.142]. Содержание, формы и виды предпринимательской деятельности неразрывно связаны с известной структурой процесса воспроизводства. В частности выделяют четыре основные сферы предпринимательской деятельности: производственная, коммерческая, финансовая и сфера потребления.

Кроме того, существует еще два вида предпринимательской деятельности: инновационная и маркетинговая, которые, с одной стороны, являются составной и обязательной функцией перечисленных выше сфер деятельности, а, с другой, могут выступать как самостоятельный вид предпринимательства.

Итак, предпринимательство нужно рассматривать как деятельность, которая осуществляется в условиях риска, с целью получения максимальной прибыли за счет эффективного использования имеющихся ресурсов, посредством реализации различных стратегий, в том числе, и новаторских, инновационных решений; основными признаками предпринимательской деятельности, которые приняты во всем мире, являются следующие: самостоятельность предпринимательской деятельности; рисковый характер, который является неотъемлемой частью рыночной экономики; направленность на получение прибыли; инновационный и новаторский характер, спецификой российских условий являются слаборазвитые инновационные направления предпринимательской деятельности, и поэтому российской особенностью является использование различных стратегий предпринимательской деятельности, а не только создание новаторской продукции или оказание соответствующих услуг.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Багиев Г.Л., Тарасевич В.М., Анн Х. Маркетинг: учебник для Вузов / Под общ. ред. Г.Л. Багиева. – М.: ОАО Изд-во «Экономика», 1999. – 703 с.
2. Батова Т.Н., Васюхин О.В., Павлова Е.А., Сажнева Л.П. Экономика промышленного предприятия: учебное пособие. – СПб.: СПбГУ ИТМО, 2009.

– 250 с.

3. Гражданский кодекс РФ: Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Консультант Плюс. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/popular/gkrfl/> (дата обращения 04.07.2011)

4. Гребеник В.В., Шкодинский С.В. Основы предпринимательства: учебный курс. – М.: МИЭМП, 2006. – 190 с.

5. Дракер П. Рынок: как выйти в лидеры - М.: Прогресс, 1992. – 378 с.

6. Кошелева Т.Н. Организация предпринимательской деятельности: учебное пособие. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургской академии управления и экономики, 2010. – 196 с.

7. Попков В.П., Евстафьева Е.В. Организация предпринимательской деятельности. Схемы и таблицы. – СПб.: Питер, 2007. – 352 с.

8. Савелов В.П. Российское предпринимательское право: курс лекций. – М.; МИЭМП, 2004. – 216 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНДРЕЕВА Арина Анатольевна -аспирант кафедры международных отношений, ФГБОУ ВПО «Воронежский Государственный Университет»

Адрес:394006, г. Воронеж, Университетская площадь, 1

АБРАУХОВА Валентина Владимировна – кандидат педагогических наук, директор Дворца творчества детей и молодежи г. Ростова-на-Дону.

Адрес: 344082, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 55.

БЫКОВА Екатерина Сергеевна – аспирант, ГОУ ВПО «Московский государственный университет приборостроения и информатики».

Адрес: 107014, г. Москва, ул. Стромынка, 20.

ГАБЕЕВ Валерий Васильевич – старший преподаватель кафедры философии, ФГБОУ ВПО «Горский государственный аграрный университет»

Адрес: 362040, Республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, улица Кирова, 37.

ГАССИЙ Виолетта Валерьевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, ГОУ ВПО «Кубанский государственный университет».

Адрес: 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.

ГОВЕРДОВСКАЯ Елена Валентиновна – доктор педагогических наук, профессор, ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет»

Адрес: 357500, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9.

ГУСЕЙНОВА Хатира Маил - кандидат физико-математических наук, доцент кафедры «Информационные технологии в государственном управле-

нии», Академия Государственного Управления при Президенте Азербайджанской Республики

Адрес: AZ100, Азербайджан, г. Баку, ул. Лермонтова, 74

ГРИНЕВИЧ Ирина Марьяновна – доцент кафедры управления образованием, ГБОУ ДПО «Ставропольский краевой институт развития образования, повышения квалификации и переподготовки работников образования»

Адрес: 355003, г. Ставрополь, ул. Ломоносова, 3.

ДМИТРИЕВА Наталья Валерьевна – аспирант, ФГАОУ ВПО «Южный федеральный университет».

Адрес: 344082, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42.

КОВАЛЕВА Марина Владимировна - старший преподаватель кафедры физической культуры №1, Национальный исследовательский университет «Белгородский государственный университет»

Адрес: 30800, г. Белгород, ул. Победы, 85

ЛИПИЛИНА Елена Юрьевна – начальник учебно-методического отдела, старший преподаватель кафедры «Технологии, конструирование и оборудование», Ставропольский технологический институт сервиса (филиал) ФГБОУ ВПО «Южно-Российский государственный университет экономики и сервиса».

Адрес: 355035, г. Ставрополь, пр-т. Кулакова, 41/1.

МАНГАСАРЯН Марина Кареновна – преподаватель кафедры немецкой филологии, ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет»

Адрес: 357500, г. Пятигорск, ул. Октябрьская, 38.

МАГОМАЕВА Лейла Румановна – кандидат экономических наук, заведующий кафедрой, ФГОУ ВПО «Грозненский государственный нефтяной технический университет имени академика М.Д. Миллионщикова».

Адрес: 364000, г. Грозный, ул. Авторханова (Клары Цеткин), 14/53.

МАХОВА Анна Васильевна - аспирант, ФГАОУ ВПО «Южный федеральный университет»

Адрес: г. Ростов-на-Дону, ул. Б.Садовая, 105/42

МИГУЛИНА Дарья Алексеевна – соискатель кафедры гражданского права, ФГАОУ ВПО «Южный федеральный университет».

Адрес: 344082, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, 88.

МИНСИТОВА Мария Викторовна - старший преподаватель, Алтайский институт экономики (филиал) НОУ ВПО «Санкт-Петербургская академия управления и экономики»

Адрес: 656011, Алтайский край, г. Барнаул, просп. Ленина, 145

МИФТАХОВ Айдар Масхутович - аспирант, Казанский Федеральный университет

Адрес: 420008., г. Казань, ул.Кремлевская, 18

РУМБА Ольга Геннадьевна - кандидат педагогических наук, профессор кафедры физической культуры №1, Национальный исследовательский университет «Белгородский государственный университет»

Адрес: 308000, г. Белгород, ул. Победы, 85

САДОВНИКОВ Евгений Степанович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной работы и педагогики, ГОУ ВПО «Волгоградский государственный университет».

Адрес: 400076, г. Волгоград, ул. Красикова, 1а.

СЕИДОВА Шахназ Исмаил гызы- преподаватель, Бакинский славянский университет

Адрес: AZ100, Азербайджан, г. Баку, ул. С.Рустама,25

ТАРАСЕНКО Владислав Валерьевич – кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Институт философии РАН.

Адрес: 119991, г. Москва, ул. Волхонка, 14.

ФЕЛЬДЕ Юрий Владимирович – заместитель начальника управления, Главное управление по обеспечению безопасности дорожного движения МВД России

Адрес: 420059, г. Казань, ул. Оренбургский тракт, 5.

ЧЕРЕПАНОВ Евгений Васильевич – кандидат технических наук, главный специалист, ОАО «Институт экономики и комплексных проблем связи».

Адрес: 117209, г. Москва, ул.Зюзинская, 6, корп.2.

ЯБЛОНСКАЯ Людмила Михайловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры экономико-правовых основ управления, ФГБОУ ВПО «Челябинский государственный университет».

Адрес: 45413, г. Челябинск, ул. Молодогвардейцев, 70б.

ТРЕБОВАНИЯ К ПУБЛИКУЕМЫМ МАТЕРИАЛАМ

I. Правила публикации статей в журнале

1.1. Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, неопубликованным ранее в других печатных изданиях. Все статьи проходят проверку на плагиат. Статьи и иные материалы представляются в

редакцию по электронной почте redsov@mail.ru.

1.2. Статья рецензируется в порядке, определенном в Положении о рецензировании (см.сайт www.cegr.ru).

II. Комплектность и форма представления авторских материалов

2.1. Обязательными элементами публикации являются следующие: индекс УДК – должен достаточно подробно отражать тематику статьи (правила индексирования см.: www.teacode.com. название статьи (на русском и английском языках); фамилия и инициалы автора (соавторов); аннотация (на русском и английском языках); ключевые слова (на русском и английском языках); текст статьи; примечания и библиографические ссылки (литература);

2.2. Правила оформления текста следующие: авторские материалы должны быть подготовлены с установками размера бумаги А4 (210x297мм), с полуторным междустрочным интервалом; цвет шрифта – черный, размер шрифта – 14 кегль, Times Roman. Размеры полей: правое – 25 мм, левое – 25 мм, верхнее – 25 мм, нижнее – 25 мм.. Подчеркивание в тексте нежелательно. Все текстовые авторские материалы принимаются в форматах doc и rtf. Исправления и дополнения, внесенные без ведома редакции, учитываться не будут. Страницы публикации не нумеруются, колонтитулы не создаются.

2.3. Рисунки. Чертежи. Графики. Иллюстрации должны иметь наименование; на них должны быть даны ссылки в тексте статьи. Слово «Рисунок», его порядковый номер, наименование и пояснительные данные располагают непосредственно под рисунком, их следует нумеровать арабскими цифрами сквозной нумерацией. Если рисунок один, он не нумеруется. Текстовое оформление иллюстраций в электронных документах: шрифт Times New Roman, 9 кегль, прямое начертание. Чертежи, графики, диаграммы, схемы, иллюстрации, помещаемые в публикации, должны соответствовать требованиям государственных стандартов Единой системы конструкторской документации (ЕСКД). Все иллюстрации должны быть представлены отдельными файлами электронных документов. Все объекты, включая формулы, должны быть созданы помощью соответствующих интегрированных редакторов MS OFFICE и сгруппированы.

2.4. Таблицы Таблицы должны иметь наименование и ссылки в тексте. Наименование должно отражать их содержание, быть кратким, размещенным над таблицей. Текстовое оформление таблиц в электронных документах: шрифт Times New Roman, 9 кегль, начертание прямое. Таблицы не требуется представлять в отдельных документах.

2.5. Примечания, ссылки и библиографическое описание источников (список использованной литературы). Совокупность затекстовых библиографических ссылок (список использованной литературы) оформляется как пере-

чень библиографических записей, помещенный после текста документа. Нумерация сквозная по всему тексту. Для связи с текстом документа порядковый номер библиографической записи в затекстовой ссылке набирают в квадратных скобках в строку с текстом документа, например, [7]. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста документа, в отсылке указывают порядковый номер и страницы, на которых помещен объект ссылки, например, [7, с.15]. Библиографических ссылки (ЛИТЕРАТУРА) оформляются согласно ГОСТ Р 7.0.5-2008.

2.6. Текст статьи предоставляется в электронном виде в отдельном файле в формате doc. или rtf. Название файла – фамилия первого автора + «статья». Например: «Петров, статья. rtf ». Файлы иллюстраций и диаграмм предоставляются в электронном виде: в одном файле – одна иллюстрация или диаграмма в формате jpg., tif. (для полутоновых изображений) или ai, cdr, eps (для векторных изображений). Название файла – фамилия первого автора + «рис N», строго в порядке следования в статье. Например: «Петров, рис. 1.jpg», «Петров, рис. 2.eps».

Рецензию или отзыв научного руководителя (консультанта), заверенные печатью факультета, администрации вуза или отдела кадров вуза, следует отсканировать с разрешением 100 dpi (полноцветное изображение), сохранить в отдельный файл в формате jpg. или pdf. Название файла – фамилия первого автора + «рец». Например: «Петров, рец.jpg».

КОНТАКТЫ С РЕДАКЦИЕЙ

На всех стадиях работы с рукописями и для общения с авторами, редакцией и рецензентами используется электронная почта, поэтому авторы должны быть внимательны при указании своего электронного адреса.

Электронный адрес: **redsov@mail.ru**

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ РЕГИОНОВ**

Научно-теоретический журнал

№ 5 2011 г.

Подписано в печать 30.09.2011. Формат 340x245

Бумага офсетная. Тираж 1000 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета,
представленного авторами, в типографии

ЗАО «Центр Универсальной Типографии»

344006, г. Ростов-на-Дону, Пушкинская ул., 140, оф.201